

ЗЫКОВ Б. К.

**СОБРАНИЕ
РАННИХ
СОЧИНЕНИЙ**

Борис Константинович Зыков

Собрание Ранних Сочинений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68788119

SelfPub; 2023

Аннотация

Собрание ранних сочинений Бориса Константиновича Зыкова готово предложить читателю спектр самых различных эмоций. В данной книге собрано тридцать рассказов / изложений / зарисовок, написанных как от лица выдуманных персонажей, так и по мотивам свидетельств вполне реальных личностей. Начиная с писателя активно играет с литературными жанрами и ведёт рассказ то от женского, то от мужского лица, ваяя в воображении читателя всё новые и новые образы то в мрачно-готических, то в комично-анекдотических красках. Этаким альманах о жизни, размышлениях и наблюдении за окружением через призму бесконечных фантазий о заговорах и псевдоисторизме.

Содержание

ГОН	5
ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ	11
ВЗРОСЛЫЕ НА ДЕНЬ	16
СВЯЗИСТ С ЮГА	22
СОЛДАТСКАЯ ДРУЖБА	34
ТЁТЯ ВЕРА	44
ОРГАНИЗАТОР КОНЦЕРТОВ ПУШКИНА	53
БОРЩ ДЛЯ ТУЗЕНБОБИЛЯ	60
ВО ВСЁМ ПЕРВЫЙ	65
ОЛДБОЙ	70
О СТАРЫХ ДЕВАХ	80
БОРЬБА С НЕДОСЫПОМ	84
ДОСУГ ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ	94
ЗАБАСТОВКА ЗОМБИ	96
СОСУЛЬКА ДЛЯ ДОКТОРА	102
ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА	107
СКАЗКА ОБ ОДНОМ КОПАТЕЛЕ	113
ДУРНЫЕ ДРУЗЬЯ	127
ДВА ДЕСЯТКА БАТОНОВ	134
ТРИ ДВЕРИ В ПЕРЕУЛКЕ «У»	139
ПРИЗРАК СЕРЕБРЯННОГО ЗЕРКАЛА	146
НОЧНОЙ ДОЗОР	155
УЗБЕКСКИЕ ДЫНИ	162

ТРЕТИЙ ДЕНЬ В САНАТОРИИ	165
ЧУЖАК НА ПАСЕКЕ	172
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПАСЕКУ	181
ЗАРОСШИЙ ДОМ	193
СКАЗКИ ВОКРУГ НАС	200
ДРУЖБА ПО ИНТЕРНЕТУ	206
ВОЗВРАЩЕНИЕ БАБУШКИ	212

Борис Зыков

Собрание Ранних Сочинений

ГОН

Я всегда плохо учился. Не люблю это дело: выполнять домашние задания и следовать учительским указаниям. Однако, благодаря собственной эрудиции, умудряюсь перебивать с тройки на четвёрку. Кроме химии – химия совсем не по мне, уж извините.

Однажды я получил по химии четыре двойки подряд всего за два урока. Учитель даже вызвал моих родителей на серьёзный разговор. Но ему не удалось объяснить, почему за урок он ставил две оценки вместо одной – от этого его претензии в отношении моей успеваемости смотрелись предвзято.

В свободное время вожусь больше с отстающими, чем с отличниками. Ну а что? Они ведь тоже люди, в конце концов... Даже Колян. Посему сам числюсь отстающим в учи-

тельских заметках. Собственно, преподады и не скупятся на письменные замечания в наши дневники.

Да, Колян мне друг! Мы с ним с детского сада – не разлей вода. Он мне по русскому помогает, а я ему по иностранному языку. Иногда это здорово выручает нас на уроках, а иногда нет. А еще у нас подчерки похожи, даже учителя не отличают! Только Колян левой пишет, а я правой.

Как у порядочных среднестатистических троечников, у нас есть свой схрон контрольных работ за гаражами. Раз в год мы устраиваем там костерки, развеивая свои неудачи по ветру в жарком пламени огня.

Да, нам нравится жечь костры. Но гараж дяди Вени не мы спалили, честное слово!

Дома оправдывались, что преподаватели сами наши работы теряли и не возвращали нам (привирали – не без этого). Дневники не жгли – это святое, хоть и потёртое годами. Нет, я не выводил оценки, хотя Колян как-то вычищал замечания учителей крахмалом.

Помню, однажды, когда не выполнил домашнее задание, предпочёл сорвать занятие лёгкой диверсией: спровоцировав срабатывание пожарной сигнализации при помощи своей карманной зажигалки. А зажигалка у меня не простая, бензиновая, с гравировочкой – папа подарил. У нее еще крышка звонко щелкает, как в американских блокбастерах про крутых парней. Не то чтобы я воображал себя крутым, но на папу походить старался. Кстати, у него такая же зажи-

галка есть.

Мой папа – образец для подражания, и не важно, что три года он отсидел из-за доноса дяди Вени. Там дело мутное было, лучше не вникать. Папа у меня добрый, когда я успеваю по учёбе. Он рад был одаривать меня различными интересными вещами, пока я хорошо учился. Но так как хорошо учился я лишь в начальных классах, то и последние подарки были давно. Теперь же от него и пряника не дождёшься, только кнут.

Одним из самых значимых подарков папы был для меня ножик-бабочка. Ох, сколько я им забавных фраз нацарапал в своё время на школьной мебели! Но фраз не обидных. Правда, спустя какое-то время он от меня ушел. Ножик ушел, не папа... В смысле потерялся... Ножик-бабочка.

За остроту слова меня ценят сверстники, и часть старшеклассников. Другая часть на меня зуб имеет. Сейчас уже трудно так сразу сказать за что конкретно. У меня даже пятёрка по риторике! Даже по музыке четверка, а по риторике твёрдая «пять». Как умудрился по музыке до четвёрок скатиться? Ну, я однажды речитатив рэпом назвал. Похоже, это задело учителя. Да и ритма особо не чуял в хоровых пениях.

Не сказать прямо, что я в авторитете, но вес имею на собраниях нашего дворового клуба. У меня даже есть свой метод решения тестовых заданий, но это всё учебная рутина.

В то время, как школьный староста бился за качество проявления знаний одноклассников на городских олимпиадах,

я собирал отстающих драться за школу на пустыре, супротив гопоты из соседней школы. Повадилась, значит, со своим АУЕ в наши районы шпана из соседних кварталов – мелочь стрелять. Зачастую требовалось парировать их выпады деликатно, чтобы на старших не напороться. Благо, ходили они обычно по двое, по трое. Достаточно вытянуть на подзатыльники самого рослого и в случае достойного отпора, сорванцы отступают. Иногда даже подружиться удаётся после разборок.

Куда опасней одиночки, охочие до наживы. Они, как правило, сплошь пернаты и непредсказуемы. Сам бы я в жизни один на дело не пошел бы, пусть даже с пером. Не то чтобы я вообще на подобные дела ходил... Да и не ходил вовсе. Я это к тому, что в наше время без шухера в любом деле никак, и при отсутствии глаз на затылке контролировать окружающую обстановку тяжело.

У тех, кто побогаче, имеются тазеры и травматические пистолеты. Везёт, что и мозги у них в наличии, по крайней мере у тех, с кем знаком. Впрочем, порой, пацаны рассказывали, как один из сверстников разгонял стройные ряды девчонок стрекотом своего тазера во время строевой подготовки.

Сотка? Нет, мобилы у меня сейчас нет... Сгорела. Нет, не сжег зажигалкой. Был у меня раньше кнопочный телефончик. Я его кирпичом называл, так как он был достаточно увесист и хорошо в руке лежал. Однажды в нём закончился заряд в неподходящий момент, и требовалось позарез подза-

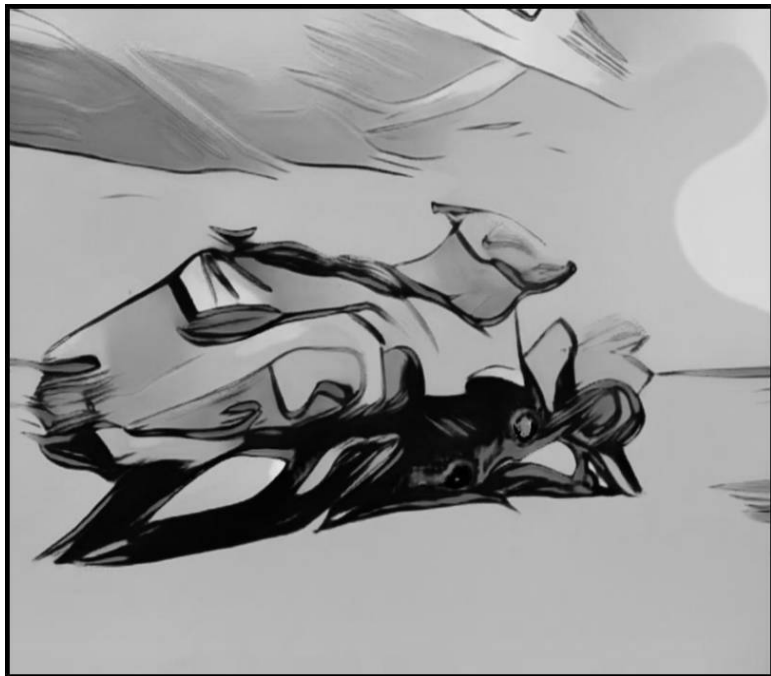
рядить. Колян посоветовал воспользоваться тазером, говорил, что уже так делал – главное не промахнуться в разъём для зарядки. Вроде не промахнулись, но микросхему спалили. Знаю, глупо получилось.

Учитель по строевой подготовке у нас суров на уроках, но скромнен после занятий. Будучи по совместительству физруком в младших классах, он имел достаточно хорошую физическую подготовку, однако встреч со шпаной предусмотрительно избегал. Говорят, он служил в Афганистане, но был бит когда-то старшеклассниками у собственного дома (давняя история). Но мои одноклассники уважают его за необычную технику лазанья по канатам (вверх тормашками), и некоторую снисходительность в оценках. Однажды мы с Коляном даже его до дома провожали, когда он выпил лишнего. Нет, сам я вообще не пью.

Однако самым уважаемым у нас был учитель по истории, который по молодости танки водил на границе. Правда, он был демобилизован раньше времени из-за того, что разбил ноги в ходе затяжных танковых учений. Да, управлять танком оказалось напряжно для суставов историка. На уроки к нам он приходил с тросточкой...

Доктор, неужели вам не интересно? Что вы всё время записываете? Прекратите это! Я не декламировать своё прошлое сюда к вам пришел. Ну, вы же хотели познакомиться? Вот и рассказываю. Мне от вас особо ничего не надо, просто распишитесь здесь. Меня к вам школьный психолог на-

правил. Как не подпишите? Но меня тогда к урокам не допустят! Эй, я же безобиден! Ну и что, что руки дрожат? Нет, клей не нюхал, и красками не увлекаюсь. Мне вообще, если честно, ИЗО не очень по душе. Мой адрес? Зачем вам? Нет, в больницу я не вернусь. Давайте так: меня здесь не было. А подпись, авось, кто-нибудь другой поставит. До свидания... И вам не хворать.

ИГРА ВООБРАЖЕНИЯ

– Любопытные камни, – молвила девочка лет двенадцати, указывая пальцем на невысокую гряду, лежащую неподалеку от места, где они сидели: она и её брат.

Брат только плечами пожал:

– Камни как камни. Чего в них особенного?

Был ранний час. Взошедшее солнце еще не успело согреть воздух и прогнать ночную стужу. Облака лежали полупрозрачной вуалью на еще сонном голубом небе. В низине разрослась верблюжья колючка. Стебли с мелкими розовыми цветами оживляли серо-коричневый пейзаж, и смотрелись на этом фоне особенно ярко и красиво, как крылья слетевшихся неизвестно откуда бабочек. Дети пригнали сюда коз, и те радостно принялись за любимое лакомство. Сами юные пастухи устроились на возвышении, завернувшись в шерстяные плащи.

– Камни похожи на обломки звездолета! – заворожённо продолжала девочка.

– Звездолета?! Скажешь тоже, – фыркнул её брат.

– Ага... И, вон, даже надпись с боку есть.

– Не надпись, а просто трещины.

– Надпись-надпись! Просто язык непонятный.

– Когда ты свои фантазии померишь, а?

– Знаешь, что здесь написано?

– Что ты – дурочка?

– Нет, – с достоинством ответила девочка, привыкшая к черствости брата, – здесь написано название корабля! Наверное, что-то быстрое. Например... – она задумчиво пожевала нижнюю губу, – «Стремительный». Или Звездолет «Молния». Нет, не то, слишком обычно. Пусть будет «Самозванец». Дерзко!

– Откуда ты такие слова-то знаешь?

– Книги читаю.

– Звездолет «Самозванец», ха! И кто ж на нем летал? Девчонки, вроде тебя?

– Его пилот был... с другой планеты. И, вообще, не человек.

– А кто?

– Не знаю, – её взгляд сделался мечтательным, – Просто... существо...

...Солнце почти достигло зенита, а существо все еще ползло по склону горы. Мелкие камни жестоко впивались в его тело. Кожа на холодном ветру превратилась в корку, и трескалась, и кровоточила от каждого движения. И, тем не менее, существо не останавливалось. Оно знало, что на этой планете есть вода. Именно это и привело его сюда. Но на подлете, корабль неожиданно сошел с курса и начал падать. И упал – на твердую сухую землю. Теперь существу остава-

лось только ползти, а три черные птицы наблюдали за ним со скалы, рассевшись в ряд: «Что это? – думали они. – Какое оно на вкус?»

Скоро узнаете, невесело подумало существо. Когда-то ему нравились птицы. Он и сам себя считал почти что одной из них – быстрый и свободный... пока его прекрасный корабль не рухнул с неба. Теперь ему предстояло стать кормом для этих чужих созданий с жадными глазами и клювами. Вдали от дома.

Как не похож был этот голый пейзаж на его планету! Сколько хватало глаз – только камни да камни. Низкие гряды уходили за горизонт. Холодный ветер носился над ними, как беспокойный дух, вздымая и расшвыривая мелкий песок. И цвета все тусклые, будто припорошенные слоем пыли. А вот его дом – его дом был многоцветным. Повсюду была вода: от шумящих океанов до веселых ручьев. Чертоги вырастали из коралловых рифов и вздымались ввысь, вырываясь из пучины навстречу небу. Глядишь, бывало, в воду с высоты башни, и в глазах рябит от пестроты морской жизни. Рыбешки – такие скорые, что глазу не угнаться, то тут мелькнет полосатая спинка, то там вильнет серп-плавник.

Увидеть бы еще хоть раз эту красоту! Но нет больше красоты. Его планета вскипела и взорвалась где-то за бескрайней звездной ночью, а существо осталось в одиночестве погибать от жажды и голода.

Вон там, на возвышении, остался лежать его корабль. Ка-

менная пустыня еще не добралась до него, но это ненадолго. Пока она только приглядывалась, как ребенок к новой игрушке: касалась нерешительно, исследуя, но скоро, она вцепится со всей силы и разберет его на части.

Сияющий корпус потускнеет и сольется с серым пейзажем. Превратится в еще один камень.

Впереди показалась расщелина. Существо переползло границу света и тени, неуклюже подтягивая тяжелое тело. А потом оно услышало воду – нет, не игры его уставшего разума! Вода! Журчала где-то рядом! Источник бил из скалы, и прыгая по каскадам, падал в круглый бассейн. Существо бросилось к нему (надежда придала ему сил) и принялось жадно пить. Странно, вода казалась знакомой... сладковатой, свежей, будто бы впитавшей в себя сияние лун его планеты. И существо, напившись вдоволь, впервые за много дней позволило себе уснуть на берегу. И во сне оно снова было ребенком дома, и плавало с рыбами и черепахами. И было очень счастливо...

– И что потом? – спросил брат. – Оно выжило?

– Не знаю, – девочка пожала плечами. – Может быть, не важно. Главное, оно хотело ещё раз увидеть родной дом. И увидело.

– Да, уж. Во сне.

– Сны – это тоже неплохо, – девочка вздернула голову и посмотрела на прозрачные облака. – Мне вот иногда снится, что я лечу за штурвалом самолета, высоко-высоко. Наши

скалы внизу, как гусеницы крошечные, а я поднимаюсь выше, к облакам... ой, а теперь, мне кажется, что те камни похожи больше на скелет дракона! Вон голова, а это – сломанный хребет. Хочешь, расскажу про драконов?

Но брат уже поднялся на ноги:

– Идём, отгоним коз к ручью. Про драконов расскажешь в следующий раз.

ВЗРОСЛЫЕ НА ДЕНЬ

В одном небольшом городке жила девочка Лия. Она была единственным ребёнком в семье, но чувствовала недостаток внимания родителей. Они работали день и ночь, но, так как им платили очень мало, они были вынуждены искать подработки. В таком плотном графике для Лии не было места.

И чтобы девочка меньше скучала, её отвозили на лето к бабушке. Она жила недалеко от их города – всего пара часов на вечернем поезде. Приезжая в деревню в последние годы, Лия почему-то не чувствовала радости, в голове была лишь одна мысль: это лето скоро кончится и всё будет, как раньше. Опять. Год за годом.

Лия любила гулять, она обошла практически все места рядом, сходила в соседние деревни, пересчитала там все дома, изучила все тропинки. Она знала всё это наизусть и могла провести по ним кого угодно с закрытыми глазами. Однажды вечером Лия отправилась в другое место. Она шла через всю свою деревню, и вдруг на неё нахлынули воспоминания из детства. Тогда она была здесь счастлива. Её никто не видел дома с утра до самого вечера, потому что в детстве, чтобы быть счастливым, нужны лишь ноги – выйти на улицу и бегать, прыгать, радоваться каждому моменту, забывая обо всём на свете и веселясь с друзьями.

Но друзья, как и Лия, уже выросли и почти не приезжали в деревню, где провели большую часть своего детства. И вдруг она услышала у себя за спиной:

– Лийка, ты ли это? Я тебя сразу и не узнал, ты так изменилась!

– Лёша? Это ты? – удивилась Лия.

– Да! Неужели совсем меня не узнала? Вот уж я не думал, что так сильно изменился. Сколько мы с тобой не виделись?

– Наверное, года три.

Их радости не было предела, они сразу стали расспрашивать друг друга обо всём. Лёша рассказал, что он с семьёй переехал в тот же городок, где жила Лия. Это означало, что теперь им не надо было расставаться на долгое время и ждать следующего лета.

– Лия, куда пойдём? – спросил Лёша, протягивая ей тут же наспех сорванный букет полевых цветов.

Это было так неожиданно, что Лия даже не нашлась, что придумать, и сказала:

– Давай просто пойдём... прямо...

– Эй, ребята! Подойдите-ка сюда, – окликнул их кто-то.

Это был дядя Андрей, сын Михаила Ивановича – соседа Лёшиной бабушки. Он был очень взволнован:

– Лёша, мы с женой срочно уезжаем в город, деду нашему стало плохо, надо везти его в больницу, а детей оставить не с кем. Помогите нам – посмотрите за ними, не на кого оставить!

Вот так неожиданно ребята на один день превратились во взрослых, у которых много забот, а самое главное – маленькие непослушные дети, шумно игравшие в большой комнате с телевизором.

– Ну, что, с чего начнём? – спросила Лия, когда они проводили машину, увёзшую деда Мишу в районную больницу, и вернулись в дом.

– Давай я сначала за дровами, а ты пока печку затопишь, чтобы обед приготовить. – предложил Лёша.

– Ладно. Посмотрю, что есть в холодильнике и на огороде.

– Стой, а где дети? – испуганно спросил Лёшка, и оба вдруг поняли, что в комнате, где недавно играли пятилетний Миша с шестилетней Машей, подозрительно тихо.

Лия распахнула дверь – пусто! Может, решили поиграть в прятки? Лия и Лёшка осмотрели все шкафы и укромные места в доме, но никого не нашли. И тут Лёшка вспомнил, что часто видел ребятню на грядках с клубникой – у Михаила Ивановича её были целые плантации!

Действительно, беглецы были тут же обнаружены в огороде. Облегчённо вздохнув, Лёшка пошёл за дровами, а Лия, как настоящая хозяйка, пошла готовить борщ – своё коронное блюдо, как она важно сообщила всем (хотя на самом деле это было единственное, что она умела готовить).

Делать домашние дела и одновременно следить за детьми оказалось непростой задачей. Эти непоседы могли мирно играть друг с другом лишь несколько минут.

– Маша, Миша! Успокойтесь! Скоро вы будете кушать, посидите спокойно, скоро мы пообедаем и поиграем, – пыталась воспитывать ребятишек Лия, по-быстрому кромсая в воду очищенные картошку с морковкой.

К тому времени Лёша уже наносил дров и воды в дом, они затопили печку и поставили кастрюлю с супом на плиту. Пока борщ варился, ребята возились с малышами, обучая их играм своего детства и рассказывая им разные сказки и «страшные» истории. Оба подростка веселились от души, они как будто бы снова стали теми детьми, которые каждое лето пропадали на свободе в деревне и были счастливы.

День пролетел незаметно. Когда ребята, накормив детишек, еле-еле уложили их спать, из города вернулись дядя Андрей и его жена Ольга.

– Ну, что, справились? – поинтересовался сосед с порога.

– Да, ребята поели и спят, борщ на плите, – отчитался Лёша.

– И правда, кажется, справились, – подтвердила Лия.

– Вот спасибо вам, выручили, не знаю даже, как вас отблагодарить, держите хоть шоколадки, – сказал дядя Андрей. И добавил, улыбаясь:

– Теперь мы вас всем советовать будем, отличные из вас няньки получились!

– Да, это был необычный день, – сказала Лия немного уставшим, но радостным голосом.

– А как деда Миша? Всё хорошо? – поинтересовался Лё-

ша.

– Да, сейчас уже лучше, – ответила Ольга.

– Ну, ладно, мы пойдём по домам, поздно уже.

– Да, конечно, бабушки уже, наверное, потеряли вас.

– До свидания! – почти хором ответили ребята и рассмеялись.

Лёша проводил Лию до дома, и они долго ещё стояли у калитки, со смехом вспоминая шалости Миши и Маши и свой первый опыт «семейной жизни». Поздно вечером, уже ложась спать, Лия вдруг поняла, что от её прежней грусти не осталось и следа, и она абсолютно счастлива. И неясно было, то ли это радость от того, что они с Лёшкой сделали такое доброе дело, то ли причиной её радости был сам Лёшка. Она ещё раз полюбовалась на его букет, выключила свет и тут же заснула.

СВЯЗИСТ С ЮГА

Нас подняла команда: «Стр-р-ройся!»

Заскрежетали вагонные двери. Одетые кто во что, заспанные, мы, призывники, горохом посыпались на низкий деревянный перрон. Что бросилось поначалу в глаза – так это снег. Он выпал ночью, когда горластый паровоз мчал наши теплушки куда-то на восток, за Иртыш, за матушку Обь.

Снег... Искрясь в лучах утреннего солнца, он лежал тонким слоем на скрипучих досках перрона и на крышах станционных зданий, на водокачке, на железнодорожных платформах, что стояли в тупике, – повсюду. Вокзальный колокол, тоже облепленный снегом, напоминал цигейковую шляпку городской модницы. Холодно было. Чтобы как-то согреться, мы начали толкать друг друга: обмениваться тумачками. Вообще, вели себя будто мальчишки. Один лишь казах Али Ниязов (имя его и фамилию мы узнали в пути) выглядел взрослым. Коренастый, серьезный, он стоял в сторонке. Осматривался: куда привезли?

Как и все, одет Ниязов был попросту: выдавшая виды телогрейка, брюки с пузырями на коленях да лисья, шитая на казахский манер с «бобровым» хвостом сзади, шапка. Лицо у него было круглое. В щеках утонул чуть раздвоенный на конце нос.

– Бр-р, зима... Плохо зима! – сказал он, постукивая ботинком о ботинок.

Я пошутил.

– Сибирь, брат! Это еще цветочки, а ягодки будут впереди...

– Ягод? – он изумленно уставился на меня. – Какой зимой ягод?

Мне поначалу сделалось смешно, а затем – неудобно: чему, в самом деле, смеяться, если человек плохо говорит по-русски. Мысленно я в ту минуту решил не оставлять Ниязова одного – быть при нем, так сказать, переводчиком.

С вокзала мы шли в строю плечом к плечу. В бане усердно терли мочалкой спину друг другу. А потом, когда получили обмундирование, вместе примеряли кирзовые сапоги, гимнастерки, шинели, подпоясывались ремнями... Не узнать было Али в новой военной форме. Да и я тоже, наверное, был не похож сам на себя.

Нашего взводного командира временно замещал Маевский, голубоглазый сержант. Рост у Маевского был незаметный, но плечи так широки, что в шутку называли его квадратом. Этот необычайно подвижный, с могучим басом «квадрат» учил нас многому, и в первую очередь расторопности. Надо было иметь сноровку, чтобы поутру вмиг одеться, обуться, заправить кровать и выскочить из казармы на спортивную площадку.

Али никому не уступал в ловкости. Любое дело было ему по плечу, только вот голова у него, как он сам говорил, работала «мало-мало». На политзанятиях или в часы спецподготовки он почти не понимал того, о чем рассказывали командиры, и это его огорчало больше всего.

Как-то под вечер, когда мы сели подшивать свежие подворотнички, Али вызвали «наверх» – верхом солдаты именovali второй этаж казармы, где размещались наши классы, библиотека и канцелярия. Долго не возвращался Али. Я успел вычистить пуговицы, побрился. От нечего делать раскрыл какую-то брошюру, как вдруг – он. Расстроенный. В дверях снял шапку, скомкал ее в руке. Подойдя к окну, задумался.

– Ты чего? – спросил я. Али не ответил.

– Зачем тебя вызывали?

Он обернулся резко – в глазах слезы.

– Вызывали... Товарища капитан вызывали... Говорит, надо идти повар...

До меня дошло, наконец, что капитан Гусев, командир нашей роты, хочет перевести Ниязова В столовую. Что ж, быть поваром тоже почетно. Так я и сказал Али. И очень пожалел, что сказал. Его густые черные брови взметнулись кверху, взгляд прострелил меня насквозь. Разве он, Али, не рассказывал мне, как доволен, что попал в связисты? Разве не говорил, что его старший брат Нурман тоже был связистом и погиб на войне? Нурмана должен заменить он – Али. Он

хочет освоить ту же военную специальность, какой владел брат. Хочет, но... завтра его откомандируют на кухню. Кашеварить.

– Знаешь что? – неожиданно вырвалось у меня. – Я поговорю с капитаном!

Али безнадежно махнул рукой и снова повернулся к окну: дескать, пустая затея.

– Выше голову, Али!

Я не знал, что буду говорить капитану, когда поднялся наверх и постучал в дверь канцелярии.

Вошел, козырнул – грудь колесом. Гусев, молодой, лет на восемь старше меня офицер, сидел за столом, писал что-то. Отложив ручку в сторону, поглядел на меня – лицо худощавое, с высоким лбом.

– В чем дело?

– Мне... я, товарищ капитан, насчет Ниязова.

– Вот как!

Я немного стушевался, чувствуя на себе пристальный взгляд Гусева, а потом стал выкладывать все, что знал про Али, про его брата Нурмана. Уверен, что все это было известно ему не хуже, чем мне, но тем не менее он слушал внимательно.

Тут появился с какими-то бумагами в руках сержант Мавевский. Я вспомнил, что не спросил у него разрешения обратиться к Гусеву – нарушил устав, и это сбило меня с толку.

– Говорите, – подбодрил Гусев, – говорите дальше...

Дальше – чего уж там! Я закончил свой рассказ просьбой не переводить Ниязова в столовую.

– Он же хороший солдат! – вырвалось у меня.

– Да, – густо бася, подтвердил Маевский, – дисциплина у него в порядке.

– Дисциплинирован – это хорошо, – задумчиво сказал капитан и, явно сожалея, добавил: – Если бы Ниязов хорошо знал русский язык...

– Он будет знать.

– Ну, ну...

– Точно, товарищ капитан. Я помогу Ниязову, постараюсь изо всех сил.

Командир испытующе глянул на меня, затем перевел глаза на сержанта.

– А вы как думаете?

– Думаю, товарищ капитан, что не мешает попробовать... – ответил Маевский. – Помочь Ниязову – толк будет!

Из канцелярии я вышел четко, как подобает солдату в таком случае. А за дверью меня точно вихрь подхватил.

– Али! – заорал я, влетая в казарму.

– Слышишь, Али? Ты будешь связистом!

Слово в слово я передал свой разговор с капитаном, и в глазах Али словно зарница блеснула. Он до хруста сжал мне пальцы.

– Спасибо, друг! Учить будем, читать будем...

Занятия начали в тот же день. Сержант Маевский раздобыл где-то учебник для не русскоязычных солдат. Правда, книга эта не особенно обрадовала Али: в ней были сплошь военные тексты. Али решил начать с азов, которые познал когда-то в школе, и купил букварь.

Забавно было наблюдать за Али – как он, шелестя в свободную минуту страницами букваря, выговаривал по слогам:

– Ма-ма, ра-ма...

Узкие глаза его были серьезны, и весь он, собранный и настороженный, замирал, точно прислушиваясь к своему голосу.

Много встречалось неясного, и он засыпал меня потешными вопросами:

– Муха есть муха... А что такое черемуха?

Или:

– Штык – от слова «штыкать»?

Память у Али была хорошая, слова он схватывал быстро. Также солдат обладал и воображением. Каждое слово, которое он заучивал, рисовало перед его глазами целую картину: маленький, в десять дворов, аул, где он родился, бескрайнюю степь, где поднимал целину, или вечера – тихие, напоенные бражным запахом поспевающей пшеницы...

Я радовался: дело идет!

Однажды на тактических занятиях подразделению, которому мы были приданы, было приказано закрепиться на вы-

соте 132.4. День был промозглый, сырой, совсем не сибирский. Над землей висела легкая пелена тумана, и снег, крупчатый, не скрипел под ногами, а хрупал, потрескивал, как будто ступаешь по рассыпанным семечкам подсолнуха.

Наладить связь между высотой и командным пунктом сержант Маевский поручил мне и Ниязову, причем Ниязов был назначен старшим.

Пока мы наматывали на катушку дополнительный, на всякий случай, провод, воины покинули окопы. С холма было видно, как солдаты, пригибаясь, спустились цепочкой к болоту, повернули вправо и, точно призраки, растаяли в тумане. Разве догонишь их теперь? А прийти к высоте последними – не в характере связистов.

Я нервничал и крутил барабан изо всех сил. Провод иногда не попадал на него, захлестывался, образуя восьмерки. Али стоял на коленях. Проворно, как фокусник, распутывая хитросплетения провода, он время от времени бросал на меня строгие взгляды и говорил:

– Не надо торопить, не надо спешить...

Наконец выступили и мы. Ниязов, кряхтя, взвалил на себя катушку, а мне передал свой автомат.

Мы торопились, почти бежали. Али молчал. Ни слова не говорил и я. Следы товарищей повели нас вправо, к ракитовым кустам.

– Стой! – скомандовал Али. – Взвод пошел туда, а мы пошел сюда...

– По болоту?!

– Да, так ближе.

– Знаю, что ближе, но здесь...

Признаться, я оробел: впереди, кажется, топь непролазная. Чего он хочет, Али? Утонуть? В прошлом году (мы об этом слышали от местных жителей) болото засосало трех коров. Да и наш вездеход влип здесь однажды так, что еле вытянули. Зачем же лезть на рожон? Но у Али глаз наметан, выбрал путь, где много кочек. Рискнем.

– Кочка на кочка прыгай, – сказал Ниязов.

Э, черт! Я запрыгал, хватаясь за темно-коричневые шишки высохшей куги. Под сапогами зыбилося, потрескивало что-то, наверное, рвались корни растений. Из-под ледяной корки ржавыми фонтанчиками выбивалась вода.

Али было трудней, чем мне. Перед тем как перемахнуть с кочки на кочку, он сматывал с катушки несколько метров провода и, придерживая рукой зачехленный полевой телефон, делал скачок. Он все глядел в ту сторону, где сквозь туман виднелись кусты. Там должен быть взлобок с тремя березками. Это и есть высота 132.4. До нее еще метров семьсот...

Мы не добрались и до середины болота, как вдруг Али увяз. Провалился сразу – и по грудь. Я остолбенел. На моих глазах человек стал погружаться в бурую жижу, точно его заглывало какое-то чудовище. И у меня под ногами образовалась «люлька».

– Ложись! – крикнул Али.

Я упал на живот, расстегнул ремень и один конец его бросил Ниязову. Али ухватился за пряжку.

– Тяни!

Потянул – тяжело. А главное, неудобно: упора нет. Минуту осматривался, рядом была кочка. Уперся ногами, натужился. Рывок, еще рывок – Али подался. Весь облепленный грязью, он выкарабкался из трясины. Отряхивая полы шинели, спросил:

– Живем?

– Живем.

Остальную часть пути мы одолели сравнительно легко, без приключений.

До высоты 132.4 мы добрались чуть раньше нашего подразделения. Тотчас же позвонили на командный пункт...

Воскресным днем, когда опустела казарма (солдаты ушли смотреть хоккей), мы с Али, по обыкновению, занялись русским языком. До сих пор он писал под мою диктовку, а на этот раз я выдумал задание посложней – сочинение на свободную тему.

– Что у тебя на уме есть, о том и пиши, – сказал я.

Али вздохнул.

– Трудно.

– Ничего, попробуй...

Он устроился на табурете, подле тумбочки. Чтобы не ме-

шать Али, я отошел в сторону, к окну. Облокотясь на подоконник, стал украдкой наблюдать за своим учеником. Ему было нелегко выразить русскими словами все, чем полна душа. Он в раздумье чесал затылок, надувал и без того пухлые щеки, смотрел на потолок, на стены. Лицо его покрылось бисером пота.

– Пиши, пиши, дружище! – подбодрил я.

И он стал писать. Как первоклассник, высунув кончик языка, он старательно выводил каждую букву. Мурлыкал что-то. Наконец протянул мне тетрадку.

– Вот...

Я кинулся выискивать ошибки. Их было много. Досадливо покачал головой.

– Плохо, да? – спросил Али.

– Неважно, Али. «Строна...» Кто же так пишет? Надо: «страна!». Понял? «стра-на».

Увлеченные разговором, мы не заметили, как подошел капитан Гусев.

– Занимаетесь?

Мы вскочили – руки по швам.

– Сидите, сидите... Значит, урок русского языка?

– Так точно!

– Успехи есть?

– Похвастаться пока нечем, товарищ капитан, – честно признался я. – Вот, Али написал сочинение... На свободную тему... Как в школе.

– Гм, любопытно.

Придвинув свободный табурет к тумбочке, капитан сел, улыбнулся.

– Ну-ка, Ниязов, прочтите.

На смуглом лице Али вспыхнул румянец.

– Не смущайтесь, – подбодрил Гусев.

Али потоптался немного, кашлянул, собрался с духом и прочитал: «Велика моя страна. Она прекрасна. Когда я ехал в армию, я видел много-много. И широкие степи, и реки, и красивые города. А в городах дымили заводы, фабрики. По железной дороге бежали поезда. Много поездов. Лес везли, камень, машины, большие бочки с горючим... Очень-очень много я видел! И все это – мое. Моя Родина. Я должен охранять ее от врагов. А если враги нападут, я буду драться с ними еще злей, чем брат Нурман, который погиб на войне».

Когда Али закончил читать, Гусев взял у него тетрадку, и, заглядывая в нее, произнес:

– Очень хорошо!

– Да, неплохо, товарищ капитан, – согласился я. – Если бы еще не ошибки...

– Ошибки? – Гусев потряс в воздухе тетрадь. – Здесь душа человека, душа настоящего солдата! А ошибки что? С ошибками вы справитесь. Настойчивости вам не занимать, – сказал капитан и пожал руку младшему брату Нурмана. В тот миг я позавидовал Али.

СОЛДАТСКАЯ ДРУЖБА

К нам в батальон связистов прибыл новичок. Рядовой. До этого служил он в штабе полка писарем. Может, провинился в чем, а может, по какой другой причине перевели его к нам – мы не знали, а сам он рассказывать о себе, как видно, не считал нужным.

Невысокого роста, худощавый, резкий в движениях, одет он был с иголки, пуговицы сияли. Сапоги на нем хромо-вые. Наш сержант Дубов тут же приказал снять их: не по форме, и надеть то, что положено – кирзачи.

– Слушаюсь! – ответил новичок, прищурив глаза.

А глаза у него были какие-то необычные – меняли цвет в зависимости от обстановки. Когда он улыбался, в них отличала мутная синева, когда горячился, спорил – синева постепенно переходила в бледную желтизну, а если был зол, глаза его наливались кровью. Еще в первый день, знакомясь с нами, он протянул руку одному из солдат и громко, для всех, сказал:

– Тимофеев Илья Петрович, по инициалам – ТИП. Вот именно!

Солдаты засмеялись.

«Тип» этот, кажется, понравился всем. Понравилось и это его «вот именно!», которым он сдабривая свою речь, как бы

припечатывая самое главное, что нужно запомнить.

Солдаты слушали байки Тимофеева с удовольствием. Ис-коса поглядывал на него только один Сергей Воронин, угрю-мого вида, размашистый в плечах солдат.

Как-то он, Сергей, обронил тихо:

– Язык у новичка подвешен, да... Вот какой он сам-то, на деле, – это мы еще посмотрим! И посмотрели: Тимофе-ев мог работать на телеграфном ключе и принимал на слух пять-шесть групп. Конечно, до настоящего радиста ему бы-ло еще далеко, но по сравнению с нами, учениками, это был уже мастер. Он сразу как бы вырос в наших глазах, поднялся на целую голову и, наверно, потому стал глядеть на нас чуть свысока.

– Где вы научились этому делу? – любопытствовал сер-жант Дубов.

– А еще когда на гражданке был... Ходил на пароходе по Волге... Вот именно! Были дела-а... Капитан, скажем, дает радиограмму, а я ее быстренько диспетчеру – шлеп, шлеп, шлеп... А потом от диспетчера принимаю распоряжение для капитана или еще какую муру. В общем, работка не пыльна, да денежна.

– И сколько ты получал? – спросил кто-то.

– Ну, это неважно.

– Правильно, – сказал сержант, – это не столь важно... Важнее будет, если он поможет кому-то из вас разобраться в схеме передатчика.

– Я с удовольствием! – подхватил Тимофеев. – Ну, кому помочь?

Солдаты примолкли. Никому не хотелось вот так, сразу, просить помощи. Это значило: признать себя слабаком да еще на глазах командира... Но и неудобно было оставить безответно добрые слова Тимофеева.

– Вот Сергею помочь надо бы, – послышался чей-то голос.

Тимофеев посмотрел на Воронина оценивающе. Кустистые брови Сергея сдвинулись к переносью. Ему стало даже не по себе. И не потому, что друзья отрекомендовали его как отстающего, а потому, что он, Сергей, во время знакомства (дернуло же его за язык!) ляпнул о Тимофееве что-то колючее, злое. А Тимофеев-то, между прочим, этого не заслуживает. Вон как близко к сердцу принял он неудачи Сергея! Хочет ему помочь, ему, который плохо усваивает азбуку Морзе, слабо разбирается в аппаратуре.

Правдивый по натуре человек, Сергей не мог не сказать Тимофееву о том, что думал про него вначале.

– Э, пустяки! – ответил тот, вынимая из кармана сигареты. – Закурим?

– Спасибо, не курю... Они сдружились быстро, и сержант Дубов был доволен: дружба с Тимофеевым могла пойти Воронину только на пользу. Это заметно стало скоро. Сергей в классе стал внимательней и спокойней.

Над Тимофеевым солдаты иногда подтрунивали, удивляясь его странностям, особенно тому, что он стороной обхо-

дил библиотеку.

Ротный писарь, острый на язык, спросил однажды:

– Почему ты книжек не читаешь?

– А ты сам-то читаешь? – пошел в контратаку Тимофеев. – Ну-ка, что прочел за последнее время?

Писарь смутился и уже, наверное, был не рад, что зацепил Тимофеева, но отступать было поздно, стал перечислять, загибая пальцы.

– Четыре тома Бальзака, два – Джека Лондона, «Разгром»...

– Минуточку, чей «Разгром»? Фадеева или Золя?

– Фадеева А-еще-я-прочел «Товарищи по оружию», «Максим Перепелица» и...

– И все? – перебил Тимофеев, наигранно удивленный. Заговорщицки подмигнув солдатам, добавил: – Все эти книги я проглотил, когда ты еще слушал бабушкины сказки. Вот именно!

Писарь ухмыльнулся. Не таков он был, чтобы остаться в долгу.

– Верю, – согласился притворно, – верю, что все эти книги ты проглотил, а теперь самая любимая твоя книга – книга увольнений в город.

Солдаты рассмеялись, и солнце тоже как будто улыбнулось, выглянув в эту минуту из-за тучи. Один только Сергей, чувствуя, что Тимофееву нечем, как говорится, крыть, недовольно взглянул на писаря и процедил сквозь зубы: «Ост-

ряк-самоучка!»

Шли дни... Всякий раз, когда заканчивались занятия, Воронин и Тимофеев, если позволяло время, оставались в классе и повторяли то, чему их учил сержант Дубов. В схемах Сергей уже разбирался, не клеилось лишь одно – трудно давался прием на слух.

Вот они сидят за столом. Тимофеев чертит ногтем по листку, испещренному колонками цифр. Другая его рука кокетливо, с откинутым мизинцем, пляшет на зеленой головке телеграфного ключа. Сергей, затаив дыхание, вслушивается в тонкий писк зуммера и не спеша расшифровывает его, чиркая в тетради карандашом, заостренным с обоих концов.

– Подожди, стой, – останавливает он Тимофеева. – А это какую же ты цифру дал? Шестерку?

Писк смолк.

– Ну да, шестерку. – Эге, а мне показалось... одно тире и четыре точки – это же...

– А ты не считай тире и точки, – перебил Тимофеев. – Ты слушай только, один тут секрет: каждая цифра поет по-своему. Вот та же шестерка. Она поет: «Дай, дай закурить».

– Гм-м... А что поет, например, четверка?

– Четверка? Четверка – вот что: «Ну и старшина... ну и старшина...» Как бы с удивлением, понял?

Сергей недоверчиво посмотрел на Тимофеева, нахмурился:

– Все равно не пойму я этих песен!

– Поймешь. Фугуем дальше.

– Э, да что из того? Какой толк?!

Сергей бросил на стол карандаш, поднялся и комкая в руке пилотку, вышел из класса. В коридоре остановился, задумчивый. На глаза попало объявление, написанное крупными буквами на обратной стороне какого-то плаката: «Сегодня в 20:00 состоится комсомольское собрание. На повестке дня...».

Что там «на повестке» – Сергей не дочитал. Не до того было. До вечера он ходил хмурый. От встреч с Тимофеевым уклонялся, как если бы тот был в чем-то виноват перед ним. Сержант, заметив это, недоумевал: поссорились, что ли?

После ужина Сергей, по-прежнему мрачный, отправился в Ленинскую комнату. Здесь было уже шумно. Солдаты расставляли стулья, усаживались.

Тимофеев устроился на самом видном месте, в переднем ряду, и, когда увидел в дверях Сергея, приветственно махнул ему. Сергей вроде бы и не заметил его, сел в уголке, подальше от трибуны.

Он вяло прослушал докладчика. Слова тех, кто выступал с трибуны, тоже пролетали мимо его ушей. До него неясно доходили даже его собственные мысли. Мысли не мысли – сумбур какой-то в голове, обрывки фраз: «...каждая цифра поет... тире и четыре точки... Ох, уж эти проклятые тире да точки!».

Собрание, между тем, как это иногда бывает, застопорилось, желающих выступить не находилось. Председатель с улыбкой оглядывал примолкших комсомольцев:

– Смелей, товарищи, смелей... Нам есть о чем поговорить!

В переднем ряду взметнулась чья-то рука.

– Слово имеет рядовой Тимофеев!

Тимофеев сунул большие пальцы под ремень, привычно, даже с какой-то щеголеватостью оправил гимнастерку и направился к трибуне. Было видно, как заметались его глаза: вначале широко раскрылись, будто он увидел нечто необычное, затем по-восточному сузились, а когда заговорил, установились в одну точку – в стриженный затылок понурого Сергея.

– Все вы знаете, товарищи комсомольцы... знаете, что Воронин едет на тройках по радиотехнике, – говорил Тимофеев, навалиясь грудью на трибуну. – А почему так? Почему, а? Да потому, что он сам не хочет быть отличником... Вот именно! Вбил себе в голову, что из него не выйдет радиста – и точка. Паникер он.

Услышать о себе такое, разумеется, неприятно. А еще хуже почувствовать на себе десятки укоризненных взглядов. Он, Сергей Воронин, паникер... Что же это? Выходит...

Сергей поднял голову, злой. Покосился на Тимофеева. Покосился – только и всего, потому что зло тут же стало в нем оседать, угасать, точно пламя, засыпаемое песком. Отчего бы это? Наверное, от того, что Тимофеев говорил прав-

ду, а Сергей всегда уважал тех, кто не боялся сказать правду в глаза, даже лучшему другу. Он тоже сказал бы так, если бы знал радиотехнику, как Тимофеев, а Тимофеев, вроде него, плелся бы в хвосте. «И все-таки... все-таки обидно. Паникер!»

После собрания Сергей вышел на улицу. Из окон Ленинской комнаты косо падали на утрамбованную солдатскими сапогами землю желтые пучки света. Пересекая эти пучки, Сергей удалился в глубь казарменного двора и лег под развесистой липой. Липа тихо шелестела. Сквозь беспокойную листву мельтешили звезды, пахло луговой ромашкой. До отбоя Сергею хотелось побыть в одиночестве, обдумать все хорошенько, но послышался знакомый голос: Тимофеев искал его.

– Здесь я, – негромко отозвался Сергей.

Тимофеев подошел, сел рядом, прислонясь плечом к шершавому стволу липы. Молча протянул Сергею пачку сигарет.

– Не курю, ты же знаешь.

– Ах да, я забыл... – Тимофеев сунул в рот сигарету, чиркнул спичкой и, как видно, не зная, с чего начать разговор, осторожно спросил: – Обиделся?

– На кого?

– На меня, на кого же еще.

– Ну-у, – неопределенно протянул Сергей, кусая травинку.

– Послушай, Серёга, ведь я же... Ну, ты ведь сам видел,

как на собрании... Никто ж не хотел выступать, вот я и...

– И что?

– А то, что я это так себе.

– Не понимаю.

– А можно сказать, для виду... Молчали ж все, а выступать кому-то надо было. Вот именно!

Воронин рывком приподнялся. Значит, Тимофеев говорил с трибуны «для виду»? Говорил не потому, что хотел высказать ему, Сергею, горькую правду, а потому, что кому-то же надо было выступать?! Сергей почувствовал, что его обманули. И его, и всех комсомольцев.

– А я-то думал... – с горечью произнес он.

– И не думай! – подхватил Тимофеев. – И не серчай на меня... Языком-то я молол, а про дружбу нашу помнил. Вот именно! Ты уж, брат, извини... Дружба – она, брат... Я ведь не забывал о ней, когда с трибуны-то...

– Не забывал, говоришь? – резко перебил Сергей. – Так что же такое дружба, по-твоему? Настоящая дружба, а? По-критиковать, а потом в кусты?

Воронин встал, поправил съехавшую на ухо пилотку и молча пошел прочь. Сигарета перед лицом Тимофеева вспыхнула и застыла впотьмах красным удивленным глазом.

ТЁТЯ ВЕРА

Паром плавно причалил, и двигатели стали работать равномерно и ритмично. Машины выезжали, соблюдая очерёдность, а люди выскакивали, кому-когда вздумается. И неважно, что приходилось уворачиваться из-под колёс, и что машины гудели зло и протяжно. Никто никуда не спешил, но покидали паром глупо и суетно, словно сзади напирала катастрофа.

Наша компания охотников и рыболовов степенно выбралась на свет Божий в числе последних, вместе с нашими машинами. Отъехали в сторонку и остановились. Нужно было посоветоваться и решить, едем ли мы домой или останемся ещё на ночь. Если останемся, то где?

Мы покинули охотничьи угодья по самой простой причине – закончился срок действия наших путёвок. Да и жариться на нещадно жгучем солнце, хоть и стоял сентябрь, нам, прямо скажем, надоело. Стень, вода, камыши. Вот и решили сменить место и подъехать ближе к дому. Времени было навалом, потому что все мы были в отпусках. Здесь же встречались одинокие деревья, и это вносило хоть какое-то разнообразие в местный ландшафт. Всё же как-то колоритнее, чем сплошная степь. Да и людей посмотрели, на пароме прокатились.

Всё как-то веселее.

Наше внимание привлекла группка людей у парома. Они о чём-то возбуждённо разговаривали, то и дело показывая друг другу куда-то вниз, под сваи. Мы тоже подошли поглазеть. И увидели внизу резиновую лодку-двухместку. В ней сидела женщина и девочка лет десяти. Они, слегка перевесившись через противоположные борта лодки, ловили рыбу зимними удочками – кармаками. Кармачили, так сказать. И это у них получалось. Они раз за разом подсекали и вытаскивали из воды то подлещика, то сорожку или окуня. Словно соревновались между собой. Вот народ и болел за них, точнее, каждый за «свою команду».

Это зрелище захватило и нас. Лодки у нас с собой были, черви тоже, но переворачивать барахло в машине не хотелось. Поэтому мы остались смотреть. Наверное, это зрелище и подтолкнуло нас остаться на ночь рядом с паромом. Тем более что когда день пойдёт на убыль, и народ «рассосётся», мы сами спустим лодки на воду и всласть порыбачим на удочки. Ведь там, где мы были ещё сегодня утром, рыбачить на удочки было даже неприлично. Там в ходу были спиннинги, и ловилась щука и судак. А если приспособить спиннинг под закидушку, то можно было натаскать «серьёзных» язёй. Согласитесь, это совсем разная рыбалка!

Вечер оказался на удивление спокойным и умиротворяющим, и если бы не изредка подходящий паром, то вообще, пасторально тихим. Возле причала никого нет. Мы спустили

лодки на воду и заранее разделились на две команды: Димыч с Толей в одной лодке, я и Жека – в другой. Тут надо оговориться, что на работе мы всегда обращались друг к другу по имени-отчеству, но на рыбалке мы становились пацанами. Да не теми, что скачут в одноимённом сериальчике! Там лысенькие мальчики до такой степени заигрались в детство, что очень уж явно прослеживалось их желание притереться к молоденьким девчушкам. Мы же просто были пацаны из своего детства и не более.

Закат солнца – это как раз такое время, когда у рыбы начинается жорка. Чего мы и ждали. Но оказалось, что рыба не ждала нас! Мы ничего не могли понять. Клёва не было! Уж как только мы не извращались, ничего не помогло! Без единой рыбки мы вернулись к машинам, кляня и рыбу и себя за то, что мучились с лодками, разворачивая и сворачивая, надувая и спуская их, но изменить хоть что-то было не в наших силах. Выбрав пару щук из нашего прежнего улова, мы поставили-таки вариться уху. Только теперь уже на дровах, а не как в степи, на паяльной лампе. Правда, за дровами пришлось ехать до ближайшей рощи. За то, какое наслаждение валяться рядом с огнём и, не обращая внимания на тёплый вечер, подставлять бока ласкающему теплу исходящих жаром углей.

Оставалось минут двадцать до того момента, когда можно будет снять котелок с огня и начать разливать ушицу. Мы расстелили «достархан», нарезали хлеба и приготовили рю-

мочки «под это дело». А само «это дело» стояло в воде и медленно остывало.

– Здорово, робяты!

Каким-то немислимым образом, незаметно, к нам подошла старушка лет семидесяти. Колоритнейшая фигура! В клетчатой рубаше, заправленной в мужские сатиновые брюки чёрного цвета, она и обута была к тому же в мужские же резиновые сапоги. Её и можно бы принять за мужичка, если бы не платок, подвязанный по-пиратски на затылке. В руках у неё была деревянная удочка из какого-то длинного прута и жестянка с червями. Рты мы, конечно, разинули, а «сзинуть» не смогли! Как она здесь очутилась?

– Здравствуйте, бабушка!

– Сам ты бабушка, а я отродясь ею не была. Говори тётка, и ладно будет!

Мы заулыбались, рассматривая нежданную гостью.

– Чаво молчите-то? Зовите к столу, как положено!

– Да, конечно, проходите и садитесь, – Димыч быстренько пододвинул к ней складной стульчик. Но тётушка не села. Она сначала пошла к воде и опустила в прохладные струи холщовый мешок с рыбой, который висел до того у неё на плече, на лямке. После этого сполоснула руки и только тогда заняла предложенное ей место.

– Ну, чаво молчим? Спымали чо, али как? Али сохотничали?

Предчувствуя интересного собеседника, я включился в

разговор:

– И поймали и подстрелили. А как же? Вот только возле причала ничего не взяли, а до нас там женщина с девочкой рыбачила. Они хорошо поймали.

– А-а! Так то ж суседка моя, Танька с дочкой! Не-е, за нами не угонисси. Ни Боже мой! Я ж сама их рыбалить учила! Соседка она моя. Без мужика живёт, а денег-то нету. Вот и рыбалит. Я учила!

Она сказала это с такой гордостью, что как-то само собою сложилось впечатление, что кроме них троих никто ловить не умеет и не сможет.

– А зовут-то вас как, тётушка?

– Дык, известно, Веркой кличут.

– Что ж, будем знакомы! – И мы поочерёдно представились тёте Вере.

Дальше вышла, вроде бы как, заминка, и я предложил:

– Не отужинаете с нами?

– Чаво ж? Если и стопочку нальёте, то совсем не откажусь.

Стемнело почти сразу, особенно, когда Толик дров в огонь подкинул. Сразу же разлили уху и наполнили стопочки. Тётя Вера выдала тост:

– Чтоб ловилось и клювалось, чтоб хотелось и давалось!

Мы заржали! Не-ет, тётка была определённо свой человек. Откусывала огурец она с трудом, – зубы совсем старые стали, износились, а вот ушицу наворачивала, дай Бог каждому! Пососала пластик колбаски, пошамкала хлебушек:

– Ну, чо расселси? Ай рюмок не видишь? – неизвестно к кому обратилась она. Это послужило сигналом, и вновь наполнились рюмашки.

После ужина, когда все сидели и «швыркали» чаёк, я снова стал расспрашивать нашу гостью о житье-бытье. Что она, да как?

– А чо я – как? Хорошо живу. Не бедствую.

– Пенсии хватает?

– И-и, милоч! Откуль она, пенсия-то? Ихто в наши развалюхи деньги возить станет? От насмешил! Да и за что нам пенсия? Мы жа тута обходчиками робили, а как власть поменялась, так и хрен нам. Ни окументов, ни конторы нашей. Кому мы тута нужны, прости Господи?!

– Так чем же вы живёте, если денег нет?

– А тем и живём! Огороды, куры. Токо курам пашено надоть, а иде взять? Слава Боту, хлеб возют из Курчума, так мы на рыбу меняем. Хотя, курчумским наша рыба и не нужна, оне сами ловют скоко хотят. Берут так, из жалости, видать. А иной раз и покупаем. А чо? У меня тута бизнес свой. Вот погодь!

Тётка Вера с трудом поднялась и направилась к своей сумке, что оставила в воде. Вернулась она с бутылкой в руках.

– Вот и бизнес мой! Выпить хотите? Купляйте.

Мы неуверенно хихикнули. «Как это – купляйте? Мы же её просто угощали, а она»? И моментально поняли, что не может она нас угостить. Это её хлеб и пшено для курочек.

У нас была своя водка, но эту надо было купить. Что мы и сделали. Тётка Вера завернула деньги в тряпицу и сунула за пазуху.

– Тётъ Вер! А что, детей у вас своих нет, что ли?

– Нету, голубь, нету. Господь не дал.

– Так вы и замужем не были?

Тётка приосанилась, щёчки зарумянились, глазки заблестели.

– Чо ж, не была-то? Была! Ишшо как была!

– И она начала своё повествование, которое я привожу дословно:

«Пошти год я взамужем промучилась. Был у меня Серёжа Шлык, сударчик мой. Любила я его, ух как шибко любила! И маялась. Пото, что ревновала кобелину таскучую. А Тоська, умыкнула его! Стал он к ей захаживать, значит. А опосля и вовсе убёг. Ох, и горемычилась я, ох, как убивалася. Но ждала, что за штанами, да рубахами придёт, подлец! Ён и прииёрси. Фуражка на затылке, руцки за спину и ну, ходить по избе. Ножками топ-топ, саножками шкрип-шкрип. «Я к тебе, Верка, на завсегда прошшаться пришёл!» «Ага, – говорю, – за портками ты пришёл! Вон, под порогом!» А он подошёл ко мне, встал насупротив и в глазоньки мои ясные, как вызрился, сволощь, я и сомлела вся. Говорю, а себя не чую. Но стараюсь гонор не терять. А коль, говорю, прошшаться пришёл, так, может, шарканёмся на прошшание? А он внимательненько так посмотрел, да как врежет мне прямо промеж

глаз! Тут я его оконщательно и разлюбила! С той поры ни одногошеньки мужика не допускаю, хошь верь, хошь проверь! Шибко злобная была я на мужицкий пол. Ну и ладно! Охтеньки, засиделась я тут с вами, пойду ужо!»

Мы и слова сказать не успели, а она уже растворилась в темноте, только слышно, как вода потекла с её холщовой сумки. Долго мы сидели у костра и молча глядели на огонь. Мыслей много, а говорить не хочется. Волна жалости поднималась в груди, когда подумаешь, что придёт она в свой домишко, затеплит свечку, и сядет, пригорюнившись за стол. И будет думать, как и мы, над её же нескладной судьбой. Я бы на её месте налил стакан водки, опрокинул в себя, да и спать завалился. Больно муторно стало на душе!

Почти не слышно взмыл со своего места Жека. Направился к машине, пошебуршал там и вернулся к костру. В руке он держал бутылку водки.

– Мужики, а давайте..., – и замолчал.

Мы так же молча подвинули стаканы. И не поднимая глаз:

– За тётю Веру!

ОРГАНИЗАТОР КОНЦЕРТОВ ПУШКИНА

Мало кто знает, что законы шоу-бизнеса существовали еще в девятнадцатом веке. И даже у Александра Сергеевича Пушкина был свой концертный организатор.

В этот раз, как, впрочем, и в предыдущие, в зале был аншлаг. Концерт одного поэта подошел к концу, и Пушкин кланяясь пятился со сцены за кулисы. Толпа ликовала, выкрикивая фамилию гения, только что зачитавшего на бис не одно стихотворение.

А за кулисами поэта уже поджидал организатор. Пересчитывая прибыли, он планировал будущие концертные мероприятия для Александра Сергеевича:

– Что-же дальше... Два выступления на дворянском собрании... Наверное, стихотворений пятнадцать-двадцать, не больше. Ночной бал, от силы три стихотворения, деньги небольшие... Так. Разумеется, все стихи должны быть новыми, кроме всем известного «Анчар» в конце...

– Ну сколько можно? «Анчар»-«Анчар»! Всё время одно и то же! – прервал Пушкин рассуждения организатора, – Надоело уже!

– Спокойно, Саша! Пока пипл хакает «Анчар», ты будешь

читать «Анчар»! И всё. Да, закрыли эту тему. В конце концов кто из нас поэт?

– Разумеется я! – с воодушевлением ответил Александр Сергеевич.

– Ну вот! А я всего лишь организатор твоих концертов. Ты пишешь, а я продаю... Так, Саша, у нас проблема с меценатом: сибирский алюминий отказался, но это ничего. Я договорился с медными рудниками, так что давай у тебя будет не алюминиевый всадник, а медный.

Пушкин задумчиво почесал свои кудри на голове, а затем молвил в ответ:

– То есть ты думаешь это так просто: взять и переиначить стихотворение? У меня же там рифма: всадник алюминий, мы будем побеждать отныне!

– Саша, ну потрудишься, что ли! Я не знаю... Пусть будет там: всадник медный, мы будем побеждать мгновенно!

– Я не могу работать в таких условиях!

– Ах ты не можешь, Саша? Иди на завод!

– И пойду!

– Да, на заводе ждут такого как ты, ведь там нужны рабочие руки. Сработаешься подобно своим предкам.

– Но мои предки на заводах не работали!

– Я о предках твоего прадеда!

Пушкин аж опешил от такой дерзости организатора, и хотел было вызвать его на дуэль, но вовремя одумался. А организатор между тем и не думал останавливаться:

– Только ты вспомни, Саша, каким я тебя подобрал! Мороз и солнце: день чудесный...

– Что? – возмущению Пушкина не было предела.

– И знай, завтра здесь будут стоять пятнадцать таких-же кучерявых рифмоплётов, как и ты. Я без тебя проживу.

– Ха, полюбуйтесь-ка! Он без меня проживёт. Да все знают, что ты организатор концертов ПУШ-КИ-НА! – свою фамилию поэт отчеканил по слогам особенно отчётливо.

– А вот это вот не надо... Это все знают, что ты Пушкин организатора концертов... Всё! С меня довольно, пошёл вон!

Дальше следовало продолжительная пауза, после которой Александр Сергеевич расплылся в улыбке и сменил тон:

– Да будет тебе дуться... Ты пошутил, я тоже посмеялся. Мир?

– Хорошо, мир. – быстро согласился организатор, а затем добавил, – Значит так, завтра ты будешь выступать на именинах у царя. Деньги никакие, но сам знаешь, отказаться нельзя. Там будут все: Чаадаев, Грибоедов, ну и в конце концов Жуковский, и ты...

– И я! – вторил Пушкин.

– ...И концерт закрывать будет Лермонтов.

– А чё это Лермонтов концерты стал закрывать? Я же всегда был последний – вновь завозмушался поэт.

– «Чё»... – вздохнул организатор, – Солнце русской поэзии... И на тебе: «чё». Не чё, Саша, а почему Лермонтов! Учишь-учишь, как об стенку горох.

– Ну хорошо: почему Лермонтов-то? – недоумевал Александр Сергеевич.

– Да по кочану! – сказал, организатор, и задумался, а потом добавил, – кстати, запиши, хорошая рифма, может пойти в народ... Да потому что он пишет! «Мцыри» вон, с руками отрывают!

– Просто Кавказ сейчас актуальная тема...

– Да, он конъюнктурщик! – перебил поэта организатор, – Но он пишет, Саша, пишет! А не рожицы на полях рисует.

– Всё равно я лучший! – выпалил Пушкин.

Поняв, что перегнул палку и опасаясь вызова на дуэль, организатор стал поддакивать, постепенно переходя на шепот, чтобы успокоить поэта:

– Разумеется, Саша, ты лучший. Но нельзя останавливаться, понимаешь... Гоголь всю Украину исколесил. Декабристы устроили тур по Сибири. А мы с тобой тут... Москва дыра, Саша... В Питер надо ехать, вот где деньги крутятся...

Казалось, речь организатора вновь перерастала в монолог, потому как Александр Сергеевич уже его не слушал, отвлѣкшись на афишу.

– Попса какая-то... – разочарованно молвил поэт, глядя на небрежно намалёванную физиономию, отдаленно напоминающую его самого.

– Я тебя умоляю... – организатор подхватил поникшего Пушкина и повёл его к винной стойке, – Саша, выпей что-нибудь, успокойся. Это ты сейчас попса, а через двести лет

представь: «Золотой век Российской поэзии»! Двести лет – это же совсем ничего! И вообще, нам нужно что-то, чтобы тебя вспомнили: какой-то скандал... Скажем, трудное детство или няня садист. Крепостным это нравится.

– Нет, это исключено.

– Или... – продолжал, потирая вески организатор, – Точно! Нам нужна дуэль!

– Нахрена? – опешил Александр Сергеевич.

– Что значит «зачем», Саша? Пусть будет дуэль, скажем, с Дантесом... А что? Он француз... Новый рынок, валюта в конце концов.

– Чего это мы с ним вдруг будем стреляться?

– Если тебе так будет проще, вчера Дантеса видели с твоей женой. – импровизировал организатор.

– Ну и что?

– Как что? Они Лермонтова читали вместе, Саша!

Через пару секунд активной обработки сказанного организатором, Пушкин пришел в ярость:

– Что?! И ты молчал? – казалось, поэт даже побагровел от ярости, – Где мой пистолет?!

– Саша!

Но Пушкина было уже не остановить. Он спешно покинул душные театральные просторы и скрылся в ночи.

Не сказать, что организатор был слишком расстроен подобным исходом. Буквально на следующий день он уже на-

шел замену Александру Сергеевичу:

– Всё, Лермонтов, будем делать из тебя звезду! Только давай договоримся сразу: ты будешь не Марат Юсупович, а Михаил Юрьевич. Поверь моему опыту, так будет лучше. Ну, что там у тебя?

– Например, вот... – неуверенно начал Лермонтов, – Сижу за решеткой...

– О Боже мой, какая решетка?! Давай что-нибудь другое!

– Хорошо... Скажи-ка дядя, ведь не даром...

– Ну вот, уже лучше! Далекo пойдёте, молодой человек! – похвалил организатор.

БОРЩ ДЛЯ ТУЗЕНБОБИЛЯ

Марлинский Тузенбобиль Олегович был обычным провинциальным актёром с большими амбициями, и десятилетним стажем игры в городском драматическом театре. Как и коллеги по театральному ремеслу, он мечтал о грандиозной кинокарьере в Голливуде, однако имел за плечами лишь эпизодические роли в российских криминальных сериалах.

Киногерои, исполняемые Тузенбобилем, редко переживали десятиминутные сцены, и обычно его персонажи хладнокровно убивались в бандитских разборках, пафосно отснятых режиссерами-однодневками. Впрочем, изредка он получал чуть больше экранного времени благодаря сценам, в которых криминалисты обследовали место преступления, на которых Марлинский изображал бездыханные тела.

Пожалуй, помимо него самого, успехами Тузенбобилля гордилась только Марфа Поликарповна – заботливая бабушка провинциального актёра, которая прямо сейчас снимала с плиты только что приготовленный борщ. Кухарную суету Марфы прервал звонкий телефонный звонок старенького дискового телефона.

– Алё... Непонятно... Алё, кто-кто? Какой Спилберх? Непонятно... Халевуд? М-м... Ту миллион долларс? Непонятно же! Изъясняйтесь по-русски! – бабуля тщетно пыта-

лась понять иностранную речь, но четыре класса церковно-приходской школы не позволяют ей этого сделать, – Пожалуйста, перезвоните позже.

Стоило Марфе повесить трубку, как из прихожей донесся скрип просевшей двери. Это Тузенбобиль вернулся домой с затяжной театральной репетиции.

– Би ор нот ту би! Зат ис квештн! – повторял провинциальный актёр, снимая с себя сюртук.

– Боба, пришел! Устал, наверное? – засуутилась Марфа Поликарповна.

– Устал, бабуля... Устал очень, замотался, всё, не могу! Все эти тюзы-пюзы, гамлеты-шмамлеты...

– Пюзы... Шмамлеты... – понимающе вторила Марфа Поликарповна, – Раздевайся, проходи к столу...

– А я с режиссёром поцапался, – продолжал жаловаться Тузенбобиль, – Просто ужас! Он мне: “Ту би ор нот ту би”. А я ему в ответ: “Фак йу!”, и как отрезал! Еще ремонт этот никак не закончится... Сюртук весь в побелке! Не могу так больше!

– Проголодался? А я тебе борща наварила, много борща!

– Моего любимого? О-ой как много борща! – восхитился Марлинский. – Это хорошо... С пельменями?

– Как ты любишь. Сметанки положить? Ах да! Звонили тут... Непонятно только совсем – припомнила звонок Марфа Поликарповна, – Спилберх, Халевуд... Непонятно...

«Значит-таки дошла моя анкета!» – пронеслось в голове

у Тузенбобила, а бабуля тем временем продолжала:

– Ту миллион долларс... Непонятно...

– Ту миллион долларс, непонятно? – переспросил Марлинский, – Значит так, слушай меня внимательно бабуль, я щас бегу к соседу за словарём, а ты здесь сиди и жди звонка. Так понятно?

– Хорошо, Боба. Только давай недолго, борщ стынет.

Но Тузенбобель уже бежал в припрыжку к соседу со словами:

– Ту миллион Долларс! Хех, непонятно ей...

Стоило марлинскому покинуть апартаменты как снова зазвонил телефон.

– Алё... – трубку вновь подняла Марфа Поликарповна, затем спохватившись стала звать внучка, – Боба! Боба!

Но иностранца на том конце телефона уже было не остановить. А бабуля тем временем в панике пыталась отбрехаться от иностранной речи собеседника:

– Спилберх? Алё? Халевуд??? Боба-Боба! Где ты? Ну непонятно же совсем! Алё... Фак Йу! Ага, да... Фак Йу, Спилберх! Вот так... да... Ну непонятно же...

В этот раз трубку положил уже иностранец.

Дверь в прихожей снова заскрипела – это Марлинский вернулся уже со словарём. Вторя как мантру одну простую фразу, он уселся рядом с телефоном.

– Ай вонт ту миллион долларс, ай вонт ту миллион долларс... Бабуль, а почему у тебя трубка в руке?

– Звонил только что, а ты вышел... Звонил этот, Спилберх! Снова говорил непонятно.

– И-и... Что ты ему ответила?! – хватаясь за голову спросил Тузенбобиль.

– Фак Йу...

– А он что ответил?

– Фак Ёсэлф... Стало быть согласен получается? – обнадеживающе спросила Марфа Поликарповна, а затем добавила, – Да ты не переживай, внучок, авось еще перезвонят. Садись лучше борщ поешь, пока не остыл.

– Лажа твой борщ, бабуля. – раздосадовался провинциальный актёр.

ВО ВСЁМ ПЕРВЫЙ

Школа – один из самых важных этапов в жизни любого человека. Именно здесь мы находим своих первых друзей, первые увлечения, решаем, кем хотим стать, впервые сталкиваемся с жизненными трудностями.

В школе я всегда был очень активным: учился только на пятёрки, участвовал абсолютно во всех олимпиадах и во всех спортивных соревнованиях. И ещё я никогда не любил проигрывать. Всегда и во всём мне надо было быть первым, лучшим из лучших. А если стать им не получалось, я очень сильно злился. И в таком состоянии я мог пребывать довольно долго. Мог неделями ни с кем не разговаривать, лишь бросать по сторонам сердитые взгляды.

Иногда это доходило просто до безумия... Как-то раз ранней весной, во время урока физкультуры Марина Михайловна – наша учительница, объявила о предстоящих школьных соревнованиях по бегу. От нашего класса нужен был один человек. Кто это будет, мы должны были решить сами.

– Запишите меня, я хочу! – сказал я громко.

Учительница, молча, кивнула мне и начала писать в блокнот мою фамилию.

Я, конечно, даже не сомневался, что это буду я (кто же ещё?). Однако у меня-таки нашёлся один конкурент. Это

был Антон.

– А можно я поучаствую? – спросил он.

Сам по себе Антоша был парнем довольно тихим, но при этом вполне спортивным. Мы с ним хоть и не были друзьями, но всё же общались хорошо.

– Нужен только один человек.

– Руслан и так везде участвует, давайте в этот раз я.

Я, естественно, был просто шокирован таким заявлением.

– Тогда решайте между собой. Но имейте в виду, что соревнования уже завтра, после уроков. А сейчас можете идти, урок окончен.

Сразу после физкультуры мы с Антоном встретились в раздевалке и начали выяснять отношения.

– Ну куда ты лезешь, скажи? Мы оба знаем, что я бегаю гораздо быстрее тебя! – сказал я.

– С чего ты взял?! – возмущённо выкрикнул он.

Далее последовало множество глупых издёвок и подколов, как со стороны Антона, так и с моей. Целую перемену мы пререкались, после чего приняли единственно верное в этой ситуации решение.

– Если ты и правда думаешь, что ты такой крутой, докажи это! Кто быстрее пробежит вокруг школы, тот и пойдёт на соревнования!

– Пфф... Легко!

– Сегодня, после уроков.

– Идёт!

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Как и было обговорено, мы встретились после уроков у входа на территорию школы. Вместе с нами был практически весь наш класс, все хотели посмотреть на наше противостояние. Дабы никто не жульничал, мы попросили нескольких человек побыть смотрящими.

Я всем своим видом показывал, как сильно я уверен в победе. Я даже решил, что буду бежать с оголённым торсом, без майки, чтобы ещё сильнее доказать своё превосходство. А ведь на улице было холодно, минус десять градусов, не меньше!

Как только смотрящие заняли свои позиции, мы подошли к линии старта и приготовились.

– На старт... Внимание... Марш!

Гонка началась! На протяжении всего нашего забега мы шли почти вровень, однако я всё-таки сумел вырваться вперёд под конец и выиграть. Я был ужасно горд собой! Я смог прилюдно доказать, что я лучший бегун в классе. Это была честная победа.

Пожалуй, в этот момент мне следовало подойти к Антону, пожалть руку и сказать что-то вроде «Ты был достойным соперником!». Но нет. Я сделал всё с точностью до наоборот.

– Ну что, съел? Не надо было тебе вызываться, только опозорился! Как ты там говорил? «С чего это ты взял, что я не смогу тебя выиграть?!» Да моя бабушка бежит быстрее, чем ты!

Терпеть моих унижений Антон не стал. Завязалась драка. Человек, с которым мы ещё вчера были хорошими друзьями, сейчас повалил меня в снег и пытался отмутузить, а я пытался мутузить его в ответ. Благо нас почти сразу разняли. Поднявшись на ноги, я отряхнулся от снега, надел на мокрое тело футболку, выкрикнул напоследок «Ну ты и псих!», и, всё так же довольный своей победой, пошёл домой.

На следующий день я проснулся с больным горлом, насморком и высоченной температурой. Родители меня, конечно, никуда не отпустили, и на соревнования я не попал...

«Столько усилий, и ради чего? Чего я в итоге добился? Только с другом рассорился... И что на меня нашло?» С этими мыслями я пролежал в постели целую неделю.

Вновь вернувшись в школу, я благополучно извинился перед Антоном, который простил меня, закончив наконец-то нашу войну фразой: «С тебя колла, и мы в расчёте».

ОЛДБОЙ

– Мальчик, тебе сколько лет? – услышался мягкий спокойный голос, заставляющий отвлечься от внутренних размышлений.

– Двенадцать, – мальчишка поднял голову, разглядывая пожилого человека, стоящего в метре от него, затем ухватился губами за соломинку, и втянул в себя глоток яблочного сока, стоящего на столике.

– Твой ледяной взгляд не принадлежит двенадцатилетнему мальчику, он, скорее подошел бы глубокому старцу, потасканному жизнью, и умудренному опытом.

Мальчик смотрел снизу-вверх на незадачливого взрослого, которому было на вид около шестидесяти лет. Внезапно возникший собеседник был одет в свитер болотного цвета, в брюки, сильно отдающие нафталином, и плетеные сандалии. На голове его была аккуратно причесанная шевелюра с проседью. Незнакомец улыбался, пытаясь выразить дружелюбие. Мальчик же, глядел на него, не выражая никаких эмоций.

– Почему ты сидишь здесь один? – задал очередной вопрос мужчина.

– Я жду своего отца, – ответил мальчик таким же монотонным голосом, – Он оформляет документы на страховку.

В зале ожидания банка стояло несколько деревянных столиков, многие из которых в настоящее время пустовали. Играла негромкая, всё время повторяющаяся музыка, состоящая из нескольких мелодий. Зеленые цвета плакатов и перегородок приятно радовали глаз. В одной из кабинок сейчас находился отец мальчика, буквально в нескольких шагах от этого самого столика.

– А я жду, пока мне пересчитают пенсию, – с печальным вздохом произнес собеседник, затем указал на соседний стул, – Можно, я присяду?

– Да, конечно, – ответил мальчишка, предлагая место поудобнее.

Грузно опершись о поверхность стола, который мгновенно отдался скрипом, мужчина плюхнулся на предложенный стул, едва не раздавив его своим весом. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, словно изучая, затем собеседник, вдруг вспомнив о знаках приличия, протянул пухлую руку:

– Я, Виктор Егорович.

– Миша, – мальчик быстро пожал предложенную руку.

Тяжелое и громкое дыхание мужчины указывало на проблемы со здоровьем, а его серая кожа местами шелушилась. Он был полноват, из-за чего и казался таким медлительным и болезненным, учитывая даже свой преклонный возраст.

– С тобой случилось что-то нехорошее? – Вдруг произнес Виктор Егорович, чем и обескуражил мальчика.

Но Миша быстро пришел в себя, и его секундное замешательство едва ли было настолько очевидным, чтобы собеседник сумел его разглядеть. Выдержав небольшую паузу, он поинтересовался:

– С чего вы взяли?

Мужчина едва заметно улыбнулся, и произнес:

– Я прожил долгую жизнь, и многое повидал на своем веку. А еще я был в Афганистане, когда там велись боевые действия. Служил командиром подразделения в отряде пехоты в семьдесят девятом году. У местных ребятишек, которые росли под градом пуль, был такой же взгляд, как у тебя – взрослый, рассудительный, но в то же время испуганный.

Мужчина замолчал, вопросительно смотря на мальчика, ожидая от него ответа. Секунды повисли вечностью и, если бы не играющая мелодия, над ними бы сгустилась душащая тишина.

Мимо прошла молодая пара; они улыбались друг другу, и выглядели такими счастливыми, что слезы наворачивались на глаза от умиления. По залу разнесся голос программы, оповестивший, кому из очереди стоит подойти к операционному окну.

Миша сжался в комок, борясь со своим внутренним «я»: можно ли открыться этому незнакомому человеку? В итоге он сдался и, громко выдохнув воздух из легких, кивнул:

– Да, вы правы.

Виктор Егорович выжидающе смотрел, всем своим видом

подталкивая мальчика на продолжение. Но юноша колебался; по его виду было понятно, как тяжело даются эти воспоминания, с чем бы они ни были связаны. На какое-то мгновение его мальчишеское лицо отобразило все пережитые муки; губы плотно сжались, а на лбу выступили маленькие капельки пота. Но все это сошло так же быстро, как и появилось. И вот уже, это был тот самый мальчик, спокойный и рассудительный, с невероятно осознанным и взрослым взглядом.

– Полгода назад я был похищен, – тихим голосом Миша начал свой рассказ, – Как мне рассказали впоследствии, меня должны были продать на органы...

– Какой ужас, – Виктор Егорович побледнел прямо на глазах, качая головой. Он не верил своим ушам, – Как это произошло?

– Я это смутно помню, – пожал плечами мальчик, – После прогулки возвращался домой услышал лишь резкий свист тормозов со спины. Не успел даже обернуться, как почувствовал укол в район плеча. Это последнее, что я помнил.

– Ты сумел как-то сбежать от похитителей?

Мальчик отпил еще немного яблочного сока, затем вытер губы тыльной стороной ладони и стал рассказывать совсем не по-детски:

– Не совсем... Не знаю, сколько прошло времени, но, когда я пришел в сознание, было холодно. Меня бил озноб, продирая до самых костей. Вокруг стоял запах сырости, похожий на тот, что я впервые почувствовал, когда хорони-

ли бабушку. Затем я осмелился открыть глаза, но лучше бы не делал этого. Потому что ничего не изменилось – вокруг было темно. Я испугался, что ослеп, и всегда останусь таким, и заплакал. Потом заложило нос, и стало трудно дышать. Я стал звать на помощь, но не услышал даже своего эха. Звук моего голоса просто тонул в темноте. Я звал на помощь до хрипоты. Через некоторое время слезы остановились. Казалось, плакать стало попросту нечем. Где-то, неподалеку капала вода, словно протекающий кран на кухне. В школе нам рассказывали, что долго лежать на холодном полу нельзя. Было много случаев, когда люди застужали себе почки, а потом всю жизнь мучились. Добавить к слепоте болезнь почек не хотелось, поэтому, собравшись с силами, я решил принять сидячее положение. Жутко хотелось пить, во рту была пустыня, а в горле стоял непроходимый ком. Мелкая пыль, поднимаемая с пола руками, забивалась в нос и в рот, попадала в глаза, и от этого приходилось очень часто моргать. С каждой каплей воды, звук которой доносился с самого пробуждения, утекала надежда на спасение. По своей наивности, я рассуждал, что скоро придут родители, и вытащат меня из этого кошмара. Но, откуда они могли понимать, где я находился, если даже сам не мог того знать? Мне хотелось вскочить на ноги, и бежать, но бежать-то было некуда. Темнота, хоть «глаз выколи». Дрожа всем телом, я обхватил себя руками, стараясь хоть как-то согреться. Под пальцами ощущалась «гусиная кожа», плотной пленкой покрыв-

шая все тело. Прощупывая пол перед собой, я начал было свое движение вперед, но в этот момент случилось то, к чему и подходит мой рассказ... Прямо на моём пути, в темноте вдруг вспыхнули яркие желтые глаза. Первой реакцией была радость, что все-таки не ослеп, но в следующее мгновение накатил животный страх. Глаза смотрели прямо на меня, их обладатель молчал. Я застыл на месте, в надежде, что он меня не заметит. Боясь шмыгать носом, ощутил, как сопли медленно стекают к губам. Их хотелось немедленно смахнуть, но руки не слушались. Стук моих зубов друг о друга, должно быть, разносился по всему помещению, как и биение сердца. «Оно меня не видит. Оно меня не видит», успокаивал сам себя. Что-то, что я поначалу принял за капли воды, казалось теперь слюной, стекающей из голодной пасти обладателя желтых глаз. Наверное, прошли часы, с тех пор, как возникли глаза, а я всё сидел неподвижно. Тело затекло. И вдруг до моих ушей донесся другой звук. Он был неясным, и его источник невозможно было определить. Но звук приближался. Откуда-то сзади раздался противный металлический скрип, и полоса света быстро скользнула из-за спины, вдоль по помещению. От неожиданности, я резко развернулся и был ослеплён белым светом, больно ударившим в привыкшие к темноте глаза. После, кто-то обхватил меня руками, и понес к свету. Я начал брыкаться и звать маму, но чьи-то руки держали меня железной хваткой. Далее события развивались, как во сне: вот я уже на улице, шуюсь от яркого

света, вокруг полно народу, на плечи накинута теплый сухой плед. Откуда-то появляются мои папа и мама; вот уже они обнимают меня, целуют. Я пытаюсь что-то хрепеть, но пересохшее горло не дает это сделать.

– Какой кошмар, – Виктор Егорович промокнул салфеткой вспотевший лоб, – Где же ты был? И как тебя смогли так быстро отыскать?

Миша едва заметно улыбнулся и продолжил:

– Меня увезли куда-то за город, но недалеко. Бросили в подвал на даче одного из похитителей. Как оказалось, я был не первым в их списке. Они давно этим промышляли. Пробыл я там почти сутки, большую часть которых пролежал без сознания. На следующее утро меня должны были забрать какие-то люди, и отвезти в другое место, где бы и достали из моего тела все необходимые органы. Вы не поверите, но меня нашли по телефону, о котором я совершенно позабыл. Хоть батарейка села еще до похищения, но меня отследили даже по выключенному. У меня «Samsung» S-4300, знаете, такой маленький и узкий?

Миша достал его из кармана, и положил на стол, чтобы собеседник наглядно представлял, о чем говорит мальчик.

– Видите, какой он маленький. Наверно, похитители попросту не заметили его, обыскивая меня. Благодаря ему меня и нашли.

– А, что за животное находилось с тобой в подвале?

– Я кричал об том, что там внизу что-то есть, какое-то чу-

довище. Полицейские обследовали каждый уголок подвала, но никого не обнаружили. Это оказалось самым странным во всей истории. Я готов поклясться, что несколько часов наблюдал за этими желтыми глазами, тарасившимися из темноты, но там никого не оказалось. Железная дверь, через которую меня вынесли, была единственным выходом. Внутри спрятаться тоже было негде, но подвал оказался пуст, как я ни настаивал, чтобы проверили еще. Меня записали на прием к детскому психологу, который и убедил меня в том, что это были лишь галлюцинации от пережитого стресса, и от истощения организма. Такое иногда случается, говорили мне.

– А, сам что ты думаешь по этому поводу?

– Я стараюсь всё забыть, как страшный сон. Психолог мне советует поступить также. Главное, что я жив, и практически здоров.

– Да, Миша – это самое главное. Тех людей поймали, которые тебя похитили?

– Да. Поймали всех. Мои родители держали этот вопрос под строгим контролем. Поэтому я и сижу здесь. Просто у нас вся семья застрахована от различных происшествий. И папа, как раз передает документы страховой компании в банк, чтобы получить эту страховку.

В этот момент раздался очередной вызов клиента по громкой связи и, взглянув на свой жетон, Виктор Егорович вскочил:

– Моя очередь подошла, сынок. Приятно было с тобой по-

знакомиться, – он вновь протянул руку мальчику, теперь уже прощаясь, и Миша вновь ее пожал, – Береги себя и... постарайся забыть все те ужасы, через которые тебе пришлось пережить.

– Спасибо, – отозвался мальчик и, впервые за все время, искренне улыбнулся, – Вы тоже берегите себя.

Пожилой человек направился к кассам, медленно переступая с одной ноги на другую, а Миша вновь потянулся к своему яблочному соку, которого осталось совсем чуть-чуть. Но ничего, скоро отец должен был уже закончить с документами, и они поедут домой, где их ждет горячий обед.

С тех пор Миша до дрожи боялся темноты, спал только с зажженной лампой, и никогда не заходил в комнату, или в ванну, предварительно не включив там свет. Психолог говорит, что со временем он сможет побороть свои страхи, и вновь стать обычным мальчуганом, глаза которого снова станут детскими и озорными. Гулять без родителей он пока тоже не осмеливался; совсем недавно вновь начал ходить в школу; и только с сопровождением кого-то из взрослых.

Но, он сильный и умный мальчик – он справится.

– Мальчик, сколько тебе лет? – послышался приятный нежный голос, и Миша поднял глаза, уставившись на женщину, приятной внешности, лет тридцати пяти, стоящую возле его столика...

О СТАРЫХ ДЕВАХ

«Старые девы» бывали во все времена. Только «старость» их периодически менялась. Лет тридцать назад к ним причисляли барышень совсем молоденьких по нынешним меркам лет с тридцати, которые не успели еще замуж выйти. Сегодня к этой прослойке, если можно так выразиться, относят одиноких женщин уже за сорок.

Не исключено, что лет эдак через двадцать-тридцать «старыми девами» будут считаться уже не девы, а бабушки лет шестидесяти, не нашедшие личного счастья в виде штампа в паспорте и соответствующего документа, выдаваемого органами ЗАГС. Тем более и на государственном уровне это подкрепляется: пенсионный возраст растет, а значит и старость откладывается.

Но что касается теперешних «старых дев», они вполне молоды, энергичны и часто даже не подозревают, что относятся к данной категории. Зато у них есть мамы, тоже обычно вполне себе полные сил и инициативы женщины, которые их ставят об этом в известность с регулярностью и упрямством, завидным для отдельных ослов. На стороне деятельности мамы выступают прочие родственники, завсегда с большой охотой и готовностью интересующиеся, не вышла ли такая-то замуж и, услышав отрицательный ответ, состра-

дательно качающие головами:

– Но встретит еще кого-нибудь, не отчаивайтесь, – подбадривают родственники мамашу «старой девы».

А сами между собой возможно перешептываются:

– А сколько ей? Тридцать?! Ну все, не выйдет замуж. Так и будет всю жизнь одна с таким-то характером.

Таким образом, крест на семейной жизни несчастной поставлен уже заранее. Но все равно, будто бы желая подкрепить свою правоту и собственную успешность в плане личного счастья, родственники продолжают нахваливать и интересоваться на всех совместных праздниках у самой «старой девы»:

– Ох, какая красавица! Замуж-то вышла? А когда собираешься? Есть у тебя кто на примете?

Так юбилеи, свадьбы, крестины и даже поминки превращаются в обсуждение личной жизни одинокой совершеннолетней девушки. Она, конечно, старается не обращать на это внимание. Зато её мамаша обращает и поднимает все свои связи и знакомства в поисках подходящего кавалера. И тут начинается отбор. Сначала отметаются все разведенные и с вредными привычками кандидаты. Но по мере взросления «старой девы» в конце концов и ими не брезгают.

Свидания мамаша назначают самостоятельно, часто считая излишним ставить в известность кандидатов, как с той, так и с другой стороны. Звонит, скажем, мамаше старинная знакомая:

– Приходите ко мне чай пить. Через полчаса.

– Пойдём, дочка, к моей подруге чай пить.

– Идите, мама, – отвечает дочь, только что в дверь вошедшая и даже шапки еще не снявшая, – А я пока хоть в душ схожу, а то три дня на поезде к Вам ехала.

– Ничего, ничего, ты и так вполне совсем очень даже чистая. Поехали, говорю, чай пить.

Нечего делать – едут. А там, как бы случайно к старинной знакомой мамы заходит ее сын. Знакомая достаёт альбом с фотографиями, просит мамашу помочь чай разливать, и те удаляются, оставляя молодых для дальнейшего знакомства. Тут уж «старая дева» окончательно раскрывает коварный план ближайшей родственницы. И сын, кажется, что-то подозревает. И так им от этого делается неудобно и неловко, что слова вываливаются из головы и поговорить не о чем. И это молчание превращается в вечность. А чая все нет и нет. И, кажется, хуже быть не может.

Но тут появляются сговорившиеся мамы и выясняется, что хуже быть может. Подруги начинают наперебой расхваливать своих детей, как будто им десять. В списке достоинств и добродетелей упоминается и учеба в школе «на пятёрки», и помощь бабушке летом на огороде.

По мере развития диалога мамы все больше расплываются в улыбке, в то время как лица детей приобретают оттенки спелых азербайджанских помидоров с овощного лотка.

Наконец, чаепитие заканчивается. И все довольны: мама-

ши радуются, как они ловко всё обделали, а дети – что свободны.

БОРЬБА С НЕДОСЫПОМ

Подъезд двухэтажного дома привычно выплюнул в туманное утро сонного человека с взъерошенной седоватой бородой. Чёрно-белая кошка, которая дремала на лавочке, проснулась, потянулась и демонстративно отвернулась в сторону. Серый грязный забор ей был интереснее, чем какой-то там двуногий прямоходящий.

Пройдя пару метров, неуклюжий гуманоид остановился и втянул носом прохладный воздух. Решив, что свежесть этого утра чрезмерна для его угрюмой природы, он достал из кармана ветровки пачку сигарет. Закурил, кашлянул, глянул на свои ноги. Обнаружил, что его костюм снова бросает вызов общественной морали: дырявые джинсы, носки и шлёпанцы; ухмыльнулся и не очень ровной походкой отправился прочь.

«Петухекают кукари, кукахакают петури», – в голове у человека зашевелились громоздкие конструкции, которыми дремлющий мозг пытался отгородиться от необходимости анализировать сигналы извне.

Потому что внутреннее пространство разума было заполнено тёмно-пурпурной желеобразной субстанцией. Зелёные огоньки снов двигались в глубине и манили своей ритмичной игрой. Будущие дела – тёмные скалы, грозно поднимались над поверхностью. Прекрасным белым пароходиком,

огибая острые края каменных глыб, плыла кружка кофе.

Когда человек скрылся за углом дома, кошка подняла голову, встала на задние лапы, посмотрела ему вслед и пробормотала: «Кукури, здрасте». Она спрыгнула с лавки, откусила травинку, торчавшую между досок, пожевала, сплюнула, ткнулась лбом в забор, закрыла глаза и сказала усталым голосом: «Что же меня так плющит-то?»

Мир вокруг безмолвствовал. Туман оседал. Солнце показалось из-за куцых облаков. Кузнечик сидел на стебле одуванчика и деликатно ждал продолжения монолога. Сверху, с крыши дома, выглянул голубь. Но четвероногая ворчунья не двигалась и молчала.

Голубь наклонил голову, подождал ещё. Наконец, решив, что выступление закончилось, он захлопал крыльями и взлетел. И уже поднявшись высоко вверх, увидел, как кошка отошла от забора, тряхнула головой и запрыгнула обратно на скамейку.

Потоки воздуха мягко обтекали крылья, солнце раздвигало обрывки облаков, чтобы те не мешали светить и греть. Внизу, белесые клочки тумана пытались спрятаться в ложбинах и ямах, но были обречены.

Тёмная точка пересекла линию горизонта на востоке. Сердце голубя заколотилось, инстинкты сработали мгновенно – крылья сложились вдоль тела. Орёл. Страх. Прятаться. Быстрее! Туда – к густым деревьям около автобусной остановки!

Голубь спикировал на ветку и осыпал желтыми листьями, вперемешку с засушенными жучками, бородатого человека в носках и шлёпанцах. Чем заставил того оторваться от созерцания внутренних пейзажей.

– Да что это?! Вот же пройдоха пернатый! – пожурил человек птицу словом, вытряхивая из-за шиворота мелкий мусор.

Пернатый хулиган, не моргая, наблюдал за нелепым танцем бородача. Сердце ещё бешено билось, но опасность миновала, а среди осыпавшихся жучков были вполне аппетитные экземпляры. Сейчас это чучело в шлёпанцах уберётся и можно будет пожить.

Человек, похоже, проснулся окончательно. Поёживаясь от ощущения мелкого мусора на спине и продолжая отряхивать волосы, он подошёл к несуразной будке автобусной остановки.

Лавка, над ней козырёк, стойки из тонкого металла, декоративные загогулины – дизайнер старался слепить дешёвое и современное урбанистическое произведение искусства. Жаль, что он не придумал значения тому, что этим нагромождением листов и профилей должны пользоваться люди в ожидании автобуса.

Две старушки стояли под козырьком, в своих самых нарядных одеждах и торжественно перекидывались репликами, не глядя друг на друга.

– Наташка моя, сказала, не пойдёт. Что, бестолку всё. А я

не понимаю. Нас приучили так. Надо идти и ставить галочку. Что это праздник.

– Я с зятем поругалась с утра. Чего, говорю, разлѣгся? Поднимайся, бери Нюрку и бегом на участок. А он в ответ меня дурой обозвал.

Бородач стоял поодаль и, посмеиваясь про себя, прислушивался к разговору. Дрёма опять вползла в его мысли. «Вот, сейчас подъедет автобус, сяду сзади и пятнадцать минут...» – глаза начали закрываться и, в момент, когда ресницы почти сомкнулись, яркое голубое свечение со стороны беседующих бабушек, заставило его поѣжиться. Широко раскрыв глаза, он уставился на старушек, чем вызвал ответное неприязненное любопытство. Но свечения уже не было.

– Бороды отрастают, татуировок понарисуют, смотреть противно, тьфу! – вполголоса, но вполне отчётливо произнесла бабуся в кокетливой шапочке с брошкой, пальто и резиновых калошах.

– А девки джинцы раздерут во всех местах и ходят срамоту проветривают, – подтвердила вторая, в лакированных туфлях и ярко оранжевой кофте, заправленной в спортивные штаны с лампасами.

Мужчина покачивался с носков на пятки, заложив руки за спину. Он пытался изобразить нечто очень независимое и пренебрежительное. Только в шлёпанцах сложно было покачиваться, а сумка на плече мешала соединить руки сзади. Поэтому выходило не очень. А полусонное состояние тела

придавало, самой по себе нелепой позе, ещё и гротескную театральность.

«Тьфу на вас всех. Шапито. Парад клоунов.» – перестав играть лорда на эшафоте, подумал он. И перевёл взгляд на дорогу. Где-то там должен появиться экипаж: грязный, гремящий и медленно ползущий автобус. Лорду хотелось сложить ладонь козырьком и горящим взором всматриваться вдаль.

А человеку в шлёпанцах стало лениво. Он опять боролся со сном. Веки тяжело двигались и стремились сомкнуться. В голове зазвучала дурацкая песенка-речитатив: «Ша-пи-то! А ты в нём кто?» Разум почти уснул, а его место во внутреннем телеэфире оказалось занятым фантазмагорическим шоу. Но надо отдать должное ведущему – он пытался вести логически последовательный монолог:

«Щелочки между глаз должны остаться. Бдить. Ну, слегка бдить. Иначе не устоять – упаду и усну прямо здесь. На радость бабкам с гражданской позицией... зицией-зицией. уа-уа-йеее.» «Остаться. Держаться до последнего. Купаться до исподнего. Наш гражданский долг – взвешенная оппозиция... зиция-зиция. Уа-уа-хэй.»

Балагур из утреннего телеэфира не успел спеть следующий кровожадный куплет про взвешенную-повешенную оппозицию-проституцию потому, что сквозь полужакрытые глаза человека, в голове которого и происходило это шоу, опять проникло сияние. На этот раз, он не стал делать по-

спешных движений и смог присмотреться к источнику света.

И, чем внимательнее он вглядывался, тем более удивительные вещи замечал. Как, например, то, что свечение исходило не от старушек, а от пульсирующих нитей, прикреплённых к их головам. «Поздравляю я вас детки, ибо вы – марионетки», – остряк из утренней телепередачи подал голос, но был грубо подавлен сознанием, возвращающимся к пульту управления бородатым человеком.

Мужчина протёр кулаком слезящиеся глаза и наваждение опять исчезло. Всё те же бабки угрюмо смотрели перед собой и неспешно беседовали. Никаких энергетических кабелей в их головах не было. Сообразив, что ключ к иному миру – полузакрытые глаза, бородач прищурился. И опять начали проступать нити, светящиеся голубым. Из старушек, из земли, из голов других людей – прямо в небо.

«Зянятно-презянятно. Интересно, это я сплю или... или что? Или я спал до этого, а сейчас проснулся?» «И куда же я тогда проснулся?» «А если сплю, то получается я ещё не вышел из дома?»

Еле заметное движение на границе поля зрения. Человек повернулся и увидел прямо перед собой полупрозрачную фигуру в чёрном комбинезоне. Ужас сковал мышцы, хотелось закрыться руками, спрятаться под подушку, накрыться одеялом и убежать, одновременно.

Между тем, существо, совершенно точно было человеком – просвечивающим насквозь, слегка парящим над землёй, но

человеком. И сейчас этот тип сосредоточенно и с нескрываемым раздражением, боролся с живой нитью в руках.

Он пытался попасть в голову бородача. Это, очевидно было непросто. Пульсации сопровождались толчками и рывками. На срезе шевелились сотни маленьких щупальцев-отростков и они норовили вцепиться в руки, удерживающие нить. Скорее инстинктивно, чем осознанно, бородач человек втянул голову в плечи и отшатнулся от клубка беснующихся змей, когда прозрачный укротитель ткнул им в его сторону.

– Смотри, этот, как будто сопротивляется», – бородач услышал женский голос за спиной.

Вздвогнув и испытав новую волну ужаса, человек в шлёпанцах, с огромным усилием, сделал два шага в сторону. Второе полупрозрачное существо было совсем рядом и наблюдало за ним с озадаченным выражением лица. Тот же чёрный комбинезон, но, в отличие от первого – фигура явно женская.

– И мне показалось, – пробубнил скрипучим голосом первый. – Не везёт сегодня. Ещё один беспокойный. Чует нас и дёргается.

– Попробуй ещё. Не будет же он, как заяц бегать. Устанет, надоест, успокоится.

– Да... легко сказать. Эта линия мне уже все руки искоусала. Глянь, как присоски озверели.

– Ну-ну. Ты же сильный, ловкий, умелый монтажник. Я

горжусь тобой, мой укротитель энергетических линий и соединительных модулей.

– Хватит издеваться. Подержи лучше, чтоб не так пульсировала. А я прицелюсь и подключу.

Напарники вдвоём взялись за светящуюся нить и, не без труда, пошатываясь и вздрагивая при каждом толчке внутри жилы, двинулись к жертве. При этом, первый целился извивающимся клубком змей в голову бородачу и даже высунул язык от усердия.

– Вы чего?! Э-э! – возмущения нехотя вываливались из охрипшего горла и пересохшего рта обезумевшего от страха человека. Он пятился, пока не прижался спиной к холодному железу опоры козырька остановки. Бабуси смотрели на него, как на сумасшедшего, но не сдвинулись ни на шаг.

– Иногда мне кажется, что он нас видит. С кем он говорил?

– Не отвлекайся. Целься лучше. Тяжело, блин. Это рефлекторная реакция. Чует, беспокоится и бормочет чего попало.

– Реб... Ребята, не надо меня этой штукой. Чего прицепились? Вижу я вас!

Ещё одна попытка прицепить сияющую нить к голове бородача закончилась неудачей. Когда первый напрягся и изо всех сил толкнул извивающийся конец жилы в сторону человека в шлёпанцах, тот присел и отбежал на другой край остановки.

– Наркоман, – процедила старушка в кокетливой шапочке.

От внимания перепуганного мужчины не скрылось то, что в момент, когда пожилая дама произнесла слово, вверх, по её нити полетел светящийся сгусток. Вторая бабуся ничего не сказала, но и по её жиле в небо отправился сверкающий шар.

Двое в комбинезонах озадаченно смотрели на свою бегущую мишень.

– Ну его, короти линию! Пусть сами подключают. Может и правда – стал видеть, – сказала вторая.

– А вдруг – это тот самый, как его... просвеченный? – ответил первый, с сожалением бросив конец нити на землю. Щупальца-змеи яростно вонзились в асфальт и исчезли.

– Просветлённый, ты хотел сказать? Не. Точно не он. Говорят, у просветлённых шар вокруг, на пару десятков метров. И нашему брату никак не пройти внутрь.

– Да пошли вы все! И вы, в комбинезонах и вы, дуры старые! – бородач, дрожащим пальцем показывал, то на напарников-неудачников, то на бабушек. Не удовлетворившись, он свернул дулю и потыкал ей и тем и другим. Потом развернулся и быстрым шагом пошёл домой, поминутно оглядываясь.

За спиной скрипнуло, громынуло и зашипело. Взвинченный человек в шлёпанцах аж подпрыгнул, ожидая самого страшного. Но это был долгожданный автобус, разверзший складные двери и впусивший в чрево своё старушек, спешивших на избирательный участок. Ещё раз, скрутив фигу,

бородач показал её и автобусу, а затем отвернулся и прибавил шаг.

ДОСУГ ЗА ШЕСТЬДЕСЯТ

- Алло... Алло, здравствуйте. Скажите, это “досуг для тех, кому за шестьдесят”?
- Здравствуйте, да... Как вы узнали о нас?
- Из рекламы узнал: “Три симпатичные москвички девяносто-шестьдесят-девяносто ищут привлекательного мужчину того же возраста”
- Эм... Скажите, а какой возраст интересует именно вас?
- Ну, не знаю... У вас за семьдесят есть?
- А предпочтения по внешности у вас какие?
- Ну, примерно, как Лидия Геннадьевна, царствие ей небесное.
- Хорошо... У нас как раз для вас есть подходящий вариант: Ангелина Павловна. Ей восемьдесят три, но она ходит на плавание, фитнесом занимается и выглядит на все пятьдесят восемь.
- Замечательно. Ладно, я заказываю Ангелину Павловну.
- Заказ принят... Ждите девочку в течении часа.
- Благодарю, но если я не возьму трубку, можете отменить заказ.
- Вы ляжете спать?
- Ну, можно и так выразиться.

ЗАБАСТОВКА ЗОМБИ

Мужчины с суровыми лицами молча топали сапогами по деревянному полу бытовки. Сосредоточенно. Ритмично. Вагончик с одним окном, на полозьях из толстых труб видал всякое: и романтические свидания Петьки-прораба с тремя жрицами прелюбодейного культа; и дебаты о тайнах мироздания между сварщиком Вовой и тремя стропальщиками из одной солнечной страны; и ремонт с полной разборкой карбюратора от старенькой Тойоты; и даже творческие мучки корреспондента местной газеты, когда сдвинутые стаканы торжественно зазвенели над распростёртым журналом «Стерео и Видео», а бульдозерист Витя, весомо и авторитетно произнёс: «Вот так и строим!».

Но сейчас в вагончике происходило что-то совсем экстраординарное: певица в ажурных трусиках с пожелтевшей фотографии на стене смотрела на происходящее с тревогой и недоумением. «Боги строительства покарали этих криворукых халтурщиков и лишили их ума» – как будто думала она.

Постанывали напольные доски, звякала банка олифы о бутылку растворителя, пыльное окно запотело и плакало, мышцы забились в щели под полом, сосредоточенные мужики ожесточённо топали. Никто не задавал ритм, но выходило удивительно ладно и синхронно, в такт, в ногу.

– Что за чертовщина?! – уже в третий раз вслух задался вопросом начальник строительного участка, переводя взгляд то на Вову, то на Витьку, то на Иваныча с другом его Петюней, то на «этого, как его, Махмуда что ли?».

Становилось неуютно и беспокойно.

Что-то сегодня пошло не так, хотя обычный же был день, конец месяца – надо походить с важным видом, выдать немного денег бригаде, выписать нагоняй одному, по шею другому, похлопать по плечу «этого, как его, Махмуда что ли?», щипнуть упругую ягодицу крановщицы Людки, а там, глядишь и уединиться с ней вот в этой самой бытовке. Всё должно быть как всегда. А тут – на тебе!

Мужики окружили начальника и, глядя в пол, принялись топтать. Угрюмый и устрашающий танец в полной тишине поначалу забавлял его.

– Таланты! Ирландский кордебалет! – поначалу шутил он, – Пьяные что ли? Поувольняю! – пытался угрожать он потом. Ни слова в ответ. Ни звука из плотно сжатых губ немых танцоров.

Начальник пытался бежать, но как только он делал поспешные шаги к двери, фигуры топочущих подчинённых сдвигались плечом к плечу плотной стеной. Дорога к выходу отрезалась глядящими в пол, не перестающими бить каблуками по доскам, мрачными людьми.

– Вы чего? А-ну, выпустите! – в этом крике уже почти не было гнева и властных ноток. Страх, беспокойство, мольба

о пощаде. – Вы что устроили тут? Вы чего?! – холодный пот по спине, ужас от осознания того, что это не сон, не кино, а те самые Пети, Васи и «Махмуды что-ли» исполняют дикий, жуткий ритуал. А ему, хозяину и повелителю взбунтовавшихся рабочих, судя по всему, уготована роль жертвы.

В голове звучал голос Фредди Меркури: «Ви-и-Вил! Ви-и-Вил! Рак ю!». Впору засмеяться и подпеть песне, вновь попытаться свести всё происходящее к шутке, но... Отчего-то совсем не до шуток начальнику было сейчас. Мысли метались в голове, мышцы начинала сковывать обволакивающая разум паническая атака. А солист Куин теперь почему-то пел: «Вы-ы-дай! Вы-ы-дай! Деньги!», будто кинув из семидесятых годов, сюда, в наше время, спасительную подсказку.

– Ребята! Вы что? Из-за денег?

Топот прекратился. Строители подняли глаза и не моргая смотрели на вспотевшего лысоватого начальника, который обрадованный найденным ключом к ребусу, затараторил:

– Ну, вашуж мать! Ну вы даёте! Я же всё объяснял! Бухгалтерия заказчика накосячила с документами и перевод не прошёл! В следующем месяце переведут и всё выплачу!

Дальнейшее действие на вид было более устрашающе. Во-первых, работяги опять затопали, во-вторых топот начал слаженно ускоряться, в-третьих «этот, как его, Махмуд что ли?» неожиданно вскинул руки и, растопырив их, как хищная птица, начал медленно двигаться к жертве. Ритм стал уча-

щаться. Начальник строительного участка скорее почувствовал, чем услышал, что теперь к ударам о пол, скрипу досок и звону бутылок, добавился новый звук:

– Вз-ж-ж-ж-вз-ж-ж-ж – раздавалось из ртов работяг.

– Да вот! Вот! Натё! Подавитесь! Всё! Больше нет! Всё! – начальник кричал, срывая горло, переходя на фальцет, вырывая из карманов, из портмоне и из барсетки купюры, бросая их на стол у окна между замусоленной книжкой в мягком изодранном переплётё и ржавым навесным замком.

Спустя минуту работяги перестали топать. «Этот, как его, Махмуд что ли?» важно подошёл к столу, собрал купюры, бегло пересчитал, повернулся к товарищам и многозначительно кивнул.

Строители расступились, освобождая проход к двери.

– Вы что творите?! Вы больные?! – начальник выскочил из бытовки и опрометью бросился прочь, перескакивая через обрезки труб и связки арматуры, пересекая стройку.

Когда добежал до своего крузера, припаркованного за забором, дрожащими руками стал дёргать замок двери багажника, пока не сообразил, что машину надо снять с сигнализации. Открыл, лихорадочно раскидал разноцветные упаковки продуктов из жёлтого пакета супермаркета, сорвал с бутылки вина пробку, облился и припал жадно к горлышку. Как вода в пересохшее горло лился благородный напиток, становилось теплее и спокойнее. Голова приходила в порядок. Почти полностью опорожнив, начальник оторвался от

бутылки и сделал пару шагов в сторону от машины, чтобы посмотреть на место своего позора и отдышаться. Может, стоит вернуться, надавать по бесстыдным наглым мордам, забрать бесславно потерянные деньги?

Внезапно, на всей стройплощадке погасло освещение и в полной тишине включился прожектор на башенном кране, одинокий луч света упал на круизер. Стрела подъёмной машины пришла в движение.

Ощущение ужаса вернулось, когда начальник осознал, что машина движется в его направлении. Он сел в автомобиль и спешно завёл двигатель. Буксуя и разбрасывая колёсами снег, виляя на поворотах, джип удалялся прочь от кошмарной стройки.

Пятью минутами ранее, сразу как начальник покинул вагончик, на потрёпанную книжку упала большая, мокрая от слюны шайба.

– Тьфу! Как будто Людкин кран облизал от колёс до крюка. Тьфу! – отплёвывался Витька, вытирая рот рукавом.

– А я, кажется, мозоль натёр. И ноги гудят. Но получилось! Получилось же! – Вова тоже выплюнул шайбу. Но, так как был хозяйственным мужиком, то вытер её платком и сунул в карман ватника.

– Да-а-а – протянул Иваныч, выплёвывая шайбу под стол. И похлопал Махмуда по плечу. – Даёшь!

– Я не верил. До конца. Думал, сейчас санитаров из дурки вызовет и хана, – Петюня тоже имел, что сказать.

– Это я здесь сварщик Махмуд-как-там-его, а дома меня звали Ахмет-психиатр с двадцатилетним стажем, – хитро щурясь сказал Махмуд-Ахмет. – А наш начальник только что узнал своё пограничное состояние психики... Кстати, – добавил он. – По-моему, сейчас Людкин выход.

Внезапно, на всей стройплощадке погасло освещение и в полной тишине включился прожектор на башенном кране...

СОСУЛЬКА ДЛЯ ДОКТОРА

Серое февральское утро началось как обычно. Снова в больницу заявила очумелая жена пациента. Она кричала, обвиняя доктора Корягина в воровстве и всех смертных грехах. Это повторялось уже много дней подряд, и каждый раз начиналось одинаково. Корягин уже понял, что такими темпами не доживет и до тридцати.

– Вы его залечили! Издеваетесь над ним! Я привезла его здоровым, а сейчас во что он превратился?! Вы коновал! Фашист! Вас надо расстрелять!

Эти слова больно ранят, особенно когда несправедливы. Корягин помнил, как принимал того больного. Пожилой мужчина поступил в состоянии сопора. Диагнозом приемного отделения было «сосудистая деменция» (старческое слабоумие). Пациент был крайне истощен. Он не разговаривал и не вставал – настолько были скованы его конечности. Корягин сделал невозможное. Он поднял умирающего человека из гроба. Только, кажется, зря. Мужчина оказался никому не нужным. Супруга отказалась забирать мужа домой.

– Вы что себе позволяете?! Вы не врач! Вы убили его совсем, до смерти! Посмотрите, когда он поступал к вам, был в уме! С собакой гулял! А теперь овощ! Вы ничтожество! Я подам на вас в суд! – от крика её сморщенное, мелкое лицо

побагровело и напоминало теперь жухлый помидор. На попытки успокоить, старуха только распялялась еще больше.

Но Корягин терпел это. Ни разу не подав виду, и не нахамив в ответ. Впитывал глубоко в свою душу эти оскорбления, очевидно, пытаясь «переварить», и не демонстрировать окружающим свои чувства.

Самым забавным, пожалуй, в этой ситуации было то, что больной чувствовал себя хорошо. То есть, он был здоров в той мере, в какой может быть здоров человек полностью потерявший разум. Он кушал, самостоятельно вставал. Ходил в туалет, даже иногда ругался на санитарок.

Доктор не один раз собирал консилиумы в составе главных специалистов. Приходил даже начальник медицинской части. И все, как один, твердили, что больной нуждается в скорейшей выписке. На этом социальный уход заканчивался и далее лечить человека предстояло семейному окружению.

Больше всего доктора доканывала пассивность и бездействие окружающих. Особенно начальника. Нет бы запретить жене больного допуск в отделение, подать в суд в конце концов. Сделать что угодно, чтобы от безумных родственников не страдали другие больные. Но нет! Как бы Корягин не настаивал, решение было однозначным: «не обострять».

Вот и кончилось это необострение тем, что бедный Корягин раздумывал о том, куда бы ему деться. Подальше от этого всего. Может быть, лучше на тот свет? Он чувствовал уже, что его ум разлагается, а душа плесневеет изнутри. Но вы-

хода из этой ситуации никакого не видел.

В то утро Корягин, после полученной порции оскорблений и клеветы, вышел покурить и увидел её: острая как шпага, огромная сосулька висела под козырьком у входа. «Должно быть, это очень опасно», мрачно подумал доктор. Ведь наверняка эта сосулька сорвется, и убьёт кого-нибудь. А может, даже и меня. Последняя мысль показалась ему симпатичной. Если он не смог выписать больного, значит, выпишется сам. Позорно покинет поле боя.

Не смотря на то, что доктор при своих коллегах бывал демонстративно циничен, судьба любого пациента часто тревожила его больше, чем собственная. Настолько, что Корягин порой забывал побриться и погладить брюки. А иногда и поесть. Днем доктора терзала тревога, а по ночам к ней присоединялась бессонница. Доктор по несколько часов ворочался в кровати, одолеваемый навязчивыми мыслями. Измученный ночным беспокойством, он звонил медсестрам на пост, чтобы узнать, как там поживает его больной. И лишь удостоверившись, что с больным все хорошо, засыпал тревожным сном. Ровно до рассвета, пока будильник не звонил шесть ноль ноль.

Последние недели доктор только и думал, как бы выписать больного. Иначе, он, Корягин, будет виноват во всем. И бабка подаст жалобу в прокуратуру (вы не сомневайтесь, подам. За мной не заржавеет. Вы проклятый коновал и гестаповец. Сколько можно? Только сидите весь день, жрете и курите! Я

напишу жалобу, у меня связи!). А заодно на портал Президенту (Вы здесь работать больше не будете. Лечить не умеете, вас сажать надо. Какую-то трубку поставили, ну и что-то он без нее умрет. Пришел-то без этой штуковины!).

Корягин, уныло затянувшись табачным дымом, сделал несколько шагов вперед и остановился. Прямо на него сверху уставилось жало потенциальной убийцы. Оно целилось точнехонько ему в макушку. Доктор взглянул на сосульку и прикинул, насколько будет больно, когда она войдет ему в череп. Скорее всего не очень. Смерть будет мгновенной. Тяжелая глыба льда в пару секунд превратит его голову в кровавое месиво. «Вот старухе радость будет! Попробуй она теперь кого вором обзови». Это ж только Корягина можно. Он терпеливый. Да только любой бы сломался от такого прессинга. Молодой доктор, много сил. И тем быстрее чуткость к больным сменит апатия и эмоциональная опустошенность.

Интересно, как отреагировал бы начальник, увидев труп подчиненного? Может быть, расстроился бы. Стал бы винить себя, что не досмотрел. И на этом, наверное, всё. А что еще? С мертвого врача спрос маленький. Корягин усмехнулся. Сигарета заканчивалась, а сосулька, к неудовольствию доктора, все не падала. Вдруг поднялся ветер, увлекая за собой вихри ледяного снега. Его дуновения заставили доктора плотнее застегнуть белый халат. Корягин поморщился. Раз умереть не удалось, придется работать. Швырнув бычок в мусорное ведро, Корягин развернулся и пошел обратно в от-

деление. Дверь за ним захлопнулась, а с козырька на крыльцо ухнула и разбилась тяжелая сосулька. Но он этого не слышал.

ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Она смотрела на своих смеющихся подружек и не понимала, чему же они так радуются. Возможно, дело не в них, а в ней. Ведь Ирке и Светке с самого утра то и дело приносят валентинки со школьной почты...

Марина была самой незаметной в их компании, но она никогда и не пыталась выделиться. Каштановые волосы, карие, как шоколад, глаза, острые черты лица, средний рост, в общем, самая обычная девчонка. Светка и Ирка же, напротив, очень заметные и привлекающие к себе внимание особы. Две сестры-близняшки ещё в девятом классе полюбились всем ребятам школы. Весёлые, открытые, дружелюбные, к тому же красивые, – неудивительно, что сегодня тайные поклонники просто завалили их своими валентинками. Несмотря на свою популярность, Света и Ира с самого детства и по сей день рядом с Мариной.

Марина ещё никогда не влюблялась. Возможно, это связано с учёбой в музыкальной школе. Каждый день на протяжении уже трёх лет девочка везде ездит с виолончелью и особо не глядит по сторонам. Думаю, мало кто смотрит по сторонам в метро, в час пик там бы самому не потеряться, не говоря уже про инструмент. Поэтому Марина и не заметила этим утром пристальный взгляд, прикованный к её персоне...

Прозвенел звонок с урока, и все как один рванули в кабинет школьной почты, оставлять и забирать открытки. Ира и Света тоже не упустили возможности забрать стопку причитающихся им признаний, не забыв захватить с собой подругу.

– Марина, Ира, Света из 10«Б»! Подойдите к этому столу за открытками, – крикнул девочкам главный школьный почтальон Глеб.

Марина, услышав свое имя, заволновалась. И не зря. Но, получив в руки валентинку без имени отправителя, девушка загрустила.

– Глеб, ответь, пожалуйста, ты знаешь, кто это принёс? – спросила Марина. Она была уверена, что это просто чья-то шутка.

– Так... А что, кто-то отправил открытку без подписи? Опять? Как люди не поймут, что это же противоречит нашим правилам! Мне сегодня весь день приносят эти бумажонки, и ты, правда, думаешь, что я запомню всех? Могу тебе сказать, что был один парень подозрительный, с гитарой, вроде я его ещё ни разу в нашей школе не видел, хотя ты знаешь, что я очень внимательный, и всех знаю. Но не думаю, что он имеет отношение к твоей валентинке.

– Хорошо, спасибо, – сказала Марина и развернулась в сторону двери.

В коридоре ждали сёстры, они сразу же устали на Марину. Она рассказала им про валентинку и про то, что имя

отправителя не указано.

– Мариш, ты зря волнуешься, – начала Ира, – Глеб хоть и ругается, но сейчас многие не указывают имя в послании.

– Вы меня не дослушали. Дело не в подписи. Текст. Текст открытки странный! Сейчас прочитаю, слушайте: «Привет, Марина. Мы давно не виделись, думаю, что при встрече ты меня не узнаешь. Сегодня я видел тебя в метро, ты очень красивая. Но вспомнишь ли ты меня?»

– М-да... Это и правда странно, – согласились подружки. Но Марина уже их не слышала, голову заполнили воспоминания...

Они были рядом с самого рождения, да и как бы они избегали друг друга? Их родители общались со школьных времён, шли по жизни, держась за руки. После рождения детей семьи не перестали поддерживать связь. Так Марина и Владик стали неразлучны. До седьмого класса друзья держались вместе. Но как погода не всегда бывает солнечной, так и друзьям пришлось распрощаться. Родителям мальчика пришлось переехать из-за работы, и Влада они забрали с собой. Какое-то время ребята поддерживали общение, но вскоре школа и дополнительные кружки накрыли с головой.

– Марина! Марина-а! Уроки закончились, пойдём домой, – сёстры с подозрением посматривали на героиню.

– Всё думаю об этой валентинке, даже представить не могу, чьих рук это дело! – обратилась к близнецам Марина.

– Это, конечно, странно, но забудь, займись чем-нибудь

другим, – ответила Ира, надевая шапку. – Насколько я знаю, у тебя зачёт по сольфеджио в конце февраля, вот и готовься.

– Тебе-то легко говорить... Я, между прочим, не каждый день анонимные записки получаю! – возмутилась Марина.

– Мариш, не обижайся. Она просто советует не заострять внимание. Меньше знаешь – лучше спишь. Русская пословица, – добавила Света.

– Ох, девочки, пойду домой уже, а то ещё уроки делать на завтра, – Марина обняла подруг на прощание и пошла в сторону станции метро.

Заходя в вагон, девушка почувствовала что-то неладное. Может, вам казалось когда-нибудь, что за вами наблюдают? Согласитесь, неприятное чувство. Марина решила не обращать внимания и стала слушать музыку в наушниках. Когда она шла к дому, чувство слезки только усилилось, но девушка списала это на странное послание. На пороге героиню встретила мама. Она загадочно улыбалась, что тоже показалась Марине странным.

– Мариш, привет! Ты чего так долго? Проходи и садись за стол. Кстати, с минуту на минуту к нам кое-кто должен приехать, – поделилась новостью мама.

– Эм... Ну, ладно, – девушка так устала от мыслей, что не стала спрашивать маму ни о чём. Она помыла руки, села за стол. Вдруг раздался звонок. Режущий и неприятный звук, который родители Марины давно хотели поменять, но никак не могли этого сделать, трезвонил, не умолкая. Мама

накрывала на стол, поэтому девушке пришлось подняться и пойти к дверям.

– Иду, иду!

«Да оставьте вы уже в покое этот несчастный звонок», – в сердцах про себя воскликнула Марина. Когда девушка поворачивала замок, она даже не могла подумать, кого сейчас увидит. За дверью стояли очень неожиданные гости. Два взрослых человека, а с ними тот самый мальчик, которого так давно не видела Марина. Это был Влад!

Они стояли и смотрели друг на друга. Родители Влада поспешно прошли в гостиную, чтобы там обниматься с мамой Марины, а ребята ещё не сказали друг другу и слова, пытаюсь справиться с какими-то новыми нахлынувшими чувствами...

– Это тебе, – прервал, наконец, молчание Влад и достал из-за спины букет.

– Спасибо, – тихо прошептала девушка и робко улыбнулась. – Думаю, нас уже заждались, пойдём. С Днём Святого Валентина!

СКАЗКА ОБ ОДНОМ КОПАТЕЛЕ

Это произошло в Москве в 1982 году, когда Ивану исполнилось семнадцать лет. Он уже был старшеклассником, но учился на тройки, и все его обзывали «троечником». Иван же все свои силы отдавал истории города. Сначала он много читал: о московских укладах, князьях и походах, царях и войнах. Но купеческие и церковные тайны волновали его больше всего.

Однажды, во время экскурсии по Донскому монастырю он почти случайно сбился с маршрута и попал под древнюю оборонительную стену. То, что он там увидел, потрясло, и он сразу прибил к московским копателям, которые, при случае, могли залезть в самую глубокую канализационную шахту только в надежде наткнуться на какой-нибудь артефакт. За такую бесшабашность судьба иногда бывала к ним благосклонна.

– Полушка... деньга... опять деньга... московки, – Иван сидел в подвале полуразрушенного дома в Староконюшенном. Именно это место в городе, а, вернее, под городом, он знал лучше всего. Задолго до того, как наверху появились улицы, распланировали бульвар и даже отстроили огромную церковь, здесь был заброшенный, дикий овраг. Место считалось дурным и звалось в народе «Черторыжьем»: несколько

раз в году овраг проваливался ямами, а то вдруг случались оползни, – «как черт рыл».

– Это там, на Волхонке, – рассуждал вслух Иван, – жили бояре Грозного царя, а здесь, ближе к Арбату, на берегу оврага жили стрельцы, палачи... – Иван скопился на широченное лезвие топора, валявшееся рядом с горшком, – Кило серебра будет. Все это народ бросал ему, на помост, чтоб человека не особо мучил, а кого и наоборот.

Он осторожно ссыпал монеты в горшок, завернул его в плотную фланелевую тряпку и сунул в рюкзак, с которым, надо сказать, никогда не расставался: ходил с ним и в школу, и в магазин, и «на дело». Обломок топора оставил на месте.

Утром следующего дня Иван связался с таганскими нумизматами. Как обычно, хорошую цену посредник не предложил, – и он отдал только малую часть своих сокровищ для покрытия срочных долгов. Оставшуюся часть находки припрятал до лучших времен в старинном сундучке под кроватью. А пока, взял три старинные монетки и всю появившуюся наличность, и поехал на встречу с товарищем, таким же помешанным на кладоискательстве. Встретиться договорились в восемь, в «Остоженке» – в кафе на Метростроевской.

Чокнулись, выпили за удачу сладкий зеленый «Шартрез».

– Ну, рассказывай. – Матвей чувствовал, что его более молодой и более успешный коллега страстно желает побахвалиться.

– Да что рассказывать? Само приплыло... Я только пару

половиц отодрал, так сразу и обалдел: там старый фундамент остался... Посветил... Пустой подвал, даже рухляди никакой. Но решил зайти. Между балкой и стеной просвет, сантиметров тридцать.

– Ну и? – Матвей, конечно, заинтересовался. Наполнил рюмки, – Я, вообще-то, навещал ту красную двухэтажку. Не повезло. Не увидел.

– Копнул в углу раз-другой, ударил что-то, очистил во-круг... Топор проржавленный, огромный, палаческий, над-колотый. Приподнял его, а там «баклажка». Битком «сереб-рянкой» набита. Ну, я уж дальше и не смотрел нигде, сразу слинял.

– Зря. Завтра вместе ходим. Ты всё сдал или заныкал что?

– Да, оставил пару монет. Как новые... Показать?

– У тебя с собой? Покажи.

Иван небрежно бросил на скатерть три деньги. Матвей за-чарованно разглядывал неровные блестящие кружки. Потом брал их по одной и все шепотом приговаривал:

– Старина... четыреста лет, мать моя... Глянь, как вчера с монетного двора! А неровности все одинаковые... интересно, у других так же? Ну, старик, с тебя – магарыч. Можно сказать, в экспедиции ты хаживал за мой счёт.

Иван не обиделся, лишь громко позвал официанта и по-просил «самого вкусного виски». Тот оценил ситуацию. По-путно заметив древнюю мелочь, быстро произнёс:

– Сделаем. – сказал и исчез.

Когда их развезло совсем, подсел смуглый молодой человек. Предложил вместе выпить за удачу, заказал еще. Разговорились.

Иван очнулся и обнаружил, что сидит в окружении трех молодых людей, но Матвея среди них не было. Сам он увлеченно рассказывает про свои и чужие находки, про тех, кому их продают, про опасности и приключения, что ожидают любознательных смельчаков на каждом шагу. Монеток на столе не было. И тогда он понял: надо смываться, что-то странное было в этих людях.

Иван по привычке поддернул рюкзачок, пробубнил, что ему на минуту надо отлучиться и, пока никто не успел ответить или пошевелиться, вскочил на ноги и бросился бежать, куда глаза глядят. Он влетел на кухню, довольно тесную, с запертой дверью в дальней стене. Два повара уставились на него, пытаясь угадать, что происходит. В ту же секунду Ваня выписал еще круг и в отчаянии ворвался в какую-то клеть, где, верно, складывали овощи. Наверху оказалось зарешеченное оконце, – и он решил пробиваться. Упрямо полез по ящикам вверх и, когда он уже почти добрался до окна, под ним хрустнуло, зашаталось, и он полетел в провал, образовавшийся в гнилом полу.

Какое-то время Иван катился по крутой лестнице вниз, потом грохнулся в кучу чего-то трескающего и звенящего. Он уселся, порылся в мешке, вынул фонарь, включил, – ра-

ботаает! – и то хорошо. Осмотрелся:

– Бог мой, опять Черторыжье, только уже самое дно. Опять царь Грозный... Но дела куда серьезней. Вляпался... А, может, чудится мне все спьяну? – разные мысли пронеслись в голове Ивана, когда он разглядывал черепа, горки человеческих костей, кандалы, бердыши, сабли, разбросанные вокруг, сложенные у стен. И стражники, и их жертвы остались здесь навсегда вместе. Ивану стало жутко.

Два тоннеля, вымощенные брусчаткой, уходили от него в разные стороны. Иван вынул профессиональный компас: стрелка очень долго бегала кругами, наконец, успокоилась. Получилось так: кирпичный проход направо вел к Зачатьевскому монастырю. Левый – на Волхонку, далее, предположительно, к Кремлю, минуя две станции метро. Не колеблясь, он выбрал этот маршрут. Встал, отряхнулся, надел рюкзак и быстро, но заметно пошатываясь, пошёл вперёд.

Невысокий сводчатый тоннель плавно изгибался, но общее направление не менял; Ивану стало привычно, даже весело и интересно. Ему уже случалось побывать в реальных подземельях, он навестил секретное бомбоубежище, ходил по путям линий метро, не обозначенных на схемах.

Через какое-то время он услышал гул, скрежет, удары киркой по камню. Шум становился все громче и, когда Иван приблизился к какой-то низкой железной двери, он понял, что именно здесь кипит бурная деятельность. Он решительно пнул дверь ногой, бесстрашно полез вовнутрь, чуть не на

четвереньках, и оказался в какой-то огромной камере, если объемное пространство, выбитое в скале, можно так назвать.

Фонарь он сразу выключил, – по всем уступам были подвешены факелы. Они хорошо освещали, но страшно чадили, отчего дышать здесь было довольно трудно. Ни людей, ни вообще кого-нибудь живого, он не разглядел. Прямо перед ним высилась плавильная печь, гудевшая как тепловоз, многочисленные норы зияли в стенах. Из них доносился стук и грохот. У стен рядами сложены стопки желтых слитков.

Вдруг появился маленький человек в красном камзоле и колпаке, перед собой он катил тележку, наполненную рудой. Навстречу выбежали другие гномы с лопатами и кирками. Никто не обращал никакого внимания на присутствие Ивана. Он вдруг полез в рюкзак за «сапёркой», потом опомнился, плюнул и стал поспешно выбираться из рудника.

Ещё полчаса он блуждал по тоннелям вниз, вверх, направо, налево, пока не обнаружил другую затворенную дверь, огромную, из массивного дубового теса. За дверью стояла тишина, и Иван решил постучаться. Однако, ему никто не ответил, и Иван сам осторожно толкнул её. Вошёл и замер. Он оказался в высоченном зале, освещенном необычным фиолетово-голубым светом. В центре на цепях висел прозрачный гроб. А в гробу лежала, если Иван правильно помнил, спящая красавица. Ну да, она, действительно, была красива, но очень бледна, строга. И Иван пулей вылетел обратно за дверь.

Он присел на корточки, и какое-то время отдыхал, приходя в себя. Всё увиденное он ещё не осознал до конца, но то, что он заблудился в катакомбах, рискуя остаться в кромешной темноте без запасных батареек, понимал отлично. А потому поднялся и продолжил путь.

Он устал, ноги не чувствовались. Но вот опять дверь. Иван просто нагнулся и открыл её. За столом сидела крыса и в свете лучины штопала шерстяной носок. Увидев незваного гостя, она тотчас вскочила, оскалилась и затараторила:

– Уходи, человек, а то я тебя укушу. Крот ещё спит, и долго будет спать. Ты можешь разбудить калеку.

У стены Иван, действительно, заметил маленькую деревянную кровать и крота в ней. Крот лежал на спине, уставившись чёрными кружками очков в потолок, и тихо похрапывал. Иван повернулся, чтобы уйти, но тут разглядел маленький осиновая кадка с водой. Он подошел к крысе, ударил посильнее щелчком её по носу, поднял кадка, жадно припал к нему. Напившись, он сгреб со стола кучку зерен, положил их в карман и вышел.

Воздух стал портиться, чувствовалась сырость, пробрал озноб. Скоро под ногами захлюпала какая-то грязь, а за поворотом открылось настоящее болото. Черная муть отражала фонарь серебряными бликами. По поверхности тут же пошли волны. Из болота вынырнула огромная змеиная голова и, рассекая черную жижу, направилась к Ивану. Если бы он

не пил в ту ночь, то так и остолбенел бы от ужаса, отдавшись на милость чудовищу.

Иван сразу смекнул, что здесь очень опасно, и, высоко подбрасывая ноги, так быстро убежал, что уже через пять минут оказался на том проклятом месте под «Остоженкой». Здесь он оглянулся: голова остановилась перед первой же алебардой, которая валялась на полу и как будто преграждала змею дальнейшее продвижение. И он так же стремительно уполз назад. Иван сделал еще несколько шагов по хрустящим костям, потом, обессилевший, облокотился на стену и сполз по ней на каменный порог. Долго ль – коротко он так лежал, – неизвестно. Ему стало холодно и страшно. Кое-как поднялся и вошел в тоннель, ведущий к Зачатьевскому монастырю.

Дорога все также извивалась и вела в неизвестность, но скоро, где-то впереди, Ивану почудился тусклый плавающий свет. Он не остановился и, подойдя ближе, увидел странную картину: ход заканчивался тупиком, в самом его углу – небольшой стол, на нем – большая, потемневшая от времени икона, перед иконой – свеча. А перед свечой сидела, задумавшись и склонив голову набок, несчастная девушка. Вернее, это была юная монашка, потому что на ней было чёрное длинное платье, белая манишка, шелковистая накидка и капюшон. Печаль ее выдавали огромные глаза. Ресницы опущены, между тонких бровей складка.

Её длинное худое тело, бледное страдальческое лицо, кру-

ги под глазами вызвали у Ивана нестерпимую жалость. Ещё более странным было то, что на руках она держала запеленатого младенца и крепко прижимала его к груди. Иван гулко покашлял, – монашка вскинула ясные влажные глаза и поднялась. Ничего не говоря, они принялись разглядывать друг друга.

Иван никогда не видел таких необычных, сказочных девушек. Неизвестная сила тут же околдовала его, и особо не разглядев молодую женщину в сумеречном свете, не зная, кто она, он уже почувствовал, что влюбился впервые по-настоящему.

– Как звать тебя, милая?

– Раньше монахини величали сестрой Ольгой... По-простому, я – Оля.

– я – Иван, по-простому. Ты чего тут сидишь? Какие монахини, Оля? Монастырь уж лет сто не действует... Оля... Здорово, что я встретил тебя. Такую... не знаю. Я не понимаю, что это все значит, но дай время – разберусь. Для начала «распутаяю» это подземелье и выйду. И ты со мной.

– Я не могу пойти с тобой, Иван, – мягко ответила Оля. – Согрешила... вот, – она опустила глаза на малыша и еще сильнее прижала его к себе. – И по нашему Уставу меня с младенцем опустили в старый колодец, потом забросали ветвями и землей. Здесь муки мои продлятся до скончания веков.

– Да ведь столько лет прошло, забыли о тебе!

– Нет, Она помнит. Да и выхода нет. Здесь – тупик, там дальше – дракон в болоте непролазном.

– Я видел его... И что ж? Так и пропадать? Неужто ничего...

– Ничего... Надежда одна... Когда настоятельница выводила меня, то обмолвилась, что если явится мне добрый молодец, влюбится, свершит подвиг и окажет почести царские, то она вернет мне свободу и благословит обоих.

– Ну, насчет подвига, это она погорячилась. Не знаю. А остальное будет. Сердце мое – уже у тебя.

С этими словами Иван попытался поцеловать Ольгу. Но она увернулась. Он неожиданно для себя поклонился образу, удивился, почему свеча совсем не уменьшается и не оплывает воском. Развернулся и, счастливый, зашагал туда, откуда явился. Вышел он к тому месту, где валялись на полу кости, цепи и оружие. Голова начинала болеть, и Иван прислонился к стене, раздумывая, что дальше делать. Наконец, он поднял, повертел в руке ржавый меч, потом взял легкую изогнутую саблю. Неумело махнул два раза, выругался и двинулся по коридору.

В конце тоннеля он распахнул дверь. Крыса сжалась, увидев его, но ничего не сказала, только глаза вытаращила. Иван подошел к ней, опять щелкнул по носу. Поднял с пола кадку с водой, вдоволь напился, а остатки опрокинул себе на голову. Фыркнул, вышел и напрямик направился к змею. Тут уже под ногами хлопала грязь. Вскоре показалась из темно-

ты огромная голова, неподвижная, с немигающими глазами. Тело змея покоилось в глубокой черной жиже. Когда блеснул раздвоенный язык, и пасть приоткрылась, Иван спросил:

– Кто ж тебе остальные две головы оттяпал?

Тот не ответил, а вытянулся под самый свод, затем стал медленно опускаться на Ивана. Добрый молодец как только того и ждал: присел, подпрыгнул и ударил саблей со всей мочи по гладкой драконьей шее. Голова тут же слетела прочь, а Иван едва отскочить успел от брызнувшего потока густой чёрной крови.

«Одни неприятности», – подумал Иван и пошёл от поверженного змея. Перед дубовой дверью он остановился, отдышался и тихо проскользнул в зал. Здесь все оставалось по-прежнему: голубой с фиолетовым оттенком свет лился из стен, воздух был свеж, ароматен. Прелестнейшая красавица неподвижно лежала в гробу. Переливался всеми цветами радуги её дорогой кокошник. Иван подковырнул саблей хрустальную крышку, с трудом приподнял её и снял с головы красавицы украшение. Осторожно положил за пазуху, – вещь-то хрупкая!

Без всякого смущения Иван наведалься и к гномам. Только шишку набил, когда, опасаясь, чтоб не выпал кокошник, недостаточно нагнулся в проеме. Он сел на корточки у ближайшего штабеля желтых брусочков, снял мешок и почти полностью наполнил его золотом. Пожал плечами, – прятать-

ся опять не пришлось, – и волоком вытащил груз в тоннель. Утер рукавом пот со лба, кряхтя, влез в рюкзачные лямки и, согнувшись, не останавливаясь больше нигде, поплелся к возлюбленной.

Измученный Иван, наконец, обогнул последний поворот и увидел свою возлюбленную. Ольга все также сидела перед тёмным образом, с младенцем на руках. Только свеча почему-то теперь почти догорела, будто собираясь погаснуть. Иван сбросил поклажу к ее ногам. В рюкзаке тяжело и глухо брякнуло. Он устало улыбнулся и, показав монашке окровавленную саблю, швырнул ее в сторону. Потом долго и осторожно рылся за пазухой, сопел, в конце концов, извлек жемчужный кокошник. Нерешительно подошёл к ней. Уже смеясь, пока она с удивлением и радостью смотрела на него, сбросил на плечи её черный капюшон и сам, млея от восторга, отвел назад русые волосы и закрепил их похищенным царским украшением. Они стояли напротив друг друга и не могли ничего сказать. В этот момент образ упал ликом на стол, они обернулись и увидели высокую женщину в монашеских одеждах, таких же, как у Ольги. Ольга воскликнула: – Игуменья Марфа!

Но та приложила палец к губам, повернулась к глухой стене и что-то сказала. Кирпичная кладка заколыхалась и исчезла. Когда свечной огарок пшикнул последний раз, уронив фитиль в лужицу воска, женщины уже не было. Откуда-то из глубины послышалась тяжелая поступь, – настоящие бы-

линные богатыри, завидев копателя и монашку, приостановились: «Вот он. Покажись, голубчики». Раздвигая низкие кольчуги великанов, вперед высыпали возмущённые гномы. Сзади злобно визжала крыса. Иван подхватил мешок в одну руку, другой обнял Ольгу за талию и вывалился в образовавшийся проход.

Они оказались на набережной. Было раннее утро: рассвет над Москва-рекой был величествен: солнце уже золотило купола слева от них, справа, в серой мгле виднелся Крымский мост. Прямо перед ними стояло такси. Иван распахнул заднюю дверь, втокнул Ольгу с младенцем в машину, сам заскочил в переднюю дверь и, пока сонный таксист раскрывал рот, бросил ему на колени золотой слиток и закричал:

– Гони в Кунцево!

ДУРНЫЕ ДРУЗЬЯ

На часах была уже полночь, когда я закончил работу и закрыл ноутбук. Потянувшись, ощутил, как в спине что-то хрустнуло и заныло. Давно пора сходить к врачу и записаться на массажи, но я, как и многие в наше время, тяну до последнего, чтобы уж совсем скрутило в крендель – вот тогда... Времени-то у нас никогда нет. Особенно на самые важные вещи.

Зато безделью отыщется особая ниша на временных координатах человеческой жизни. Вот и сейчас вместо того, чтобы поспать и выспаться наконец, я беру свою кружку с давно остывшим кофе на дне и иду на кухню, попутно подтягивая сползающие домашние штаны. Под ногами вертится проснувшийся кот – кажется, я совсем забыл его накормить. Щёлкнув зажигалкой, поджёл конфорку под засаленным чайником и полез в холодильник за кошачьими консервами. Мне потребовалось ещё пара минут, чтобы обеспечить животное поздним ужином. После чего я обеспечил себя полуночной порцией никотина, застыв у открытого окна с сигаретой в зубах.

Именно в этот момент зазвонил мобильный. Прищурившись, я глянул на экран и ответил:

– У аппарата.

– Пап, у меня проблема... – голос на том конце был напряжённым и взволнованным. – Я убил человека. Слышишь? Совсем убил.

– А я уж было подумал, что только наполовину, – хмыкнул я и снова затянулся дымом. – Если совсем, тогда конечно, другое дело.

– Я серьёзно! – в трубку натужно засопели. – Пап, мне страшно, что мне делать?

– Ну хорошо, – вздохнул я, зажал в зубах сигарету и принялся готовить себе новый кофе одной рукой, второй продолжая держать у уха трубку, уточняя нюансы: – Свидетели есть?

– Ну... Я не знаю...

– Что значит «не знаю»? Узнай!

– Мне кажется, что бабка с первого этажа видела... Её окна сюда выходят и там это... тень мелькала... – неуверенно ответил мой собеседник.

– Придётся бабку того, – я клацнул языком, издав неопределённый звук, – убрать.

– Что?! Ты хочешь, чтобы я ещё кого-то убил?! С ума сошёл что-ли?!

– Ну-ну, малыш, выдохни, – хохотнул я и вернулся к окну с чашкой ароматного кофе, поставил её на подоконник и сразу перехватил сигарету пальцами, чтобы сбить скопившийся пепел. – Не всё же мне за тобой убирать... Кроме того, ты уже одного сегодня завалил. Подумаешь... Одним больше,

одним меньше. А свидетелей всегда нужно зачищать. Чему я тебя учил? Надеяться на «а вдруг» в нашем деле – не вариант.

– Хорошо, я уберу бабушку...

– Молодец, мой юный Раскольников! Делаешь успехи.

– Издеваешься? Ладно... Дальше что?

– Как что? – сделав глоток кофе, я удовлетворённо вздохнул и продолжил: – Дальше тащи труп в квартиру к бабушке.

– Зачем?!

– Там его расчленишь. Потом возьмёшь совковую мясорубку в бабушкиных загашниках и нарубаешь фарша. Фарш распределишь по пакетам, аккуратно так, чтобы было видно, что бабушка запасливая. Запихаешь пакеты в морозилку и холодильник – сколько поместится. Потом возьмёшь остатки – кости там, хрящи всякие, и выбросишь на разных помойках по городу, там собаки уличные тебе ещё спасибо скажут. Вещи сожги где-нибудь подальше, свои в том числе. Огонь всё сожрёт. И потом домой, отмываться. Ну и отпечатки свои подтереть не забудь. И следы, чтобы новых свидетелей не было – шторы зашторивай!

– Странный ты какой-то... – обижено ответили на том проводе и звонок оборвался.

– Действительно, – я рассмеялся в ответ, сунул телефон в карман и продолжил пить кофе и докуривать сигарету.

Вот уже около полугода повадился какой-то чудак со скрытого номера звонить мне раз в неделю. Каждый раз с

какой-то новой историей или темой для «обсуждения». Кто он такой – понятия не имею. Телефонные тролли разве ещё живы в наше время? До появления его в моей жизни я в это не верил. В эру интернете такими «приколами» можно промышлять куда удобнее и, что уж лукавить, безопаснее. Но этот парень был каким-то другим, что ли... Во всех его звонках сквозило одиночеством и создавалось впечатление, что я единственный, кому он может позвонить и хотя бы пару минут поговорить так, будто мы знаем друг друга всю жизнь. Хотя это всего лишь мои догадки.

А сын у меня действительно есть. Только он ещё совсем мелкий, даже муху с трудом убить может. Жена от меня ушла в прошлом году. Лучший друг занят своей семьёй с тремя детьми, ему не до меня. Да и я не слишком социальный тип, чтобы иметь много друзей и стремиться тусоваться ночами напролёт. А, может, это возраст берёт своё? Чёрт знает. Но факт в том, что я даже рад этим странным полуночным звонкам. Они меня веселят каждый раз и я уже успел к ним привыкнуть. Пожалуй, если бы они прекратились, я бы даже обеспокоился: не случилось ли что на самом деле с этим фантазёром и сказочником...

Размышления прервал новый телефонный звонок. Я удивлённо взглянул на дисплей: «Номер скрыт». Странно. Обычно этот парень не звонит дважды подряд.

– Ну что, убрал бабку? Ну ты шустрый! – весело отозвался я, закуривая новую сигарету.

– Слушай, я уже пять с половиной месяцев тебе звоню и каждый раз не могу понять, кто из нас кого стебёт, – голос незнакомца звучал задумчиво. – Вроде как я должен тебя доставать, но ты всегда умудряешься как-то так всё вывернуть, что мне даже ответить нечего. Вот скажи: тебе не надоело? Ты почему не пошлешь меня? Заняться больше нечем, что ли, с каким-то дураком говорить по телефону? – к концу этой тирады он, кажется, даже разозлился, чем вновь позабавил меня.

– А тебе? – хмыкнул я в ответ, усаживаясь на край подоконника и вглядываясь в тёмное небо за окном. – Заняться больше нечем, регулярно мне названивать? Могу и послать, конечно, если хочешь. Мог бы и сразу сказать, что тебе это нужно, а то я не шибко сообразительный... Порой даже тугодум – не понял, что ты из тех извращенцев, которые получают удовольствие от унижений.

– Вот! – голос незнакомца, я готов поклясться, зазвучал восторженно. – И сейчас ты меня стебёшь! Как у тебя так получается?

– Не знаю, ты же фантазёр – придумай сам.

– Короче, я чё позвонил-то... Мы тут это, общаемся уже столько времени, а всё как неродные. Как насчёт пересечься и пивка дёрнуть, а?

– Учти: я обязательно приду вооружённым до зубов, а то сам же тебя и научил с трупами разбираться, слишком уж много знаю, – усмехнулся я в ответ, выдыхая сизый дым и

отчего-то довольно улыбаясь.

– Да я серьёзно! Я бы совершенно не отказался от такого дурного друга, которого, похоже, ничем с толку не собьёшь.

– Ну, хорошо. Записывай координаты бара. Встретимся там через час.

Продиктовав адрес заведения в соседнем квартале, я отключился и погладил подошедшего котяру, который заинтересованно наострил уши – явно слушал весь разговор.

– Ну что, Мистер Вискас, нам тоже не помешает придурковатый друг, как думаешь?

Мистер Вискас ответил уверенным «Мяу».

Единогласно.

ДВА ДЕСЯТКА БАТОНОВ

Случилась эта история с одной маленькой девочкой и её ещё более маленькой сестренкой в маленьком городе. Город был настолько маленьким, что почти все его жители знали друг друга, поэтому родители без страха отправляли своих детей в магазин за хлебом или за молоком, или другими важными покупками.

Маша в свои шесть уже часто за покупками ходила, и ничего такого сложного в этом не видела. Надо, скажем, купить хлеба, мама ей давала денег и говорила:

– Купи, Маша, буханку ржаного и батон.

И Маша выполняла, кроме случаев, когда в магазине заканчивался хлеб (ну, тут уж ничего не поделаешь – надо ждать, когда испекут и привезут свежий).

И вот однажды мама сказала:

– Купи, Маша, двадцать батончиков.

Маша была уже первоклассницей и знала, что двадцать – это два десятка, и это немало. И хотя она была уже довольно опытной покупательницей, столько хлеба ей покупать не приходилось. Маша, будучи ответственной девочкой, решила, что справится с этим заданием. Но на всякий случай уточнила:

– А если батончиков не будет, белый брать?

Мама почему-то начала нервничать и сказала, повысив голос:

– Какие батоны?! Ты что не поняла – двадцать батончиков нужно купить!

Маше не хотелось сердить маму, и прослыть непонятливой ей тоже не хотелось, поэтому она сказала, что поняла, хотя на самом деле не поняла.

И пошла в магазин. А так как Маша не только самостоятельно ходила в магазин, но и помогала присматривать за младшей сестренкой Леночкой, то её тоже взяла с собой. Лена же взяла куклу Ларису, за которой тоже присматривала, и игрушечную коляску. По дороге девочки встретили соседку Таню, которая как раз думала, чем-бы заняться, и с удовольствием составила компанию сестрам.

В магазине работала знакомая продавщица – тётя Марина. Она очень удивилась Машиной покупке и уточнила, за чем ее маме столько хлеба. Этого Маша не знала и протянула тете Марине деньги и маленькую аккуратненькую сумочку, сшитую бабушкой.

– Что же тебе мама такую маленькую сумку дала? – поинтересовалась тётя Марина.

– Не знаю, – честно ответила Маша.

– Вот что, – деловито сказала тётя Марина, – За раз двадцать батонов вы все равно не унесете. Я их отложу, а вы их потихоньку перетаскаете.

Девочкам такое предложение подходило. три батона уме-

стилось в Машинной сумочке, три – в коляске (кукле Ларисе пришлось потесниться). Еще пару батончиков захватила Таня.

Изрядно груженные хлебом, девочки двинулись домой. Дорога оказалась не такой-то лёгкой, поэтому подружки решили сделать привал. Для этого они взобрались на высокую горку возле детского садика. Пока покупательницы набирались сил, мимо проходила стройная тётя с коляской, но не игрушечной, а настоящей. Эта тётя оказалась маминой подругой. Она узнала Машу и спросила:

– Здравствуйте, девочки! А зачем вам столько хлеба?

– Мама велела купить двадцать батончиков, – пояснила ситуацию Маша.

– Двадцать?! Давайте я вам помогу, – сказала мамина подруга, а сама подумала: «Наверное, будет дефицит. Надо и себе взять тоже».

Девочки положили хлеб в коляску и двинулись дальше.

Мама как раз готовила обед и выглянула в окно. «Хлебное шествие» возглавлял Феденька, лежавший в коляске в обнимку с батончиком. Затем показалась мамина подруга. За ней следовали Маша с Таней. Замыкала колонну Леночка с куклой Ларисой.

– Что случилось? – испуганно спросила мама.

– Что, хлеб подорожает? Пора сухари сушить? – поинтересовалась мамина подруга.

От вопроса на вопрос мама ещё больше испугалась и совсем ничего не поняла. Маша поспешила её успокоить, объ-

яснив, что остальные батоны пока в магазине и нужна сумка побольше.

– Какие батоны? – продолжала недоумевать мама.

– Мы просто двадцать батонов за раз не смогли унести, – робко оправдывалась Маша.

– Да я же велела купить батончики, а не батоны. Это шоколадки такие, – объяснила мама.

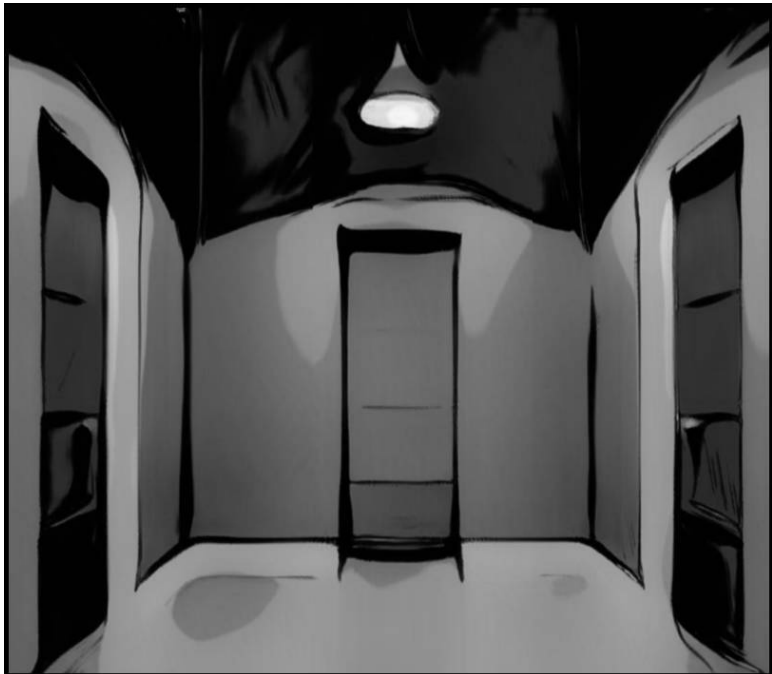
И тут мамина подруга засмеялась, и мама тоже засмеялась, потому что она уже неизвестно что подумала. И Маша тоже засмеялась, и Таня, и Леночка, и даже крохотный Феденька улыбался своим беззубым ртом.

– Пойдите, – перестала смеяться мама, – А куда же девать теперь весь этот хлеб?

– Пожалуй, я возьму один батон, – сказала мамина подруга и оставила тот, что лежал рядом с Феденькой.

Остальные батоны тоже удалось пристроить: восемь взяла Танина мама для поросят, парочку отнесли бабушке, один оставили себе, а прочие – разобрали соседи.

С тех пор Маша всегда спрашивает и уточняет, если ей что-то непонятно. Ведь лучше лишний раз переспросить и все сделать верно, чем совершить ошибку и потом её исправлять.

ТРИ ДВЕРИ В ПЕРЕУЛКЕ «У»

Нечасто приходилось говорить о таком городке, как Вильнюс. Старые мокрые улицы, обычные люди и чувство полного опустошения – это всё, что мог сыскать любой приехавший в это место. И всё же было в нём нечто такое, что заставляло останавливаться на его улицах во время исследовательского тура по Европе. Если во Франции, Англии и Австрии я посещал различные раскопки, консультируя молодых археологов, ездил по музеям и всячески пополнял свои исторические знания об этих странах, то в Вильнюсе мне делать было нечего. Мой друг из Литвы, которому я поведал о своём приезде, сказал, что в Риге и Варшаве (коли я уж собрался в балтийский регион) и то интересней будет, но, рассмотрев присланные им по почте снимки улиц столицы, я проникся отчуждённостью Вильнюса и приобрёл билеты. Меня не интересовали церкви города, на сей раз я даже не смотрел на музеи или ведущиеся археологические исследования. Мне просто хотелось прогуляться по самым заброшенным улочкам Вильнюса.

Вот колёса зазвенели по рельсам, пар перестал валить из трубы, и паровоз встал. Ни капли не заинтересовавшись остальными пассажирами, я тут же помчался к макету города, дабы узнать, где те места, фотографии которых мне прислал

литовский знакомый.

До старых кварталов от станции было рукой подать, но приехал я ненадолго, а потому моей целью было найти самую гнилую улочку города. Дом за домом я пробежал, заглядывал куда ни попадя и безусловно видел магию заплесневевших фасадов зданий, которой мало.

Тут вдруг, минуя одну из забытых и непосещаемых улиц, бросилась мне в глаза фигура человека, хотя до этого я уже минут пятнадцать не видел ни души. “Местный” – промелькнуло у меня в голове. Незнакомец этот, встреченный мною, был одет в порванный пиджак и потёртые брюки, а также носил старый дырявый плащ и такой же котелок, что уже сказало бы любому о его сословии. Нёс мужчина кулёк с пульсирующим содержимым и явно намеревался кому-то это вручить. Вряд ли этот бродяга смог бы чем-то сильно привлечь моё внимание, если бы не место, в которое он заходил.

Во время моего рассмотрения детальных макетов Вильнюса на станции я додумался остановить одного прохожего и расспросить его про некоторые места, благодаря чему позже легко ориентировался в этих гнилых домах. Одним из таких мест был и переулок Х’ворф, имеющий крайне нестандартное для литовского языка название.

Как мною уже было упомянуто прежде, макеты были составлены крайне тщательно, а потому любая улица была на них подписана.

Место это, название которого стало мне известно благо-

даря прохожему, представляло собой вырез в здании и напоминало букву «У». Однако при этом, со слов мужчины, оно было абсолютно бесполезно, ведь упиралось в два тупика, в одном из которых, конечно, были три двери, но в них никто никогда не видел признаков жизни. У жильцов дома не было окон, выходящих в не то внутренний дворик, не то переулок. Происхождение названия и какой-либо смысл Х'ворфа для всех оставались загадкой. Да никому оно и не надо было кроме меня и, как выяснилось, этого незнакомца.

Остановленный мною гулёна не обманул. Еле различимая металлическая табличка «Х'ворф» висела прямо у проёма между домами, который с первого взгляда не вызывал вопросов, не считая того, что был явно несквозным. И вправду, лишь тогда я вспомнил, что, проходя с другой стороны не видел два дома, а видел цельную коричневую кирпичную стену; сейчас же Незнакомец ступил в проход между бежевой и красной стенами. Такое странное положение дел не могло не заинтриговать меня, а потому я, осторожно обходя из неоткуда взявшиеся жёлтые осенние листья, прошмыгнул за мужчиной.

Вероятно, читая здесь описанное, всё происходящее кажется вам очень поэтичным. Мистическая улочка, загадочный плохо-одетый человек, серое пасмурное небо, историческая атмосфера и листья, появившиеся в месте, куда не взрастёт самое тонкое дерево. Но поверьте, ради вашего же блага я не описываю невыносимый амбре этих древних кир-

пичей и сырость, которая скапливалась здесь веками из-за обильных дождей и не могла выйти по причине узости этого места, где с трудом мог пройти даже один мужчина.

Дабы не вступить в контакт с незнакомым человеком, я крайне осторожно, обходя хрустящие листья, протискивался между стенами. Два этих дома были весьма толстыми, а мужчина шёл очень медленно, будто и не хотел идти, из-за чего путь по прямому и однообразному коридору занял больше времени, чем я полагал.

Я не имел тогда ни малейшего понятия почему, но встреченный мною господин шёл не просто нехотя, а принуждённо и без всякого интереса к жизни. Мне кажется, что наступил бы я тогда на лист, он бы так и шёл вперёд, в отличии от меня не закрывая нос от запаха и упёршись в одну точку. И снова джентльмен, встреченный у станции, оказался прав. Уже скоро из-за плеча Незнакомца я увидел выпуклый угол, а там в то время, как мой вожатый свернул вправо, я забежал в левый тупик. В тот момент это было большим риском, но какая бы за цель не была у этого человека, путь к отступлению у меня был открыт, а потому я высунул голову и с интересом стал наблюдать за происходящим во втором тупике.

Снова мысленно отблагодарив гуляющего джентльмена за то, что представшие перед моим взором три двери меня не удивили, но на этом мои знания кончались, и начинались сюрпризы. Все три двери были разных цветов: красного, чёрного и зелёного. Из их квадратных оконце шёл обычный тёп-

лый свет, а это говорило об одном, – жильцы, на удивление, были дома. Квартиры располагались перевёрнутой подковой, то бишь одна из дверей занимала место в передней стене, а остальные две находились в боковых, образуя тем самым этот прямоугольный тупик. Вполне ожидаемо Незнакомец постучал в красную, среднюю дверь, но сразу же после его стука открылись все, и из каждой вышло по человеку в рясе. Они напоминали мне каких-то жрецов, а после же увиденного, мой мозг стали пронзать сильнейшие галлюцинации, если их так можно было назвать.

Мне чудилось, что из-под зелёного капюшона одного из мужчин исходили некие чёрные, состоящие будто из тени, закрывавшей лицо, щупальца. Они вились и щупали воздух вокруг себя, но явно были лишь плодом моего воображения, ибо стоило мне тряхнуть головой, как они исчезали, а после снова появлялись. Человек в чёрном одеянии также был скрыт тенью от своей рясы, но на сей раз из его лица ничего не вилось; его глаза просто горели жёлтым, не освещая даже глазницы вокруг, а при взгляде в них, вокруг меня тут же сгущалась усталость, и мне хотелось спать. К моему ужасу этот юноша был как-то отвратно красив... Самым жутким был человек в красном – его образ моё сознание достраивало пуще прежних, и казалось, будто перед его лицом витал огромный круглый рот какого-то червя. Так, вероятно, моему сознанию было проще изобразить то, чего оно не видело, но о чём догадывалось.

Вся эта теневая мистика походила на демонический бейстриал, что мерещится в темноте, вселяя страх. Посему, я верил, что хоть под капюшонами и было трое обычных юношей, но внутри они были связаны с тем, что померещилось...

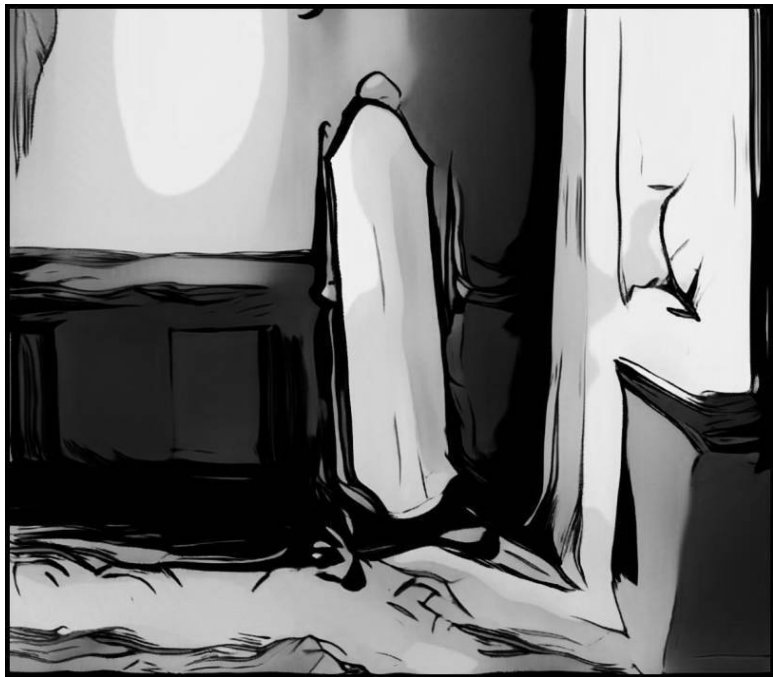
Разговаривая явно не на литовском со стариком, что меня привёл сюда, они делали его ещё старше, чем он был. Я надеялся, что жрецы меня не видят и тихо следил за происходящим, хотя чрезвычайно сильно хотел сбежать. Но даже при условии, что я бы сумел проскочить в главный коридор, оставшись незамеченным, всё равно бы себя выдал, ибо когда я решил отвлечься от затянувшегося разговора на составление плана спасения, меня ужаснуло то, что листьев заметно прибавилось. Я не видел, каким образом они сюда попали, но сейчас там и шагу нельзя было ступить, не издав шума.

Я продолжил следить за происходящим у дверей, как вдруг уже всё сморщенное от страха тело, которое я боле не мог назвать человеком, развернуло кулёк и показало трём мужчинам какую-то мерзкую мышь, которую оно крепко сжало руками за бока, чтобы она не вырвалась. Я не уверен, была ли та мышь вообще мышью, либо это было что-то другое, но чем бы оно ни было, красному жрецу это не угодило. Он взял мышь в свои кисти, закрытые рукавами, но тут же бросил о каменную мостовую, а после его теневой рот раскрылся и, преобразовавшись в такого же несуществующего червяка, с головы накрыл Незнакомца и поглотил его

до того, как к нему вернулся дар речи.

Мышь на тот момент уже пролезла в какую-то щель между кирпичей фасадов домов, а трое мужчин в рясах закрыли за собою двери, произнеся на прощание проклятое слово, и потушили свет, оставив меня, бегущего по хрустящей листве и вспоминающего это прощальное отхаркивание: «Х'ворфф», в полном одиночестве.

ПРИЗРАК СЕРЕБРЯННОГО ЗЕРКАЛА

На пороге стояли золотые октябрьские деньки. С деревьев облетели еще не все листья, радуя глаз яркими искрами, но лужи уже начали леденеть, и при ходьбе раздавался мелодичный хруст. Воздух был холоден и чист. Я приехала на дачу, в поселок недалеко от города. Наш дом, обычно такой шумный, оказался совершенно пуст.

Дядя и тетя, с которыми мы по праву наследования, делили дачу, уехали в город по делам. Родители мои загорали где-то на море, а дачники – которых в «высокий» сезон было аж две семьи – уже разъехались. Я, наконец-то, получила дачу в свое полное распоряжение. Если, конечно, не считать Умку – маленькую бабушкину собачку, которую разумные дядя и тетя, зная о моем приезде, намеренно не взяли в город по делам.

Я отворила калитку, погладила по холке подбежавшую ко мне Умку, и, по вытоптанной тропинке, пошла размещаться в дом.

Наш дом – столетний деревянный гигант, встретил меня сыростью и холодом.

– Понятненько, – буркнула я, – Протопить перед отъез-

дом никто не додумался. Конечно, Машка приедет и все сама натопит.

Я бросила свой рюкзак на скамеечку, стоявшую при большом кухонном столе, и, потирая руки, пошла во двор за дровами.

На крыльце меня снова встретила Умка. Она сидела внизу, возле ступенек, и жалобно скулила куда-то в небо.

– Грустно тебе? – ласково спросила я собачонку.

Та повернула на меня умную мордочку.

Я ободряюще потрепала собаку по моське. У бедной Умки были все причины грустить: ее хозяйка – бабуля – умерла зимой, и сильнее собаку никто не любил.

– Ничего, – снова подбодрила я Умку, – Сейчас мы печку натопим, и завалимся в кровать печеньки кушать. Ты со мной?

Умка повиляла хвостом, но потом снова воздела мордочку к небу и продолжила скулить.

Примерно через час дом преобразился: печка сделала свое дело и везде стало уютно и тепло. Я почитала книжку, попила чайку и собралась на боковую. Хороший сон был мне просто необходим: я ведь и приехала за тем, чтобы побыть наедине с собой, подумать: стоит ли продолжать и дальше учиться на медика, или все к чертовой... И что делать с Андреем? Нет-нет. Только не сейчас. Все мысли – на завтра. Сейчас только сон. Крепкий здоровый сон.

Но все вышло не совсем так, как я планировала. Часа че-

рез два после того, как я пошла спать, выпитый мною чай решил, что хватит ему засиживаться в моем организме. Я вылезла из-под теплых одеял, проигнорировала Умку, лежавшую в моих ногах и жалобно заскулившую, как только я встала, и тело мое поплелось в предбанник, где стоял предмет, мною вожделенный. Но едва я ступила на кухню, как весь мой сон словно рукой сняло. В кресле – огромном старом кресле, стоящем напротив печки, кто-то сидел. Более того – из темноты на меня смотрели два огромных горящих глаза.

Надо сказать, что кресло это было сродни самому дому по возрасту – почти столетнее. И принадлежало оно моей бабушке. Ныне покойной.

Умерла старушка зимой. На похоронах я не была – сессия. И вот теперь – эти два огромных глаза в кресле.

Я взвизгнула – было очень страшно. Однако, хвала небесам, локоть мой задел выключатель света, и, как только кухня озарилась свечением лампочки, я поняла, что на спинке кресла сидит никто иная, как Мурка. Мурка – наша дворовая кошка.

Я выругалась, посмеялась. Пожурила Мурку за то, как она тайком пробралась в дом. Потом налила кошке молока, дошла-таки до предмета вожделений, но, выходя из кухни, случайно забыла выключить свет.

Следующим утром я была слишком занята игнорированием звонков Андрея, чтобы помнить о ночных кошмарах.

К тому же я обещала тете кое-что поделывать по дому, и большая часть дня прошла незаметно. Ближе к вечеру поднялась на чердак – составить коробки вещей, которые упаковала на зиму по наказу тети.

Надо сказать, что тетя моя – Нина Валентиновна – никогда особым трудолюбием не отличалась. Вещи по дому она «раскладывала» как положится. Редко чего убирала на место, а уж по дому-то вообще мало чего делала, если только жестокая необходимость не заставляла ее царскую особу приподнять пятую точку. Поэтому я и была особенно удивлена, когда на чердаке меня встретило огромное, потемневшее от времени, бабушкино зеркало.

– Приветс, – протянула я, – А ты-то что здесь делаешь?

Подошла к зеркалу поближе – оно было не завешено, и стояло так, что свет из чердачного окна лился прямо в его гладь.

Зеркало это было настоящим антиквариатом – старинное, на серебре, помещающее в себе всего человека, оно было отделано в тяжелую древесную раму, украшенную завитушками и птичками ручной работы. Я хорошо помню, как зеркало стояло в бабушкиной комнате, и как я, иногда, красовалась перед ним в детстве. Что же заставило тетю с дядей тащить его, такое тяжелое, на чердак? Странно...

Мысли мои прервались воем Умки. Бедная собачонка опять сидела на крыльце, и призывно скулила. Я убрала подальше с глаз притащенные мною коробки и спустилась

вниз. Вечером мы с Умкой снова затопили печку, плотно поужинали, я отклонила еще два-три звонка Андрея, и, со спокойной душой, улеглась спать.

Примерно в первом часу ночи, я, как и в предыдущий день, встала с кровати. Прошла на кухню. Вышла в предбанник, и замерла. По лестнице, ведущей на второй этаж, а затем и на чердак, кто-то шел. Звук этот было невозможно спутать ни с чем, так как старые деревянные ступени жили своей музыкальной жизнью.

В панике, я включила свет.

– Кто здесь?

Ответа не послышалось. Шум тоже прекратился. Я взяла фонарь, огромную железную отвертку – как средство самообороны, и стала подниматься наверх. На втором этаже никого не было. Дверь, ведущая в комнаты, была заперта на ключ. Я пошла выше. Чердачный пролет тоже был пуст. Я открыла дверь на чердак, осветила фонарем, и из груди моей вырвался крик. Фигура, светящаяся в ночи, мелькнула по чердаку и растворилась в зеркале.

С ужасом я бросила фонарь и принялась бежать вниз. Ориентируясь лишь на свет, идущий с кухни на первом этаже, я чуть было не сломала себе ногу, но, кое-как добралась до места назначения. Там отдышалась, нашарила в аптечке банку Корвалола, выпила залпом почти двадцать капель, и, бессильная, села на скамейку у стола. Мысли мои путались. Тело дрожало.

– А может нах все, и позвонить Андрею? – мелькало в моей голове.

Но Корвалол начал брать свое. Потихоньку я успокоилась. Отдышалась. Начала искать всему логическое объяснение. Все двери в дом закрыты, так? Так. Окна почти всего первого этажа уже прикрыты ставнями на зиму, так? Так. Пробраться в дом никто не мог, так? Так. Шум на лестнице – наверное крысы. А свечение возле зеркала? Фонарь, глупая! Конечно же фонарь! Ты сама случайно осветила фонарем в зеркало, когда входила – оно же прямо напротив двери стоит. А увидела отблеск и испугалась. Дура такая. Еще Андрею звонить хотела... Я посмеялась над собой и пошла спать. Но сон мой был недолог. Примерно через полчаса я снова услышала скрип на лестнице. Обуреваемая ужасом я, сама не зная почему, встала с кровати и направилась в предбанник.

– Крысы, пусть это будут крысы...

Я подняла голову вверх и увидела бабушку. Она спускалась вниз по лестнице, окруженная странным синеватым свечением. В ледяном поту я подскочила на кровати и проснулась. Дальше, будучи не в состоянии уснуть, включила в доме весь свет. Налила себе еще полбанки Корвалола. Зашла в интернет-чат: все, лишь бы не сидеть в этом доме одной.

Часам к шести утра, я уговорила себя, что все это лишь сон. Дефекты моего разыгравшегося воображения. Возможно вина за то, что я так и не приехала на похороны. Я сделала себе ментальную заметку сходить в церковь и поставить

свечку, и, измученная, уснула тяжелым утренним сном.

Проснулась около полудня. В окно светило солнце. На клумбе под окном нежились фиолетовые хорксусы. При ярком свете дня мои кошмары казались лишь разыгравшимся воображением. День был чудесный. Я покаталась на велосипеде. Заехала на рынок. Посидела на старой ГЭС. Тишина, покой, умиротворение – то, за чем я и ехала. К вечеру я вернулась домой. Умка сидела на крыльце.

– Ждешь меня? – спросила я собачонку. Но та не обратила на мой приезд ни малейшего внимания, а лишь подняла мордочку и завыла.

– Эй-эй, ты чего? – несколько сердито сказала я. Солнце уже клонилось к закату, и весь двор, потихоньку, заполняла тьма.

– Кого ты зовешь? – спросила я Умку, и сама закрыла себе рот рукой.

Той ночью я спала плохо. С чердака, сквозь тонкие перегородки дома, в полной осенней тишине, доносились глухие шаги. Лестница скрипела, будто по ней кто-то спускается. Едва глаза мои закрывались, как я видела бабу, идущую ко мне с чердака.

Как и предыдущей ночью, я хотела отвлечься интернетом, но невольно все запросы мои сводились к призракам и духам. «Зеркало, стоявшее в комнате покойника – несет в себе его душу», «Призраки приходят в наш мир через зеркала» –

вот лишь немногие заголовки, мелькавшие на моем экране в ту ночь.

Рано утром, едва забрезжил свет, я помчалась в церковь. Благо была суббота. Я отстояла причастие. Попросила ба-тюшку отпустить мои грехи. Зашла на поселковое кладбище, где была похоронена бабушка.

Покрытая сухой листвой, среди сотни крестов, ее могилка казалась маленькой, почти детской.

– Ты прости меня, глупую, – прошептала я, присаживаясь на колени возле могилы, – Должна была я приехать проститься. Эгоистка я, дура. Прости.

После прибрала могилку, и, снова попросив у бабушки прощения, ушла. На обратном пути зашла в церковь – набрать святой воды дом очистить. У колодца, этим утром освещенного, сидела старушонка в теплом платке.

Я набрала бутылки две, и она, заметив это, спросила, хихикая:

– Чего так много, милая. Боишься чего ль?

Я пожала плечами:

– Так, хочу дом на зиму в порядке оставить.

Старушка снова засмеялась.

– Ты на нас старых внимания не обращай, любим мы пошутить.

Я, в это время убирающая воду в сумку, подняла голову, и, хотела было спросить к чему это она, но на скамейке возле колодца никого не было.

Тем утром я позвонила Андрею, и уже через час мы уехали с ним в город.

НОЧНОЙ ДОЗОР

Когда мрак окутывает город, и слабым мира сего требуется защита, на улицы выходит ночной дозорный по прозвищу Филин, в облегающих черных лосинах. От кончика носа до самого лба, предварительно закрыв веки, он наспех закрашивается черной краской из баллончика – так надо. Злодеи не должны узнать о том, что в будние дни он обычный электрослесарь третьего разряда.

Профессиональные навыки и обмундирование очень помогают ему в борьбе с преступностью.

Благодаря опыту верхолазных работ при протяжке кабельных линий, Филин в своё время поборол собственный страх высоты, и теперь цепляясь за петли водосточных труб высотных зданий, он наблюдал свысока за положением дел на улицах города. Всматриваясь в переулки, Филин прокручивал у себя в голове одни и те же мысли, подобно мантре: «Когда рухнул союз, я чётко ощутил, как хрупкий мир встал на край, балансируя над пропастью в самое пекло. Либералы и прочие сладкоголосые болтуны выползли наружу из всех щелей, оплетая и туманя общественное сознание подобно чернильному спуту. Но от чего-то все замолкают, когда перед лицом обидчиков в городе происходит явный беспредел. Незрелые слюнтяи прячут головы в песок подстать своей нечистой со-

вести. Да, городу нужен герой... Городу нужен дозорный...
Городу нужен Филин.»

Глаза дозорного начинали слезиться от раздражения. Похоже, камуфляжная краска оказалась просрочена. В добавок начал накрапывать дождь... Но герою не пристало привыкать к трудностям.

Где-то в двух кварталах от караульной точки мнимого супергероя раздался женский крик. Клуб «Ежевичные ложбины» был очагом разврата. При свете неоновых вывесок, освещающих пурпурными красками округу, совершалось преступление: бугай пытался затащить вопящую барышню в машину, кажется он был нетрезв, а она не согласна...

– Стой, душегуб, отпусти невинную девушку, или тебя настигнет возмездие! – выпалил вовремя подоспевший Филин.

Из машины вышли еще два амбала:

– Коча, всё нормально? Тащи её сюда... Кто этот клоун?

Девушка прекратила кричать и вместе с бугаём, которого по-видимому и звали Коча, устала на дозорного.

– Ты кто еще такой? – скривившись в ухмылке, поинтересовался Коча. Будучи в нетрезвом состоянии, он плохо держался на ногах.

– Я твой ночной кошмар! Немедленно отпусти девушку или тебя настигнет возмездие. – ответил Филин и решительно шагнул навстречу неприятностям.

Дозорный никогда не отступался от своих моральных принципов, всегда давая выбор противнику, пусть даже тот

превосходил размерами вдвое и был очень решителен в своих действиях.

Амбалы двинулись навстречу Филину, барышня снова закричала.

Из рукава дозорного показался обрезок четырёхжильного медного кабеля, и он огрел им одного из амбалов по лысине. Второй амбал достал шокер и рассёк им воздух рядом с героем, который успел увернуться. Минутная перепалка дала Коче фору, чтобы силком затащить барышню на заднее сидение, а самому сесть за руль. Кажется, эффектное появление дозорного ввергло «злодеятеля» в паническое бегство.

Едва заведя машину, бугай дал по газам, но ловкий Филин дезориентировал противника кинувшись на лобовое стекло автомобиля. Проехав всего пару метров, Коча врезался в фонарный столб. От удара машины, дозорный слетел с капота на мокрый асфальт. В боку героя что-то хрустнуло... Кажется, опять сломалось ребро.

Дождь усилился, превратившись в ливень.

Амбалы поспешили на помощь бугаю:

– Ну, ты даешь, Коча! Вот так сходили в клубешник...

– Я хочу еще танцевать! – истерила барышня, кажется она тоже прибывала в нетрезвом состоянии.

– Всё, ребята, лучше уж вы за руль, кажется я сегодня перебрал... – вылез из машины бугай.

– Ого! Круто он тебе пряник задел. – ухмыльнулся один из амбалов, заметив разбитый нос Кочи.

– Да это я сам при столкновении расшиб. Гляньте, живой-ли этот псих?!

Амбалы двинулись к медленно встающему Филину со словами:

– Слышь, доходяга, тебе скорую вызвать?

Дозорный понимал, что это было дезориентирующее и уничижительное предложение, чтобы окончательно подавить в нём запал праведного героизма, но сопротивляться не было сил. В боку колело, веки припухли, а стойка в полный рост далась тяжело из-за ушиба ноги. Но подкрепление было уже близко – Филин почувствовал медленно распространяющийся по округе канализационный смрад.

– Ну ё-моё, Карина, тачка – не сортир! – воскликнул Коча,

– Бусь, это не я! – оправдывалась барышня.

Амбалы прикрыли носы, и начали судорожно оборачиваться в поисках источника внезапно возникшего запаха нечистот. Откуда-то из подворотни в одного из них вылетела крышка от канализационного люка и сбила с ног. Второй вновь взялся за шокер и начал судорожно озираться:

– Что за? Коча, тут Семёна зашибло!

Ответа не последовало. Амбал с шокером подошел к машине и увидел Кочу в бессознательном состоянии.

– Карина, ты в порядке? Кто это сделал?

– Я не знаю... – кажется барышня начинала трезветь.

Кто-то тронул за плечо амбала. Тот обернулся, и увидел перед собой замшелого ассенизатора. Панически разма-

живая руками, амбал попытался отпугнуть смрадного гостя стрёкотом шокера, но из-за ливня, шокер коротнул и ударил разрядом тока по самому амбалу, который затрясся в конвульсиях и, теряя сознание, рухнул рядом с Кочей.

Протрезвевшая барышня снова закричала, потому как тоже обратила внимание на замшелого ассенизатора:

– Полиция, полиция!

Выбравшись из разбитого автомобиля, она тотчас пустилась наутёк, теряя каблуки.

«Да...» – подумал Филин, «Дозорный Мох умеет вызвать трепет всего-и-вся одним своим видом, и жутким амбрэ собственной униформы».

Подобно дозорному Филину, дозорный Мох тоже патрулировал город по ночам, но оценивал обстановку не свысока, а из-под земли. Днём он боролся с канализационными нечистотами, а ночью вершил правосудие на улицах города. Зло не ждало.

– Филин? Ты как здесь, братка? Живой? – в порыве дружелюбия дозорный бросился обнимать электрослесаря третьего разряда, а тот в свою очередь, гнусавым голосом (повидимому, камуфляжная краска вызвала раздражение слизистой оболочки) поприветствовал коллегу по дозору:

– Я доже дат дебя видеть, дужище...

– Неважно выглядишь. Впрочем, лучше, чем в прошлый раз. Что с твоим лицом? Опух как чернослив! Погоди, шас... <раздался щелчок фотокамеры смартфона>... Готово. Хех,

я тебя таким еще не видел. Давай, обопрись на моё плечо, пора выбираться отсюда.

«Мы уходили под мелодии полицейских сирен. Когда оперативники прибыли на место происшествия, Коча и амбалы уже пришли в себя. Злодеи жаловались как потерпевшие, в прочем не в первой. Похоже, из новостных сводок снова будет ясно, что общественность не готова в полной мере оценить наш героизм... Пока не готова».

УЗБЕКСКИЕ ДЫНИ

В восьмидесятые годы, мы каждое лето во время своих отпусков работали на Новосибирском овощехранилище. Занимались ремонтом складских помещений. Их необходимо было ежегодно красить, белить, готовить к зимнему хранению овощей и фруктов. Сейчас эта профессия называется «строительный альпинизм».

Был на этой плодоовощной базе механик, мужчина ниже среднего роста, полноватого телосложения. Он отличался от полных мужчин своим животом, который был у него не круглый и отвисший, как у большинства, а как бы, заострённый и сильно выпирал вперёд. Механизмов на овощехранилище было не много, поэтому механик целыми днями бродил по территории в рабочем костюме, засунув руки в карманы куртки, поддерживая свой живот. На овощехранилище ежедневно приходили со всего СССР вагоны с овощами и фруктами. Разгружать быстро их не успевали, поэтому вагоны стояли на путях по несколько суток. У этих вагонов были сопровождающие. Они, пока вагоны стояли под разгрузкой, жили в своих маленьких вагончиках-теплушках и охраняли свой товар. И вот однажды на овоще-базу поступили три вагона со сладкими узбекскими дынями. Поставили их под разгрузку и стали ждать они своей очереди. Чтобы ово-

щи и фрукты не портились на жаре, двери вагонов были открыты. Механик, как всегда, бродил по территории и как раз проходил мимо этих вагонов с дынями.

Вдруг из вагончика-теплушки выскочили два человека и преградили ему путь. Это были молодые люди, узбеки, сопровождающие этот груз. Они грозно смотрели на механика. Один из них процедил сквозь зубы:

– Дыня на места палажи!

– Какая дыня? – не понял механик.

– Дыня палажи, каторые ты пад куртку наваравал!!

– Да не брал я ваши дыни! – возмутился он.

– Лутше сам палажи! – не унимались узбеки.

– Не брал я ничего, отстаньте! – механик тоже начал из себя выходить.

Но парни не унимались, они схватили его за руки и стали вытаскивать из-под куртки дыни. Каково же было их удивление, когда никаких дынь там они не обнаружили. Под курткой был большой острый живот. Парни отпустили руки механика и стояли перед ним растерянные, не зная, что сказать. Народ, который всю эту сцену наблюдал со стороны, дружно хохотал. Механик, не сказав ни слова, быстро пошел в свою каптерку. Парни-узбеки растерянные, тоже молча, забрались в свой вагончик-теплушку. Долго после этого случая сотрудники овоще-базы при встрече с механиком спрашивали его шутливо: – «Дыня на места палажил»? Механик злился на них и отвечал грубыми словами.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ В САНАТОРИИ

Послышались шаги в коридоре... Кажется, это Васька. Сто процентов. Шаркает стоптанными набок сапогами и вертит связку ключей на указательном пальце. Отпирает дверь соседней камеры. Крики, ругань, пауза... Кажется удары. После глухих шлепков слышатся сдавленные стоны.

Ещё, кажется, удары. Дверь соседней камеры с грохотом запирается. Стоны в полный голос, причитания, угрозы вполголоса.

– Что сказал? – Васька орёт через дверь камеры из которой только вышел, – Мало тебе? Сейчас вернусь, добавлю!

Слышно: дверь соседней камеры опять гулко отворилась. Кажется вернулся, добавил.

Новый сосед получил прикладом, сапогом, кулаками. Куда попало. В живот, по спине, по голове. Это я знаю точно. Сам был на его месте всего три дня назад. У Васьки такой метод знакомства с вновь прибывшими. Очень вероятно, что сейчас сосед корчится от боли на полу, в бессилии и обиде, не понимая, за что страдает. Бедолага... Дальше будет хуже.

Но не до сопереживания сейчас. Васёк подходит к двери моей камеры. Знаю, что заглядывает через щель. Стою, глазами в пол, стараюсь изобразить на лице отсутствие всякого выражения, прикидываюсь каменным истуканом. Помню,

что слишком дерзкий или чересчур расслабленный вид его злит. И уж не дай Бог, улыбаться. Зайдёт вальяжной походкой, с ухмылкой на мерзкой морде и, встав напротив, неожиданно врежет под дых. «Думал, в сказку попал?» – любимая его поговорка. И сразу удар ладонями по ушам, – «Я научу тебя Родину любить!».

Вот так... Теперь, этот жалкий неудачник, стрелявший у меня сигареты при каждой встрече, слабым голосом жаловавшийся на то, как мать, и бабка, и тётка, и напарник на работе, и сосед, и сын соседа его мучают, Васька-лошара, пугавшийся каждого шороха в подъезде... Да что теперь вспоминать эти подробности? Кажется, все мы получили хороший урок и своими глазами увидели старый сюжет: классический случай превращения ничтожества в тирана. А некоторые, особо «везучие» граждане, такие как я, даже прочувствовали на себе, на своих рёбрах и почках то, как мстит посредственность за каждый миг своего прошлого позора.

Васька – тот самый мямля с нашего подъезда и жалкая размазня, сейчас уставился в смотровую щель двери и ищет, к чему придраться, упиваясь собственной властью. Знает, что я знаю, что он смотрит. Знает, что я знаю, что он знает, что я знаю. Блин! Кажется, я улыбнулся опять. Зазвенели ключи на связке, заскрежетал механизм замка, сердце ушло в пятки. Когда бьют, невозможно сохранить достоинство. Как не старайся, больно и гадко. Сознание потерять что ли? Очнуться бы в углу камеры, как вчера вечером.

– Что лыбишься?

Ну точно, встал напротив! Злые маленькие глазки, мерзкая ухмылка. Инстинктивно подаюсь назад, руки тянутся к животу...

– Стоять ровно! Руки вниз!

А руки-то не слушаются, не могу не закрываться. Точнее, организм не может – инстинкты.

– Третий день в нашем санатории этот. Смотри, уже совсем расслабился на казённых харчах. – Вася говорит в сторону. Я приподнимаю голову и вижу ещё одного человека за его спиной. – Любопытный? Кругом! Мордой к стене! Руки за спину! – орёт Васёк.

Разворачиваюсь и немедленно получаю удар по почкам, потом, носком сапога между ног, потом по голове кажется, потом не помню.

Хорошо с головой у меня. Такая интересная функция есть. Чуть удар пропустил, брык – и отключился. Ещё с подросткового возраста, когда ходил заниматься в секцию единоборств. Удар в голову, затемнение, открываешь глаза уже в раздевалке и видишь испуганные лица ребят и побледневшего тренера. И не больно, и ничего не помнишь. Выключили и включили.

Сегодня тоже что и вчера: открываю глаза и вижу стену... И заднице холодно: сижу на полу в углу камеры. Но болит всё. Видимо, Вася уже бессознательное тело молотил. Трогаю шишки, пытаюсь встать, всё работает, руки-ноги двига-

ются, уши слышат, глаза смотрят, зубы, вроде на месте. Хоть и болит всё. Жить можно, в общем.

Когда началась возня в столицах, все эти громкие отставки, народные сходки, аресты больших руководителей, помню, стоял около подъезда, докуривая, и встретил Васю. Тот, как обычно, неуверенно открыл дверь, бочком выскользнул, испуганно огляделся, потом, опасливо посмотрел назад и, успокоившись подошёл ко мне. Машинально сую руку в карман куртки, достаю сигарету и протягиваю. Влажные преданные глазки, «Спасибо, друг» во всей его позе.

Я один из немногих, кто не подтрунивал над ним, не издевался, не ржал над неуклюжим человечком с четвертого этажа. Впрочем, и особой жалости к Васёк не испытывал, но и наблюдать, как издеваются, не нравилось. «И разговаривать тоже не хочу с тобой, Вася» – думал, наблюдая, как он прикуривает.

– Слушай, а чего там происходит-то? Митинги, арестовывают этих, – тычет пальцем неопределённо, куда-то за спину и вверх. – Теперь всех воров пересажают-перестреляют и заживём? – пристально смотрит на меня, как на девушку в окошке справочного бюро вокзала.

– С чего ты это взял, Васёк? Когда такое помогало? Кто посадит? А кто решать будет, кого садить, кого стрелять? – нехотя отвечаю. – Думаешь, те кто сейчас лезут наверх, о тебе или обо мне думают? Или о какой-то справедливости?

– Ну, пишут везде и говорят. Что сметём эту старую банду. Избавимся от них и...

– И что? Ты представляешь масштаб? Ведь вся страна погрязла в коррупции. Ты был в госучреждениях? С инспекторами сталкивался? Пробовал что-то добиться от государства на любом уровне? – не знаю, зачем меня понесло.

Почему я решил этому Васе всё высказать? Видимо, не остыл от недавних споров с друзьями, тоже горячими головами: «Сейчас этих пересажаем, этих расстреляем и заживём» и просто высказал мысли, которые бродили в голове.

– Это, Вася, надо процентов семьдесят страны пересажать. А то и девяносто... девять. Даже меня, например. Я, когда чек в своём магазине не пробиваю или в отчётности немного цифры меняю – тоже, получается, немного «этот», как ты говоришь. Меня тоже «смести» надо? Хотя делаю я это не для астрономических барышей, а чтоб без штанов не остаться. Сметут меня – у кого будешь сигареты стрелять? – эдак покровительственно говорю.

Вася смотрит и молчит.

– А будет вот что: наверх выберется всякая шваль и пена. Перебьют кучу народу и рассядетса в руководстве другая банда. А до нас с тобой никому дела нет и не будет. – бросаю окурочек в урну и захожу в подъезд. Васёк пристально смотрит мне вслед, о чём-то размышляя.

Когда волна «масштабной борьбы с коррупцией на местах» дошла и до нашего городка, выяснилось, что ворья и

правда, очень много. И надо много тюрем. И много «специальных» учреждений для утилизации коррупционеров. И много охранников в тюрьмы. И немало «утилизаторов».

Удивлялся ли я, когда пришли и за мной? Наверное, нет. Уровень сюрреализма окружающей жизни уже давно превысил ожидаемые прогнозы. Для меня вокруг бурлил мутный поток перемен. И свой арест я воспринял почти с апатией.

Но, когда в мою камеру зашёл тот самый Васёк, в униформе, с ружьем и со словами: «Шваль, говоришь? Мусор? Какие, говоришь циферки менял?», не скрою, немного озадачился. А когда в ответ на моё: «Васька, ты чего? Я же шутил», получил прикладом в живот, удивление, как рукой сняло.

ЧУЖАК НА ПАСЕКЕ

Серёга появился в нашей бригаде полупроводниковой преобразовательной подстанции примерно в начале восьмидесятых. Высокий, сухощавый и подвижный, он как-то сразу влился в бригаду и быстро стал своим человеком. Будучи моложе всех, он старался больше молчать и слушать, что говорят другие. Он как бы узнавал нас через разговоры.

А говорили мы ни о чём и обо всём сразу. Точнее, каждый о своём. Если не считать общих тем, то мои разговоры сводились в основном к туризму и соревнованиям по спортивному ориентированию на местности. Серому это нравилось, и он частенько задавал мне вопросы, касаются именно этой темы, ибо я в них разбирался как никто другой.

Однажды, по причине лютой непогоды и разбитых дорог в нашем краю, мы решили изобрести грунтозацепы собственной конструкции. Серёга сотворил свои из шкивного ремня вентустановки, а я изготовил металлические. Сначала было решено испытать Серёгины.

Дело было глубокой осенью, и дожди не давали покоя целыми неделями. Только дожди нам не помеха, когда природа зовёт и манит! Я же сам расписывал чудеса и прелести горячей печки, а поход в непогоду можно было стерпеть.

Сергей приехал на работу на своём «ижаке» без люльки.

Рюкзаки мы оставили на проходной. Во времена советского союза это было само собой разумеющееся явление. Под присмотром охранника, в сухом помещении (Почему бы и нет?). Это сейчас, когда офисная показуха внешнего благополучия стала важнее нужд человека, тебя с рюкзаком просто вышвырнут под дождь или снег, да ещё и раздуют это до экономической диверсии.

Отработав положенные восемь часов, мы переоделись и вышли на проходную. Здесь пожилой охранник поинтересовался, куда мы направляемся, и позавидовал даже: «Эх, а хорошо бы в такую непогоду завалиться под горячий бочок печки». Это высказывание нас еще подстегнуло и как-то воодушевило даже.

Одетые в костюмы химзащиты и резиновые сапоги, мы вообще бы не замечали мелкого дождя, если бы он не сёк лица. Мотоциклетные очки спасали глаза и то ладно. За селом Тарханка, за железнодорожной станцией начиналась грязевая дорога. Мы привязали ремённые грунтозацепы и приготовились ехать за девять километров на пасеку Остапенко.

Не скажу, чтобы нас кидало из стороны в сторону по разбитой дороге очень уж сильно, но иной раз закидывало ощутимо. Грунтозацепы «держали дорогу», но ровно один километр. А дальше начались наши мучения: грунтозацепы стали рваться один за другим, а нам пришлось вести мотоцикл «в поводу» (то есть, толкать транспорт в гору). Естественно, Сергей не знал дороги и во время очередного перекура с со-

мнением спросил:

– Думаешь, дотянем?

– Не-а, – беспечно ответил я.

– Тогда что? Разворачиваемся домой?

Нас окружала сплошная темень ночи, сдобренная мелким дождём со снегом. Я-то знал куда идти, а вот Сергей стоял в сплошной ночи и ничего не понимал. Для него была понятна только непогода. Мне же было проще размышлять о грядущем. Лишь о том, что приключится с нами по приезду на пасеку, не подозревал.

– Домой, мы еще успеем, а сейчас нам надо вернуться немного назад и проехать метров триста в сторону, чтобы скорректировать курс на гостеприимную пасеку. Правда, я на ней ни разу не был, всё мимо проходил.

– А где она?

Я указал в темноту рукой и чуть не охнул. Из черноты ночи на нас глядело одно окно. Оно светилось слабеньким голубым светом. Я почему-то решил, что это отражение невесть откуда взявшегося света.

Мы развернули бесполезный мотоцикл и покатали назад, через ручей. Затем свернули на чуть заметную дорогу вдоль ручья и, через полчаса ползания по грязи, ввели своего стального друга во двор пасеки. Окно не светилось. «Может быть, показалось?», – подумал я.

Теперь наше настроение слегка приподнялось, но вскоре снова рухнуло. Вход в дом окружала веранда из плотно по-

догнанных досок. Только двери, как мы их ни искали, никак не хотели находиться «Вот тебе на! Доски и доски... Но ведь как-то кто-то сюда входил? Невероятно!»

Пришлось под дождём открывать рюкзак и искать фонарик «жучок». Не хотелось дополнительно мочить вещи, но что поделаешь? В бледном свете пляшущего луча мы обследовали стены и ведь нашли прямо по центру лицевой стены, там, где и положено, находился почти незаметный вырез дверного проёма и ничего более. Ни замка, ни дверной ручки. Даже просто загнутого гвоздя, за который можно потянуть, и то нет! Зато обнаружилась обыкновенная оконная щеколда. Она находилась на высоте, примерно, сантиметров сорок над уровнем пола. Открыв её, мы вошли на веранду, матеря умельца за невзрачный вход и дальнейшие препятствия – здесь путь в дом преграждал массивный замок на металлической полоске, что перечёркивала собой уже основную дверь в дом прямо по центру.

Конечно, это не вражеский бастион и мы с ним непременно справились бы силой, но я-то знал, что пасечники не уносят ключ с собой, а прячут или под порог, или под крышу. Бывает и под крыльцо, и над дверью. В общем, оставалось только найти ключ.

Через полчаса поисков, ключ мы не нашли. Я достал нож и вышел на улицу. Здесь, благословясь, отогнул гвозди и вынул целиком оконную раму. Уф, наконец-то мы в доме! Остальное было делом техники. Мы прошли через комнату, где на-

ходила печь, две кровати и стол с табуретками, в маленькую кухню. А может быть просто коридорчик? Здесь стояла только газовая плита. Потрогав плиту, я вернулся в комнату, зажёл свечу и стал рассматривать стол. Тут явно кто-то побывал прямо перед нашим пришествием. Кусочек хлеба был ещё влажным после укуса, шелуха свежесъеденных яиц была также мокрой.

– Понял, Серёга? Здесь кто-то только что был. Поэтому мы не нашли ключа. Человек, убегая, в впопыхах забыл спрятать его на место или унёс преднамеренно, рассчитывая, что мы не откроем двери и уйдём. И дверную ручку тоже оторвал, чтобы труднее вход на веранду нам дался чуть труднее.

– Чудеса... А чего от нас бегать? И почему он печь не затопил?

– По-моему, Серый, он только что пришёл и хотел осмотреться, выждать, когда будет совсем поздно и никто уже точно не придет. Вот тогда бы он и растопил печь. Этот человек прячется. Так что по одному выходить нежелательно. Только вдвоём и с ножами.

После такой содержательной перемолвки, наше радужное настроение несколько поубавилось. Кому захочется быть под чьим-то пристальным надзором? А пока что, мы отогнули усики пробоя на входной двери изнутри дома и железная полоса, вместе с замком, сиротливо бренькнула об пол. Оконную раму, в свою очередь, мы вернули на место.

Пяток сухих поленьев возле печки, не могли решить проблему с обогревом и поэтому, вооружившись пилой и топором, мы вышли на улицу. Прямо от веранды начинался густой старый черемушник, и мы напилили сухостоя (благо он находился в тени дома и оказался относительно не тронут дождём). Черёмуха горит долго и жарко. Вот теперь можно и обсушиться.

Дело в том, что когда едешь на мотоцикле, прорезиненная одежда спасает от дождя и ветра, но когда толкаешь мотоцикл, становится жарко. Так что, под плотной резиной химзащиты мы пропотели изрядно, а пока возились с дверью веранды, так замёрзли, что зуб на зуб не попадал.

Печь находилась в образцовом порядке, даже побелена. Вскоре тепло стало волнами прокатываться по комнате. Мы остались только в трико и майках.

– Серёга, как ты?

– Блин, блаженство! Точно, как ты рассказывал. И ещё, помнишь, ты говорил, что с собой хорошо приносить, какой бы то ни было, съедобный подарок? Что это всегда приятно. Так вот, я принёс. – с этими словами Серёжа вынул из рюкзака тушку копчёной нутрии и бутылочку водки.

– Вот это да! Вот так праздник! Ну, удружил!

Утром мы проснулись поздно не потому, что накануне выпили. Просто, на улице начался град, звонко барабанивший в окна. Грунтозацепы приказали долго жить, и посему было

решено задержаться на уютной пасеке подольше. Чёрт с ним, поспим от души, поболтаем, погреем кости у печи.

Так день и прошёл, а осадки прекратились. Однако к вечеру мы вновь испытали некое неудобство в виде неожиданного гостя. Обе кровати, на которых мы возлежали, стояли вдоль одной стены (моя у входа, а Серёгина чуть дальше – у окна). Уже опускались сумерки, когда я услышал посторонний звук возле входа на веранду. Сделав знак Сергею, я тихо встал и подошёл к его кровати. Здесь я увидел в окно стоящего напротив входной двери чужака. Он был одет в фужайку, шапку-ушанку, чёрные штаны и кирзовые сапоги. Человек стоял и смиренно, вперив свой взгляд в дверь. Наклонился к уху Сергея, я описал ему увиденное, а также попросил не шевелиться (уж больно кровать его была «певучей»). Серёжка понимающе кивнул. Далее я на цыпочках подошёл к комнатной двери и прислушался.

Прошло минут десять-пятнадцать, прежде чем чужак решился войти на веранду. Здесь он постоял ещё какое-то время и вошёл в кухню. Оставалась дверь в комнату, за которой притаился я (видимо, осторожность чужака заставила меня самого осторожничать). Что если незваный гость войдёт? Сразу сбить его с ног, а потом разбираться? Или запустить пропустить в нашу «спаленку» и оказаться за его спиной? Пока я мучился сомнениями, Серёга решил привстать, чтобы было удобнее вскочить при необходимости. Кровать пронзительно взвизгнула, и тот час же послышался топот ног

убегающего прочь чужака. Я пулей вылетел следом, но увидел лишь спину человека, продирающегося сквозь черёмушник. Тут же рядом возник Сергей, и мы оба стали кричать мужику, чтоб не боялся, что мы ему зла не причиним, чтобы возвращался, и мы его накормим, и так далее... Чужак не вернулся, и мы снова легли на свои кровати.

На дверях мы поставили шумовые растяжки в виде банок и бутылок. Если двери хоть слегка приоткрыть, наши погремушки грохнутся на пол и мы услышим постороннее присутствие. Ночь прошла спокойно.

Следующее утро принесло лёгкий заморозок и солнечный день. Вчерашние опасения забавляли и вскоре мы трюхали на «иже» по замёрзшим колдобинам домой. Позже, Сергей еще долго припоминал это приключение.

Стоит добавить, что перед возвращением в свой родной дом, я заскочил в опорный пункт к участковому и рассказал ему о произошедшем на пасеке.

– ...Вероятно, это был преступник, – предположил я.

– Да какой там преступник?! Так, «шелупонь» беглая, из поселенцев. По девке своей соскучился, вот и кинулся в бега.

А я подумал о беглеце: «Эх, мужик... Зря ты не вышел к нам! Мы бы тебя и накормили, и обогрели, и поняли. А понять – значит, простить».

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ПАСЕКУ

Пришла зимушка-зима. У пихт иголок побольше будет, чем листьев у других деревьев, да и не облетают они на зиму, вот поэтому и снегом пихты укутаны намного теплее, чем остальная голь перекатная. Всё как в жизни – кто больше нахапал, тот и пан. Да и внешне заснеженные пихты смотрятся куда красивее – к такому выводу пришли мы с Серёгой, когда перекуривали на той же самой развилке к пасеке.

Нам предстояло подняться на тягун, затем повернуть на девяносто градусов налево и, одолев перевальчик, упасть в середину речки Комарихи. А там останется только скатиться вниз, прежде чем снова окажемся на пасеке. В общем, часа через два мы должны были оказаться на месте. А там мы планировали сбросим рюкзаки и пойти на охоту на зайца.

А пока что, мы сидели и во всю силу своей неукротимой любви к природе, любовались пихтами в снегу. Лыжи стояли вертикально воткнутые в снег.

– Серёга, есть предложение.

Мой товарищ сидел на поваленном дереве, подставив солнцу свою физиономию.

– Не возражаю... Наливай! – с крайне философским видом ответил Сергей.

– Да погоду ты, я не об этом!

– А о чём ещё можно говорить в такое утро? Ещё только десять часов, а я уже хмельной от воздуха, красоты и запаха портянок.

– Гы-гы. Где ты увидел портянки? Я о другом. Давай путь срежем! Тупо пойдём по диагонали и выйдем на середину Комарихи. А вдруг эта тропа окажется короче? Хотя, как сказать... Те, кто прокладывал эти дороги, тоже не дураки и, наверняка, испробовали другие варианты.

– Ну и что нам это даст?

– Возможно, выявим новую тропу... Возможно по пути рябчика повстречаем.

– А давай, – согласился Серёга и стал решительно пристёгивать лыжи.

Какие же мы были дурни! Сначала идти было сносно – снегу в колено, настроение прекрасное. Прошли по склону крупный осинник. Ручей ушёл влево к Верхней Комарихе, а мы, как и было задумано, пошли по диагонали. За осинником, на взгорке, нам открылся прекрасный вид на большую поляну.

И её мы прошли без приключений. Но дальше стоял молоденький осинник, промеженный кустами волчьей ягоды. Здесь случился мы стопорнулись из-за того, что осинник и кустарник росли так густо, что лыжину приходилось просовывать сквозь стволы. Переноса вес на палки (повисая на них), мы постепенно вдавливали просунутую лыжину между стволами. Затем наступал момент тех же манипуляций со

второй лыжиной. На каждый шаг уходило много времени, которое не стояло на месте.

Когда мы всё-таки преодолели эту «полосу препятствий», то заметили, что солнце заволокли тучи, и слегка посвистывает ветер. Радовало лишь то, что впереди стоял мелкий кустарник, состоящий в основном из шиповника. Тем более что полулысая вершина обещала нам долгожданный перевальчик, за которым и должна быть прямая дорога на Среднюю Комариху.

Наши бы надежды, да Богу в уши! Здесь снег оказался намного глубже и, что самое противное, наступая на наст, мы чувствовали себя в безопасности, но когда переносили вес своих тела на лыжину, она вдруг проваливалась то задком, то носком. Пришлось снять лыжи и нести в руках, а верхний слой снега пробивать ногой, и только затем проваливаться в него по самые бёдра. Мучительная прогулка продолжалась метров сто.

Серёга сносил испытания молча. Как он сам мне рассказывал, для него не проблема бегать на лыжах. Он это хорошо делал на прогулках, но только по проложенной лыжне! Теперь он захотел научиться ходить по лесу. Если бы я знал об этом, то выбрал бы что-нибудь полегче, чем эта «диагональ». А сейчас было важным, что он молча всё переносил.

Когда мы поднялись на мнимый перевал, то убедились, что за ним идёт небольшое чистое плато и начинается следующая ступенька подъёма. Вот так! Приходи, кума, любо-

ваться! Наши мучения продолжались. Чтобы не повторяться, скажу, что так мы преодолели ещё две ступени. По шиповнику, по сугробам, по нервам. Сергей, хвала ему и слава, если и падал, то молча выкарабкивался сам и продолжал движение. Я-то тоже хлопался периодически, но мне это было привычно, а вот какво ему?!

Уже в сумерках мы выбрались-таки, на последнюю ступень и здесь нас ожидало новое открытие – перед нами стоял во всей красе стеной густой и пружинящий черёмушник. Нет, ну нельзя же так, чтобы десять бед в одном стакане! Обходить было сомнительно, ведь сумерки уже настолько сгустились, что ближайшие ветки различались с трудом. Сергей дышал запалено, как, собственно, и я. Что ж, сиди-не сиди, а начинать надо!

Трудно передать, как мы шли через заросли. Здесь приходилось не только устраивать лыжу, но и самому протискиваться между веток. Да её отцепляться от тех, которые тебя схватили за одежду. Стало совсем темно и я не мог рассмотреть, как там двигается мой напарник. Приходилось временами окликать его.

Всему приходит конец, и нашим мучениям тоже. Прямо из черёмушника мои лыжи провалились в какую-то канаву, и я принял удар тверди земной прямо пятой точкой. Ощупав снег, я понял, что это накатанная машиной дорога, и что машина здесь проходила давно и не раз. Первая мысль была о том, что это кто-то приезжал на пасеку. Ур-ра!

Из кустов вывалился Серёга. И тоже пал жертвой глубокой колеи.

– Это где мы?

– На комарихинской дороге. Теперь уже рядом, километра два.

Мы стояли упиревшись грудью в лыжные палки и хрипло дышали. Идти никуда не хотелось. Хотелось разжечь костёр, вскипятить чай и хоть немного согреться. Когда мы ломали горочку, то, естественно, пропотели так, что выжимай. Теперь же, когда постояли на месте, ветерок сделал своё дело, и наши бранные останки стало потряхивать. Ну, чего ради разжигать костёр, когда пасека уже рядом? Ничего, дотянем. Если что, костёр мы всегда успеем разжечь.

Я снова потопал впереди, но теперь прощупывая колею. Ночь залила весь свет чернилами двоечника. Идти приходилось медленно, то и дело запахиваясь носками лыж в стенки колеи. След был утрамбован и поэтому лыжи постоянно отдавали назад, когда пытаешься ими оттолкнуться. Так мы шли долго. Очень долго. Пока однажды мои лыжи не уткнулись во что-то. Этим «что-то» оказался стог сена. Тут уж и дурак поймёт, что машина ехала вовсе не на пасеку, а объезжала стога. Её след колесил по полю и петлял между стогами. Господи, сколько же мы протопали зря. Ведь по идее, мы должны уже быть на пасеке!

Что же делать? Где лес, где дол? Вокруг чернота. Оставалось одно – надеяться на рельеф и на интуицию. Пройдя

немного туда-сюда, я понял, где низ, а где верх поля. Естественно, речка Комариха должна течь именно вниз. Тогда, не задерживаясь более ни на чём, мы направились в низ поля. И не ошиблись. Когда лыжи стали стремительно падать вниз, я тормознул и достал фонарик. Всё ясно, вот кустарник, которым поросла речка Комариха. Случайно скользнув лучом рядом с собой, я увидел небольшую разворошенную копну сена. Сергей тоже увидел копну и направился ко мне.

– Серый, ты куда?

– Туда.

Я пошёл следом. Сергей устало повалился на сено.

– Всё. Я больше никуда не пойду.

Стало ясно, что наступил надлом. Он действительно никуда не пойдёт. Но ведь осталось идти метров пятьсот. Что делать?

– Хорошо, отдохни.

Серёга как сидел, так и повалился на сено. Даже рюкзак не снял. Тогда я достал зажигалку и зажёл пучок сена. Правда, горело оно одну минуту, но и этого хватило, чтобы Серёга придвинулся к пламени. Тогда я подбросил сена побольше, и стало светлее и теплее. Но сено жечь нельзя. Это закон и нарушить его можно только в самом крайнем случае, но такого случая не было. Смерть нам пока что не грозила. Я вытащил из рюкзака пару сарделек и срезал две веточки с ближайшей ивы. Подбросив сена, стал жарить сардельки. Видимо пятиминутного сна хватило моему товарищу, чтобы

прийти в себя. Я растолкал его и вручил горячую сардельку.

Он вяло потянулся к мясу и стал безразлично жевать. Огонь погас. Из темноты послышался его голос:

– Давай переночуем здесь. Ведь люди как-то ночуют в стогах?

– Ночуют. Летом. А мы, с нашими летними спальниками, к утру обморозимся к чёрту! Давай, поднимайся! Осталось совсем немного. Теперь уж точно!

– Я не пойду.

– Хорошо. Я сейчас сам сбегаяю на пасеку, отнесу свой рюкзак и вернусь за тобой. Только ты никуда не уходи, ладно?

– Ты не вернешься. Уйдёшь и всё.

– Серёга, ты что – дурак? Как это я не вернусь. Не расклеивайся, давай! Вот тебе моё ружьё, чтобы ты не сомневался.

Я достал из рюкзака свою вертикалку тридцать второго калибра.

– Вот тебе мой «олень» (так называлось ружьё), держи. Я скоро. Серёга остался где-то в темноте, а я надал по чьему-то следу. Метров через четыреста след нырнул вниз к речушке, и я оказался на пасеке. Здесь, не теряя времени, я разжёл печь и сразу же отправился назад, за Серёгой. Мой товарищ мирно посапывал в сидячем положении. Пришлось прервать его сладкий сон.

– Далеко ещё? – Сергей говорил не разжимая зубов и как-то вяло реагировал на меня. Тут-то я и подумал о переохла-

ждении. Надо было срочно заставить его двигаться.

– Рядом. Пошли, пошли. Нельзя сидеть.

– Сколько?

– Четыреста двадцать пять метров. И мы дома! – я стащил с Сергея рюкзак.

– А ружьё не отдам. Вдруг ты захочешь убежать.

– Ладно, носи ружьё.

– Только попробуй удрать!

– Не волнуйся! – Я же знал, что ружьё не заряжено, и патроны находятся в моём рюкзаке. А рюкзак на пасеке.

Вскоре я сказал, что надо быть внимательнее, сейчас будет спуск и через двадцать пять метров мы окажемся у домика. Мы благополучно съехали, и Серёга выдохнул:

– Не соврал!

Когда разгорелись две свечи, я направил друга в спальню. Там находилась духовка печи и около неё можно было греться. Сама печь ещё не разогрелась, открывать заслонку нельзя, – задымит, а возле духовки самое то. Сергей сел на маленький стульчик и сунул руки в духовку. Я пошёл рубить прорубь, чтобы набрать воды. Поставив чайник, я заглянул в спальню и охнул. Такого мне ещё видеть не довелось. Из духовки торчал только худой Серёгин зад. Остального не было! Как он умудрился влезть в духовку, для меня и сейчас загадка! Пришлось вытаскивать.

От ужина он отказался наотрез. Пришлось насильно заставить его сделать глоток чая и всё. Укутав парня местным

одеялом и добавив сверху его же спальник, я и сам, наконец-то, смог вытянуться на второй кровати. Мир погас!

Проснулся я часов в восемь. Сергей мирно посапывал под двумя одеялами. Печь не успела прогреть избушку, и я вновь развёл огонь. Было часов десять, когда мой товарищ зашевелился и сел на кровати.

– Ни фига! Где это мы?

– На пасеке.

– А когда мы пришли? Я же помню, как засыпал в стогу сена. Сначала было холодно, а потом ничего, согрелся. А ты куда-то ушёл и с концом.

Я взглянул на взлохмаченного Серёгу и покатился от смеха. Уж больно он напоминал воробья.

– Так ты, Серый, действительно ничего не помнишь?

Не-а. Я жрать хочу, как волк!

За завтраком я рассказал ему, как мы добирались до пасеки. Оказалось, что до черёмушника он всё помнил, а после – урывками. Сардельку и прочее вообще не мог припомнить. Зато, когда он стал вставать из-за стола, сразу вспомнил каждый пройденный метр пути. Если у меня тело поднывало и давало знать о вчерашней нагрузке, то, что говорить о Сергее? Он взвыл и после этого не мог сделать ни одного движения без оханья или подвыва.

Что особенно интересно, так это яркое горячее солнце за окном. Погода стояла.... Ну где она вчера была? Даже при

свете луны мы бы заметили, что след от машины крутит между стогами, что речка и пасека находятся рядом. Ну, что теперь сетовать? А сегодняшнее светило просто не давало нам спокойно сидеть в доме, и мы решились-таки, выйти на охоту. Не упомяну сейчас по какому случаю мы отдыхали три дня, но впереди у нас был этот день и завтрашний.

С песнями и матерками нацепили лыжи и даже прошли метров сто, когда Сергей остановился:

– Ой-й-й! Нет, я нагулялся. Пойдём назад?

И надо же! В это время впереди вспорхнула парочка рябчиков. Я мог спокойно выстрелить в ближайшего, но что-то удержало меня и я протянул ружьё Сергею.

– Он твой, Серёга! Только второго не стреляй.

Мой товарищ прицелился и грохнул выстрел. Растрёпаным комком перьев, рябчик рухнул в снег.

– Валер, а почему второго нельзя было стрелять?

– Вторая была самочка, а этот самец. Скоро весна, гнездование.

– Понял. Слушай, а как я его срезал? Но, всё равно, пойдём на пасеку?!

– Пошли. Мы и так с добычей. Да и куда нам больше?

И мы, едва отойдя от дома, снова вернулись в него. А через пару часов на небе появились первые облака. За ними потянулись тучи. Повторялась вчерашняя канитель. Тучи шли с северо-запада, а это значило, что будет снег.

Вечер мы встречали застольем. Когда, отволновав нас чарующими запахами, рябчик уварился, и мы садились за стол, Сергей достал из рюкзака двух хариусовмалосолов. Тогда я тоже вытащил из рюкзака бутылочку водки. Поверьте, это был праздник, которого ждали наши промёрзшие души. Мы вспоминали вчерашний поход и смеялись друг над другом. Утро и впрямь принесло снег, но он был для нас уже игрушкой. Мы и не такое видывали!

Вскоре, не помню почему, Сергей уволился с комбината, и мы больше не виделись. Хотя... Однажды я шёл по улице текстильщиков на КШТ. Меня обогнала машина и вдруг остановилась. Из неё выскочил молодой мужчина и пошёл мне навстречу. Как я удивился, когда узнал в нём Сергея Анфилофьева! Мы обнялись, словно родные и такая радость виделась на наших лицах, словно встретились два родных человека.

– Валера! Бросай всё! Сейчас едем к тебе, собираешь рюкзак и берёшь ружьё. Продуктов много, патроны купим и вперёд, на охоту!

Не могу сказать точно, но тогда меня ждали какие-то дела, и я с огромной печалью вынужден был отказаться.

Вот так. Оказывается, выстрел в рябчика оставил в душе моего товарища неизгладимый след. Сергей стал охотником! А меня мучает до сих пор вопрос: почему я тогда отказался ехать с ним на охоту?! Жаль, время не воротишь!

ЗАРОСШИЙ ДОМ

Случилось это давно. В школьные годы, класса до девятого, я и подруга моя Катя, проводили каждое свое лето на даче. Мы были соседями (дома наши стояли совсем рядом), но больше в округе никого из наших ровесников не было. В общем, на даче было ничего, но иногда очень скучно.

Недалеко от нас протекала река. Небольшая, но пригодная для купания. Ее песчаные берега обрамлялись невысокими холмами, в которых любили гнездиться ласточки. На одном из таких холмов и стояла дача Бумагина. Был ли Бумагин князем, или просто зажиточным человеком – мы не знали. Но, конечно же нам прикольное было думать, что князем. Дача эта представляла собой желтое деревянное здание в стиле модерн, увенчанное башней, и, словно замок, вырастающее из деревьев над рекой.

Возле был перекинут мост, так же носящий имя «Бумагин мост», а через мост, напротив дачи Бумагина, стоял небольшой старый дом, так плотно окруженный деревьями, что, если бы не покосившийся забор, можно было бы подумать, что участка на этом месте вовсе и нет. Лишь перелесок. Но, между тем, там стояла дача. И именно она привлекала наше особенное внимание. По деревенской легенде, в этой даче когда-то жила слепая любовница Бумагина, и деревья были

специально высажены вокруг столь плотно, чтобы ничем не напоминать о солнце. Дача эта, как и многие другие старые дома, уже давно была заброшена.

А дальше хочу рассказать о событиях, о которых никогда не говорила даже своей маме, хотя у нас с ней всегда были прекрасные отношения.

Случилось это где-то в августе, когда сезон купания уже отошел, и занятий для подростков на даче стало на одно меньше. В это время мы с Катей обычно много гуляли. Туда-сюда – вдоль берега реки. Часто мы сидели на крыше старого ГЭС и, смотря на воду, обсуждали город, общих знакомых и первые влюбленности. Но разве этого достаточно для подростков? И вот, не поймите меня не правильно, но учтите – тогда мы были лишь подростками – гуляя мимо дачи Бумагина, нам в голову пришла озорная мысль: залезть в дом к его любовнице. Нас подогревали скука, жажда адреналина и слухи, гласящие, что призрак слепой любовницы Бумагина до сих пор ходит по дому. Глупо. Очень глупо. И некрасиво. Но дача была заброшена, а мы хотели хоть каких-то приключений.

И вот, мы начали планировать: осматривали местность (собирались словно в поход)... Даже ножички с собой взяли (а вдруг бродяги какие в старом доме будут)!

В назначенный день мы пришли к даче, пролезли на территорию через дырку в заборе, и ...очутились в полной темноте. Деревья, и без того плотно посаженные друг к другу,

так давно не обстригались, не рубились и вообще не получали никакого внимания, что под кроной их было темно, словно в пещере. Снизу же росла высокая жесткая осока. Заросли и заросли осоки. Никаких клумб и дорожек. А посреди всего этого виднелись покосившаяся крыша, стеклянная веранда с остатками витража и гнилое деревянное крыльцо.

С трудом мы пробрались к крыльцу, поднялись по скрипящим ступенькам, Катя толкнула дверь, и та отворилась. Мы оказались внутри. Из-за нервов и адреналина, я мало что помню из внутреннего убранства. Но, кажется, на веранде стоял большой круглый стол, пара стульев, деревянный комод со стеклянными створками.

Мы сделали пару шагов по кухне, как услышали шум. Он раздавался из закрытой двери в комнаты. Мы с Катей переглянулись и... пустились наутек. Как мы выбрались с дачи, я не помню, но, как только мы оказались на безопасном берегу реки, мы повалились на землю и долго-долго смеялись своей проделке.

Чуть позже, огибая дачу со стороны улицы, мы, о ужас, увидели припаркованную возле калитки машину. Похоже, дом все же не был нежилым.

Позже, сидя на веранде Катиного дома, мы все еще обсуждали свое приключение, как Катя достала что-то из кармана.

– Смотри! Это на память! – и она показала мне маленькую фарфоровую собачку. Та помещалась на ее ладошке и смотрела на нас грустными глазами.

– Как ты успела? – спросила я.

– Да она на подоконнике возле входа стояла, – пожалала плечами Катя, – Думаю, хозяйева даже не заметят.

Я кивнула.

Вечером мы играли в карты. В стеклянное окно веранды постучали. Мы решили, что это бабушка пришла с козами, и вышли на крыльцо, чтобы помочь. Но на крыльце была не бабушка. Там стояла какая-то женщина. Высокая. Худая. С темными волосами. Бледная. Она нервно заламывала тонкие руки и глядела куда-то в никуда. Словно она была слепая.

– Простите, вы не видели мою собаку-поводыря? – спросила она красивым низким голосом, – Я потеряла ее с утра, но без нее практически ничего не могу.

– Одну минуту, – пробормотала Катя, и, за локоть, затащила меня обратно в дом.

– Что делать будем? – спросила она.

Я, и без того обливаясь потом от страха, не смогла выдавить ничего членораздельного.

– Думаю, они заметили пропажу статуэтки, – продолжила Катя.

Я словно очнулась. Мои мысли по поводу гостьи были далеки от земного.

– Давай отдадим! – импульсивно сказала я, схватила собачку и вышла на крыльцо. Но там уже никого не было.

Тут нервная дрожь пошла и по телу Кати. Взгляд ее упал на калитку – то запирающуюся на замок, то открытую для

покупателей молока – и сейчас калитка была закрыта на замок.

– Пойдем отдадим, – пробормотала Катя.

Я была полностью согласна.

Через полчаса мы были у старой дачи. Потоптались у калитки. Крикнули: «Здравствуйте! Есть кто в доме!!???», и навстречу нам вышел высокий лысоватый мужчина.

– Чего Вам? – спросил он, подходя к калитке.

И дальше был один из самых неприятных разговоров в моей жизни.

Нет, мужчина не ругался. Он даже был достаточно спокоен, когда мы рассказывали свою историю и возвращали собачку. В конце хозяин дачи даже посмеялся. Он пригласил нас внутрь, показал дом, который, при спокойном рассмотрении был самой обычной деревенской дачей. Старая мебель, ковер на стене возле кровати. Печка. Кухонька с электроплиткой. Ничего интересного. После хозяин посадил нас на той самой веранде, куда мы еще утром врывались со взломом, и поставил перед нами по чашке чая.

– Да, сюда вообще часто лезут, – задумчиво сказал он, – Но вы девчонки – совсем смешные. Залезть, а потом с повинной. Молодцы. Прощаю. Только расскажите друзьям своим, такой же глупой молодежи, что нет тут и не было никакой слепой любовницы.

– Разве нет!? – почти хором сказали мы с Катей.

Хозяин помотал головой.

– Дача эта принадлежала моей бабушке. Она зрячая была. Замужняя. Потом маме моей перешла. Теперь вот я. Знаю, сам виноват – запустил место...

Он вздохнул.

– Редко приезжаю – все по командировкам. Да и денег на поднятие дачи нет.

Мы лишь кивали. Мы знали: дома заботы требуют.

После мы распрощались и пошли по домам.

– Так кто же это был? – в очередной раз задались мы вопросом, стоя возле моей калитки.

Катя не знала. Я тоже. А может хозяин дачи все же соврал о своей бабушке? Кто знает. Но после мы никогда не видели его машины возле калитки «дачи слепой любовницы», а тетя Зина – ближайшая соседка – и вовсе говорила, что дом – уже давно не жилой.

СКАЗКИ ВОКРУГ НАС

Прекрасный воскресный день. По бульвару идут отец обыкновенный и сын лет семи.

– Папа, расскажи сказку! Ты обещал! Только современную, чтоб интересно было!

– Ишь, ещё и современную! – ответил отец, усаживаясь на пустую скамейку. – Давай лучше я её тебе покажу. Только ты смотри внимательно и не отвлекайся на разные глупости. Девчонку в красной беретке видишь?

– Вижу, и что? – влезает на скамейку сын.

– Гляди, как она пирожок ест, только треск идёт... Самая обычная Красная Шапочка.

– Ну да? – удивляется мальчик.

– А то! Не донесла до бабушки пирожки, сама слопала. Видишь, один доела, из пакета второй достала... Плюшка! Серого волка на неё нет. Научил бы, что бабушку уважать надо!

– И что, теперь бабушка без пирожков останется? – спрашивает малыш, разгуливая по скамейке.

– Ну, бабушка, она ведь не глупая. Знает, что внуков в гости не дождёшься, села на велосипед и на рынок...

– За пирожками?

– Конечно, вон смотри, целую корзинку набрала. Забав-

ная бабуся, правда?

Мимо на велосипеде бодро проехала бабулька в белой кепке и с корзинкой на руле. Из корзины пахло чем-то съедобным.

– Пап, а где сейчас волк? – озирается по сторонам сын.

– Волк в лесу остался, нельзя ему в город, он стражников боится. Они, знаешь, какие крутые? Шутить не любят... – повествует отец.

– Каких стражников?

– Да на той скамейке, видишь, три богатыря сидят – пиво пьют. Тот, что с бородкой козлиной – Илья Муромец, с усами – Добрыня Никитич, а краснощёкий – Алёша Попович.

– А почему они без доспехов? – подпрыгивает на скамейке малыш.

– Так выходной у них. У тебя выходной и у них тоже. Что же им в доспехах-то жариться?

Троица, весело разговаривающая на соседней скамейке, на миг замолкла и вытянула толстые шеи – мимо проплыла длинноногая девица с распущенными по плечам, крашенными в сине–зелёный цвет волосами.

– Русалочка, – подмигнул сыну отец.

– Если её в фонтан кинуть, у неё хвост появится? – полюбопытствовал мальчик.

– А как же! И хвост появится и голос! Так завопит, что уши затыкать придётся. Видишь, волосья-то зелёные... Не то что у Алёнушки, – показал отец на приближающихся к

ним парня и девушку. У девушки была коса, парень прыгал вокруг неё, словно козлёнок.

– Сестрица Алёнушка и братец Иванушка, – радостно сообразил малыш. – Надо же ещё и козлёночком не стал, а прыгает. Давай последим, когда он из лужи пить будет!

– Так сухо кругом, луж нет... – проводил взглядом Алёнушку отец. За ними плёлся толстяк с сотовым телефоном в руках. – Карабас Барабас отдаёт распоряжение о розыске Буратино. Давно гоняется, никак достать не может.

– А где его борода? – прячется за отца, на всякий случай, сын.

– Сбрил для конспирации, чтоб не узнал никто... И очки напялил чёрные для понта.

– Смотри, смотри, – кричит сын, – на той стороне тоже дяденька по сотовому говорит, это агент Карабаса Барабаса?

– Ну, нет, – поворачивается в указанном направлении отец, – видишь, он улыбается, чёлка кудрявая у него – это Иван Царевич со своей Василисой любезничает. Поговорил и в супермаркет побежал. Сейчас живой водицы поллитровочку купит, и домой – выходной день... – вздыхает отец.

– Я мороженого хочу! – вдруг спрыгивает со скамейки сын. – А мороженое нам Снежная Королева поставляет? – хитро спрашивает мальчишка.

– Ага. А продаёт его Белоснежка, подрабатывает по выходным. Заработает кучу денег, купит себе... волшебное зеркало, с утра и до вечера будет в него смотреться.

– А зеркало – это, наверное, компьютер? – догадывается сын. – Значит, будет в интернете с гномами общаться. Смотри, Шапокляк куда-то торопится! – мимо просеменила женщина в шляпке с хозяйственной сумкой в руках. – Там у неё крыска Лариска, – лукаво сообщает сын, принимая из рук продавщицы – Белоснежки мороженое. Толстяк с сотовым остановился сзади них. – Бежим! – вдруг кричит малыш и тащит отца за руку.

Они несутся по бульвару, мимо крутых богатырей, обгоняют Алёнушку с Иванушкой, так и не превратившегося в козлёночка, и чуть не сбивают с ног, вывернувшуюся из-за поворота Красную Шапочку, доедающую восьмой пирожок. Перепрыгнув через невысокий заборчик, сын тащит отца дальше, через заросли кустов на соседнюю улицу. Там они перелезают через канаву, проскакивают мимо Шапокляк, что размахивая сумкой, отчаянно ругается с пьяным соседом – «крокодил» и «иродом» в одном лице, и сворачивают в проулок. Спрятавшись за киоск, они переводят дыхание.

– Ты что? – спрашивает наконец отец.

– Я подумал, что ты мой папа, а вдруг ты – папа Карло? Тогда я – Буратино! Так Карабас Барабас нас разыскивает, вот мы от него и удрали! Нам теперь обратно нельзя, домой в обход пойдём.

В обход получается дольше, но интереснее; навстречу попадаются: Емеля, верхом на пыхтящем мотоцикле, Кощей

Бессмертный в малиновом «пежо» и Соловей-разбойник на роликах.

По дороге отец с сыном заскакивают в магазин и покупают две поллитровочки «живой водицы», бесцветной для папы и оранжевой для сына, которые продаёт им улыбочивая Царевна-лягушка. Подходя к дому, на лавочке они примечают трёх девиц престарелого возраста, почему-то без прялок, ожидающих вечером, «под окном» неизвестно чего... И кота учёного на крыльце, которому надоело «песни и сказки говорить», потому он прикинулся обычным котярой и дрыхнет на солнышке в своё удовольствие.

Чудесный ящик, забытый стариком Хоттабычем в подъезде, именуемый лифтом, с лязгом домчал их до нужного этажа. Жизнь расцветала множеством красок и потрясающе вкусных запахов, когда отец обыкновенный и сын, пацан лет семи, вернулись с прогулки домой. На кухне их ждала Елена Прекрасная в фартуке и скатерть-самобранка на три персоны.

А поздно вечером мальчик с воодушевлением рассказывал маме, какой «супер-классный» сказочный мир обитает вокруг, если, конечно, смотреть внимательно и не отвлекаться на разные глупости.

ДРУЖБА ПО ИНТЕРНЕТУ

Сильный северный ветер подгоняет белые хлопья в воздухе. Голые ветви деревьев гнутся от холода. Редкие прохожие оставляют на занесённой тропинке следы. Тёмное хмурое небо идентично настроению главной героини...

Ленск. 30 марта 2020 года.

В далёкой Якутии в замершем на карантине городе живёт семнадцатилетняя Юлия.

Она ни с кем не общается, ей сложно находиться в обществе. Одноклассники издеваются над «серой мышью» и считают её игрушкой для себя. С семьёй ей также не повезло: родители постоянно ругаются между собой и выплёскивают свой гнев на дочь. Девочка носит только закрытую тёмную одежду и планирует поскорее уехать в столицу.

Заканчивается первый месяц карантина, в школах – дистанционный режим, нельзя выходить на улицу, и все постоянно сидят в телефонах. Общения не хватает, интернет-друзья стали новой «модой». Юлия тоже решила найти себе друга онлайн. Множество людей, анкет, сообщений, заявок – она даже подумать не могла, что кто-то захочет с ней общаться.

Севастополь. 1 апреля 2020 года.

На улице солнечная погода, а Егор со своими друзьями вынуждены сидеть дома. Чтобы хоть как-то развлечь себя, они решили пошутить, переписываясь с незнакомыми девочками в социальных сетях. Одной из незнакомок оказалась Юля.

Егор, Макс и Илья с разных страниц написали главной героине сообщения с нелепыми вопросами.

В ожидании отклика они придумывали себе всевозможные ответы и смеялись. Юля, прочитав эти сообщения, смутилась и решила начать диалог просто со стандартного рассказа о себе. Это не впечатлило молодых людей. После пяти минут такого общения ребята не захотели дальше с ней разговаривать и переключились на другую девочку. Безусловно, Юля расстроилась, потому что даже в интернете с ней не захотели продолжать диалог.

К концу дня Егор пришёл домой, сразу сел за ноутбук и задумался о том, что есть интересного в его жизни. Вспомнив про девчонок, он решил написать самой искренней – Юле, почему-то она не выходила у него из головы. Юля откликнулась и продолжила рассказывать о себе. Егор, в свою очередь, писал то, что интересовало её. Однако он не упоминал о своей популярности и круге общения, а вёл себя как обычный мальчишка.

Егор – популярный мальчик, который никого не подпускает к себе очень близко. Он окружён псевдодрузьями, которые рядом с ним только из-за выгоды. Подкрепляет свою

известность на соревнованиях по баскетболу. Его команда выигрывает почти каждый матч. Егор – отзывчивый, умный, смелый. На первый взгляд, его жизнь идеальна. Вот только семья юноши рушится, родители хотят развестись, школьная нагрузка растёт, а искренней поддержки ждать не от кого. У молодого человека смазливая внешность, которая нравится всем девчонкам. Его шикарная русая чёлка и изумрудные глаза – их слабость. Егор носит только брендовые вещи. Но какой от них толк, если человек одинок?

В течение нескольких дней ребята постепенно открывались друг другу. Оказалось, у них довольно много общего. Они стали рекомендовать друг другу фильмы, игры, книги, музыку. У обоих подростков были проблемы, и, делясь ими, они находили поддержку друг в друге: обменивались самыми сокровенными мыслями, разговаривали о любимых группах, рассуждали о том, почему люди злые и как человек меняется за всю жизнь. И каждый стал для другого лучиком света в тёмном туннеле.

Каждую неделю ребята устраивали день досуга. Целый день напролёт они соревновались в разных онлайн-играх в сети и просто разговаривали. В один из таких дней Егор решил рассказать Юле свой секрет, что он очень популярен. Это весьма удивило девушку, но она не придавала этому значения.

Спустя время они начали общаться всё больше и больше, постоянно рассказывали истории, которые с ними происхо-

дили, созванивались, делились переживаниями и проблемами. Благодаря общению с Егором, Юля стала более открытой, раскрепощённой, перестала бояться людей и поменяла свой имидж. Одноклассники, увидев изменения, перестали над ней насмехаться. Парню тоже помогло общение с Юлей, у него появился стимул сохранить семью от развода, и он начал сближать родителей. В итоге его семья осталась полной.

Конец августа 2020 года. Видеозвонок.

Юля с восторгом и безграничной радостью рассказывает Егору о поступлении в самый лучший университет Москвы. Она потихоньку собирает вещи для переезда и всё больше мечтает встретиться с Егором, так как расстояние между ними станет намного меньше. Парень тоже очень рад этой новости, и у него также есть хорошее известие. Его команда по баскетболу скоро едет на международные соревнования в столицу. Всего две недели отделяли главных героев от долгожданной встречи. Все эти четырнадцать дней ребята продумывали всё: как будут выглядеть, где и когда встретятся, куда пойдут, и что будут делать.

Москва. 13 сентября 2020 года («День X»).

Капли дождя скатываются по стёклам, люди куда-то спешат, дети любят яркие краски осени, кто-то постоянно объявляет информацию о вылетах и прилётах... Вот уже полчаса Юля сидит в аэропорту и с нетерпением ждёт

самолёт из Симферополя. Остались считанные мгновения до встречи с Егором. В ста метрах от неё идут баскетболисты, и с замиранием сердца главная героиня ищет нужного человека. У неё появляются слёзы на глазах, но не от печали. Она очень рада видеть друга. Девочка бежит к Егору, не замечая окружающих. Эта долгожданная встреча для них обоих. Юля встретила человека, который полностью изменил её как внутренне, так и внешне.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БАБУШКИ

Я на кухне готовлю ужин, ложкой мешаю кашу, вечерет...

За окном пасмурно. От крика племянницы ложка из моих рук падает на пол. Я в испуге смотрю на дверь.

В комнату ворвалась запыхавшаяся от бега племянница:

– Бабушка вернулась! Тётя Лиза, бабушка Маша пришла домой!

– Как пришла? Мы же её похоронили семь дней назад. Что ты такое говоришь, Верочка?

В глазах подростка – страх и удивление.

– Говори толком – что случилось?

– Тётя, ты не поверишь, бабуля вернулась! Пойдём, посмотришь.

Я быстро схватила пальто и поспешила за племянницей. По дороге к дому сестры десять минут ходьбы. На ходу одевая пальто, слушаю сбившийся рассказ племянки:

– Ты не поверишь! Мы с мамой зашли в бабушкину комнату, а она сидит на кровати и дышит. А свечка так и колыхается, так и колыхается... Мы с мамой не поверили, позвали соседку, а она сказала, что это приведение! – племянница заплакала.

– Да не плачь ты, пожалуйста. Вам показалось. Это бывает

от переживаний – пыталась успокоить племяшку.

Наконец пришли. Навстречу вышла сестра. Она приложила пальцы к губам: "Тс-с...".

Я вошла в дом. Комната нашей бабули – моей и сестры. Восьмидесятилетняя бабуля жила в доме наших родителей. Мама ухаживала за ней. Умерла бабуля неделю назад. Умерла в коматозном состоянии от кровоизлияния в мозг. Тихо ушла, не приходя в сознание, будто не хотела тревожить близких.

Бабушка прожила тяжёлую жизнь. В сорок первом на фронт ушёл муж и погиб. Бабушка вместе с двумя детьми пережила бомбёжки, голод. До войны вступила в комсомол. Верила только в свои силы, ни на кого не надеясь. В церковь не ходила, в Бога не верила. Поэтому после смерти, в дом священника не приглашали. Похоронили в холодный мартовский день.

Прошло семь дней, мама попросила меня и сестру, приехавшую на поминки из города, сходить в местную церковь: заказать молитвы за упокой. В церкви одна из служащих посоветовала набрать в платочек землю с любой могилки на кладбище и принести её в церковь. Мы так и поступили: пошли на кладбище, взяли землю с могилки родственника, принесли платочек с землёй домой и положили его в шкаф.

В доме с первого дня бабушкиного ухода по совету соседки круглосуточно, горели свечи. "Так положено" – сказала соседка. Готовились к поминкам покойницы.

И вдруг она вернулась... я стояла у двери и не верила своим глазам. Постель на бабушкиной кровати примята. Нет, не просто примята! Она выглядела так, будто на ней лежал человек. Контуры человеческого тела чётко виднелись на белоснежной постели: две взбитые пуховые подушки были вдавлены посредине, там, где лежало бы туловище-большая вмятина, где ноги-тоже небольшая вмятина.

Свеча, стоящая на столе, горела ярким пламенем. Но пламя колыхалось периодически по направлению от кровати к окну. Создавалось впечатление, что рядом со свечой сидит человек и дует на неё.

Внутренний голос мне прошептал: "Поздоровайся".

– Здравствуй, бабулечка... – промолвила я, едва двигая языком.

В горле пересохло. Пламя часто заколыхалось. Мы с сестрой, как вкопанные, стояли у двери и не верили своим глазам. Мистика!

Тихонько прикрыв дверь, мы удалились в другую комнату, где сидели мама, папа, соседка и племянница. Они вполголоса беседовали. Мама плакала.

– Вы землю с кладбища в дом заносили? – спросила меня соседка.

– Да.

– Ну, вот -результат. Нельзя с кладбища в дом. Что же вы наделали? Хотя бы спросили в церкви.

В прихожей послышалось хлопанье двери. Мы с сестрой

ринулись туда. Наружная дверь – нараспашку. Дверь в комнату бабушки – тоже. Вошли в бабушкину комнату. Кровать ровно заправлена. Подушки одна на другой лежат так, как лежали до бабушкиного прихода. Пушистые, высокие.

Бабушка ушла.

Я открыла шкаф, схватила платочек с землёй и выбежала на улицу. Сердце колотилось так, что я слышала каждое его биение. В палисаднике рукой нащупала (в темноте ничего не было видно) камень и положила платок под него.

На другой день мы с сестрой отнесли землю в церковь, заказали молитвы за упокой бабушки. Выстояли службу до конца, крестясь и плача.